U 153/89
43-4

U 153/39

2151
Г

153/39

ПЛУТАРХЪ
ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА,

или

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЕЛИКИХЪ И СЛАВНЫХЪ ЖЕНЪ ВСѢХЪ НАЦІЙ, ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочин. Гг. Бланшарда и Пропіака.

ЧАСТЬ III.

Изданіе С. и Г.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф. 31-28197.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1817.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Августа 24 го дня 1816 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Цензоръ Михайло Снегиревъ.*

2014141815

ПЛУТАРХЪ
ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА.

ХРІСТИНА,
Королева Шведская.

Хрістина, Королева Шведская, родилась 8 го Февраля, 1626 года. Она была дочь великаго Густавъ-Адольфа, Короля Шведскаго, и Маріи Елеоноры Бранденбургской. Отецъ ея убитъ въ сраженіи подъ Люценомъ, бывшемъ въ Германіи, 16 Ноября, 1632 года; а она въ то же самое время провозглашена была Королевою, подъ управленіемъ однакожъ пяти великихъ Министровъ. Достигнувъ того возраста, когда могла она управлять уже сама собою, по неопытности своей, Хрі-

стина отдалила отъ себя прежнихъ Министровъ родителя своего. Лишась ихъ полезныхъ совѣтовъ и не знавъ хорошо характера Шведовъ, такимъ несообразнымъ правленіемъ она раздражила умы Вельможъ и простаго народа — и въ 1654 году отказалась отъ Престола въ пользу двоюроднаго своего брата, Карла Густава, Графа Цвейбрикскаго. Къ знаменитымъ дѣламъ ея правленія принадлежитъ окончаніе *Германской войны*, заключеніе *Вестфальскаго мира* (въ 1648) и распространеніе Шведскихъ владѣній.

Христина имѣла отъ природы умъ и дарованія; но, занимаясь болѣе науками, нежели политикою, она нерадѣла о пользѣ своего народа, и провождала все свое время съ учеными, особенно съ Декартомъ, который былъ принятъ отъ нее съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ; съ нимъ всякой день, по пяти часовъ утра, бесѣдовала она въ своей Библіотекѣ о философскихъ предметахъ.

Нигдѣ на Сѣверѣ науки и искусства столько не были покровительствуемы, какъ при Дворѣ Христины, который сравнить можно было съ Дворами Льва X и Франциска I. Королева сія открыла способы къ тѣснымъ связямъ между Сѣверомъ и Югомъ, и въ первый разъ сблизила между собою ученыхъ людей всѣхъ націй, такъ что съ тѣхъ поръ, ученые и литтераторы, раздѣленные между собою великимъ пространствомъ, составляли уже, такъ сказать, одно семейство и стали почитать другъ друга братьями и согражданами.

Донъ-Калметъ повѣствуетъ, что нѣкоторый ученый, жившій въ Дижонѣ, долго мучился надъ однимъ важнымъ мѣстомъ какого-то Греческаго стихотворца и никакъ не могъ понять его значенія. Наконецъ, выведенъ будучи изъ терпѣнія продолжительною работою своею и осердясь на безполезность оной, ложится въ постелю, съ горя засыпаетъ и въ глубокомъ снѣ видитъ себя въ Стокгольмѣ; незримый геній

ведетъ его во Дворецъ Хрістины и прямо въ Библіотеку. Тамъ нашъ ученый мужъ пробѣгаетъ глазами по порядку всѣ сокровища; взоръ его остановился на одной книгѣ маленькаго формата, коей заглавіе показалось ему новымъ. Онъ раскрываетъ ее — и страницъ черезъ двенадцать, находитъ десять Греческихъ стиховъ, коихъ смыслъ совершенно объясняетъ мѣсто, такъ долго его затруднявшее. Съ радости онъ просыпается. Воображеніе его такъ было занято Греческими стихами, что онъ приводитъ ихъ себѣ на память, повторяетъ безпрестанно — кладетъ на бумагу и старается упомнить весь сонъ. На другой день, вставши, рѣшился во всемъ удостовѣриться; посылаетъ въ Стокгольмъ письмо къ Декарту, въ коемъ проситъ увѣдомленія: въ такомъ ли положеніи находятся Королевскій Дворецъ, Библіотека и городъ, какъ ему грѣзилось; нѣтъ ли на нижней полкѣ Библіотеки книги такого-то формата, въ такой-то оберткѣ и подъ такимъ-то названіемъ — и на-

конецъ, есть ли въ ней десять стиховъ Греческихъ, подобныхъ тѣмъ, кои онъ написалъ въ концѣ письма? Декартъ немедленно отвѣчаетъ ученому, что и самый искусный инженеръ не могъ бы лучше начертать плана Стокгольма; что Дворецъ и Библіотека прекрасно имъ описаны; что онъ нашелъ ту книгу на назначенной полкѣ и читалъ въ ней стихи, о которыхъ дѣло идетъ.

Сіе произшествіе, истинно ли оно, или выдумано, доказываетъ также знаменитость Библіотеки Христины и любовь ея къ распространенію наукъ.

Отказавшись отъ короны, которая, по ея характеру, составляла для нее только несносное бремя, Христина отправилась путешествовать по различнымъ странамъ Европы. Она начала съ Фландріи, потомъ обозрѣла всю Италію. Въ Инспрукѣ отрекласъ она отъ Люперанской вѣры и приняли Католическую въ 1658 году. Наконецъ прибыла она во Францію, гдѣ Людовикомъ XIV была принята со всѣ-

ми почестями, приличными ея сану. Вотъ описаніе о семъ дѣвицы Монтмансіе, въ ея Запискахъ:

„Услышавъ, что Королева „Шведская отправляется изъ Фонтенебло, я надѣялась съ нею встрѣтиться на дорогѣ. Какъ скоро узнала я, что она была въ Есонѣ, то одѣлась и отправилась туда. Прибывши къ ней, увидѣлась я съ Гг. Гисъ, „Комменжомъ и другими Королевскими „Офицерами, оставленными ей для „услугъ. Она находилась въ прекрасной Италіянской комнатѣ, гдѣ представляли балетъ; она была тамъ „окружена безчисленнымъ множествомъ „народа и не могла сдѣлать и двухъ „шаговъ, чтобы подойти ко мнѣ. Я бы „могла сдѣлать самое странное описаніе на щетъ ея одежды, если бы не „боялась умереть со смѣху, вспомнивши объ этомъ. Когда закричали „*посторонитесь*, и когда меня посадили: тогда я ее разглядѣла; она меня „привела въ удивленіе, которое однакожъ удержало меня отъ смѣху.

„На ней была юбка сѣраго цвѣту съ „кружевами, шитыми золотомъ и „серебромъ, камлотовый кафтанъ огненнаго цвѣту, съ такими же кружевами, какъ и юбка; на шеѣ былъ „платокъ Женевской, неревязанный „лентою огненнаго же цвѣта; бѣлокурой парикъ, назади коего было „кольцо, какъ обыкновенно женщины „носятъ, и шляпка съ черными перьями, которую держала она въ рукахъ. Она собою бѣла, глаза голубые, и по временамъ иногда бываетъ „приятна, иногда же отвратительна; „ротъ довольно приятной, хотя великъ, зубы бѣлые, носъ большой и „кривой; очень малаго роста — „кафтанъ скрываетъ дурную ея талію — и вообще она мнѣ показалась довольно красивымъ мущиною. „Обнявши меня, она сказала: я почитаю за величайшее удовольствіе „въ свѣтѣ видѣть васъ; сего я очень „желала; подойдя къ кресламъ, она „протянула мнѣ руку и сказала, что „я большая охотница танцовать. Я

„сѣла въ креслы въ назначенной мнѣ „сторонѣ и занималась разговорами съ „окружающими меня. Королева спра„шивала меня, сколько у меня сестеръ, „живъ ли мой родитель, изъ ка„кой фамиліи моя мачиха, и на„дѣлала мнѣ еще множество другихъ „вопросовъ и ласкательствъ. Когда я „ей представила Графиню Фіеско: то „Христина сказала тихо: она не такъ „прекрасна и не стоитъ того, чтобъ „объ ней такъ много говорить; а Ка„валеръ де Граммонтъ все еще влюб„ленъ въ нее! — Когда ей предста„вила я Гжу. Бетюнъ: она разго„варивала съ нею объ ея рукописяхъ и „очень рада была, что имѣла слу„чай показать себя знающею, и да„же съ нѣкоторыми подробностями. „Когда балетъ кончился: мы по„шли въ Комедію; тутъ-то она „меня удивила, выхваляя тѣ мѣ„ста, которыя ей понравились; — „она богохульствовала, ложилась въ „кресла, клала ноги по обѣимъ сто„ронамъ оныхъ — и дѣлала самыя

„страшныя тѣлодвиженія, и вообще „принимала она такія положенія, въ ка„кихъ никогда не увидишь ни у Итальян„скаго шута Тривелина, ни у Фран„цузскаго Жоделета. Она много разъ „повторяла стихи, которые ей нра„вились, говорила о различныхъ ма„теріяхъ — и все, что ни говори„ла, было приятно. Потомъ сдѣлалась „задумчива, грустна, испускала тя„жкіе вздохи, вдругъ начала грезить, „какъ будто во снѣ — однимъ сло„вомъ, она какая-то необыкновенная „женщина. По окончаніи комедіи, при„несли свѣжихъ плодовъ и конфектовъ; „потомъ пошли смотрѣть фейерверкъ. „Она взяла меня за руку, и подвела „меня такъ близко, что даже искры „подлѣ насъ сыпались; я нѣсколько „испугалась; а она смѣялась надо мной „и сказала: Какъ! дѣвица, бывшая „въ нѣкоторыхъ опасностяхъ, и учи„нившая столь знаменитые подвиги, „этаго страшится!... Я ей отвѣча„ла, что бываю отважна въ нѣкото„рыхъ только случаяхъ — и сего до-

„вольно для меня. Она говорила, что „величайшее ея желаніе есть — быть „на какомъ нибудь сраженіи, и не „бывши на ономъ, не можетъ она успо„коиться; что она очень завидуетъ „дѣламъ Принца Конде, и прибавила: онъ вамъ другъ! . . . Я ей „отвѣчала: точно такъ, Государыня, и „при томъ очень близкій родственникъ. . . . Онъ величайшій мужъ въ „свѣтѣ, сказала она; этого никто „не можетъ у него отнять. . . . Я же „ей отвѣчала, что онъ очень щастливъ, „пользуясь столь выгоднымъ вашимъ „мнѣніемъ. Когда кончился фейерверкъ: „она отвела меня въ сторону и ска„зала, что желаетъ употребить всѣ „средства къ примиренію меня съ „Дворомъ и съ N., что я не со„творена жить въ деревнѣ, а рожде„на быть Французскою Королевою; „чего она страстно желаетъ и че„го польза и слава всего Государ„ства требуетъ; увѣряла меня, что „я была бы прекраснѣйшая, добродѣ„тельнѣйшая и величайшая Госуда-

„рыня въ Европѣ, увѣряла также, что „сего требуетъ политика, и что „она поговоритъ объ этомъ съ Кардиналомъ. — Я благодарила ее за учтивость, мнѣ оказанныя и благосклонное ея „мнѣніе обо мнѣ. Касательножъ послѣдняго ея намѣренія, я ее очень просила, „никому объ этомъ не сказывать. Доложили ей, что кушанье уже поставлено — и я простилась съ нею. . . „Находясь въ Парижѣ, она посѣщала „всѣ богатые домы и Библіотеки; всѣ „Ученые и Литтераторы были у „ней. Проживши нѣсколько дней въ „Парижѣ, она отправилась въ Компіенъ „и остановилась ночевать въ Шантильи, гдѣ Кардиналъ представилъ „ей Короля и его брата, подъ именемъ двухъ знатныхъ Особъ. Они „цѣловали у ней платье; она ихъ „подняла, поцѣловала, разговаривала „съ ними, и сказала, что они происходятъ изъ знатной фамиліи; Король и брата его называла своими „братьями. Послѣ сего они поспѣшили „прибыть въ Компіенъ, куда прибыла

„и она чрезъ нѣсколько времени. Ихъ „Величества ожидали ее, находясь на „террасѣ, принадлежащей Маршалу „Ла Мотъ-Гуданкуръ; тамъ еще они „имѣли съ нею свиданіе. Тутъ для „нее дѣлали всякаго рода возможныя „увеселенія. Положено было, чтобы „ученики Компіенскихъ Іезуитовъ „сыграли трагедію, и пригласили бы ее „въ спектакль. Она очень много смѣя„лась на щетъ сихъ Отцовъ и дѣла„ла шѣлодвиженія, подобно какъ въ „Есонѣ; чему Королева очень дивия„лась. Она говорила о любви Короля „къ дѣвицѣ де Мансини, и совѣтовала „ему жениться на ней; желала быть „ихъ повѣренною, и еще между про„чимъ сказала Королю: Еслибъ я бы„ла на вашемъ мѣстѣ: тобъ вышла „за того, кого люблю. . . . Мнѣ ка„жется, что сей непріятный разговоръ „для Королевы и Кардинала, былъ при„чиною скораго ея отъѣзда; ибо послѣ „сего намѣкнули ей, хотя очень тон„ко, что она уже давно находится „при ихъ Дворѣ. Здѣсь въ такомъ слу-

„чаѣ не любятъ тѣхъ, которые вязы-
„ваются въ чужія дѣла, безъ всякой
„прозьбы. Когда она выѣхала отсюда:
„то я узнала, что она остановит-
„ся ночевать въ Монтаржи. Пришло
„мнѣ въ голову непреодолимое желаніе
„еще разъ увидѣться съ нею. Я спра-
„шивала у ней, каковъ ей кажется
„Король. Она мнѣ на ето отвѣчала:
„самый прекрасный и умный человѣкъ;
„только жаль, что онъ не любилъ
„прелестной дѣвицы Мансини. По-
„говоривши еще нѣсколько съ нею, я
„уѣхала. Если она довольно учтива:
„то я надѣюсь увидѣть ее еще разъ у
„себя, прежде ея отъѣзда; но етаго
„слишкомъ много требовать отъ Ко-
„ролевы Шведской.“ —

Христина, оставя Французскій Дворъ, возвратилась въ Римъ, гдѣ жила въ неизвѣстности, и умерла тамъ 19 Октября, 1689 года. Гробница ея находится въ Церкви Св. Петра, при жертвенникѣ Распятаго.

Вотъ еще портретъ сей Королевы, писанный однимъ ея современни-

комъ, съ безпристрастіемъ, и взятый нами изъ одной рукописи;

„Христина маленькаго роста и немного горбата; лицемъ ни дурна, ни хороша. По одеждѣ бываетъ то мущиною, то женщиною. — На ней бывалъ мужской воротникъ, съ платкомъ, завязаннымъ на шеѣ по солдатски; мужскія манжеты и мужскіе башмаки съ задками, достающими до икоръ. Въ услугахъ ея только мущины — и ни одной женщины. Она привѣтствуетъ и кланяется по мужскому, поправляетъ усы, хотя у ней ихъ и нѣтъ. Что касается до ея разговоровъ: то они пріятны, исполнены остроты и тонкости. Но все портитъ бажка ея, на которой волосы стоятъ дыбомъ. Она вольна въ словахъ и бойка, даже нарушаетъ благопристойность и стыдъ, приличный женщинѣ. На головѣ носитъ парикъ мужской и велѣла себя остричь. Когда каммердинеръ ея представлялъ ей, что неприлично ходить съ остриженною головою: она сказала ему: „Стриги,

стриги, Иванъ! Не ужели ты хочешь, чтобъ я жалѣла о волосахъ, когда не пожалѣла Королевства?“ Въ Библіи Христина только уважала Пѣсни Соломоновы, и пр.“

ДІАНА, ДОЧЬ ГЕНРИХА II.

Діана, Герцогиня Кастрская и Ангулемская, вдова Монтморанси, родилась въ 1539 году. Она была побочная дочь Генриха II; въ концѣ 1552 года, ея отецъ выдалъ ее за Горація Фарнеза, Герцога Кастрскаго, втораго сына Людовика, Герцога Пармскаго и Пелазнскаго. Діана, одаренная прекрасными талантами, могла содѣлать благополучнымъ страстно любимаго ею супруга. — Шесть мѣсяцовъ Горацій наслаждался симъ благополучіемъ, вмѣстѣ съ любезною своею Діаною; слава призывала его въ Гедень, гдѣ онъ и погибъ, вмѣстѣ съ знатнѣйшимъ Французскимъ Дворянствомъ.

Кто можетъ изобразить печаль Діаны, когда она узнала о смерти обожаемаго ею супруга! Если бы степень, ею занимаемая, не принудила ее покориться волѣ родителя: то она никакъ бы не согласилась вторично вступить въ бракъ. Но какъ Генрихъ II объявилъ ей, что рука ея назначена Франциску Монтморанси, сыну Коннетабля Монтморанси: то она приведена была тѣмъ въ сильнѣйшее смущеніе, что молодый Монтморанси занятъ уже былъ другимъ предметомъ. Хотя Коннетабль представлялъ сыну своему всѣ выгоды брака его съ Діаною; хотя получилъ отъ Министра, коего онъ былъ любимцемъ, указъ, запрещающій дѣтямъ, имѣющимъ родителей, вступать въ бракъ безъ ихъ воли, прежде 25 лѣтъ; однако не смотря на сіе, молодой Монтморанси сочетался тайнымъ бракомъ съ дѣвицею Піенн. Коннетабль приказалъ отвезти жену его въ монастырь, и употребилъ всю свою власть на то, чтобы разпор-

глуть узы сіи, когда, по вѣпре ности молодаго Герцога, исполнились уже всѣ его желанія. Наконецъ торжественно объявлено, что молодой Монтморанси никогда не вѣнчался съ дѣвицею Піенъ; почему онъ и вступилъ съ Діаною въ бракъ, который совершился въ Виллерсъ-Коттe-Ретъ Мая 3го дня, 1557 года.

Единое только повиновеніе волѣ родителя возторжествовало надъ сердцемъ Діаны, которая имѣла отвращеніе къ этому браку; ибо можно ли было любить того, который ее презрѣлъ и показалъ гнусную невѣрность? Между тѣмъ всегдашнее обхожденіе съ Монтморанси и его уваженіе къ Діанѣ, сдѣлали охладѣвшее сердце ея нѣсколько чувствительнымъ, и наконецъ сіи два супруга питали уже взаимную любовь другъ ко другу.

Генрихъ II счастливо окончилъ теченіе свое. Еще при жизни, онъ назначилъ зятя своего преемникомъ, по смерти Коннетабля, званіе Гроссмейстера его дома и Губернаторомъ

Парижа. Но Гизы, непріятели Монморанси, будучи весьма сильныя въ царствованіе Франциска II, лишили его сего права. Но, чтобы вознаградить его за ето, пожаловали ему жезлъ и сдѣлали его Французскимъ Маршаломъ. Въ 1572мъ году отправился онъ въ Англію въ качествѣ Посла, и отозванъ былъ оттуда жестокою Катериною Медицисъ на погибель, въ ночь Св. Варѳоломея. Діана, предвидя, какія сѣти разставлены были для ея супруга, склонила его своими прозьбами удалиться отъ трудовъ на успокоеніе въ Монтильи; чѣмъ и избавила его отъ погибели въ сію роковую ночь. Между тѣмъ Карлъ IX былъ на краю гроба, а наслѣдникъ его, Герцогъ Анжуйскій, находился въ Польшѣ. Катерина, опасаясь, чтобы сей Принцъ, по совѣту Монморанси, не лишилъ ее совсѣмъ власти, призвала ко Двору Маршала и хотя Діана умоляла его не являться ко Двору и не довѣрять Катеринѣ; однако онъ возвратился въ Венсаннъ, гдѣ и былъ за-

держанъ вмѣстѣ съ Маршаломъ Коссе, его братомъ, и отвезенъ въ Бастилію.

Враги Маршала Монтморанси, опасаясь мщенія, если ему дарована будетъ свобода, рѣшились его умертвить. Исполненіе сего злодѣянія возложено было на Суврe: но какъ онъ соглашался освободить Маршала: то предпріятіе сіе и было отложено.

Политическія намѣренія побудили наконецъ возвратить свободу Маршалу. Діана не долго наслаждалась симъ счастіемъ; онъ скончался 5 го Мая, 1579 го года. Послѣ сей потери, жизнь Діаны была сцѣпленіемъ несчастій. Одна только она, изъ привязанности къ Генриху III, своему брату, никогда его не оставляла. Она путешествовала, не только для доставленія мира своему отечеству, но и для заключенія также, по смерти Герцога де Гизе, союза между Генрихомъ III и Королемъ Наваррскимъ. Сей Принцъ имѣлъ къ ней столько довѣрія, что, увидя ее однажды, ска-

залъ ей: „Милостивая Государыня! если вы дадите мнѣ слово, что я не долженъ опасаться коварства, и что со мною хотятъ говорить искренно: то всѣ договоры безполезны. Я почитаю одно ваше слово болѣе, нежели тысячу писанныхъ страницъ."

Лишь только Герцогиня стала наслаждаться плодами трудовъ своихъ, какъ Яковъ Клеманъ умертвилъ Генриха III въ Сен-Клу. Діана въ отчаяніи возвратилась въ Туринъ, въ замокъ Шинонской.

Послѣ сего Генрихъ IV вступилъ на Престолъ; онъ склонилъ Діану возвратиться ко Двору и помогать ему своими совѣтами. По ея-то заступленію, Король даровалъ жизнь Графу Овернскому, который омочилъ руки въ крови Маршала Бирона. Добродушіе сего Монарха, коего имя и теперь еще произносится съ благоговѣніемъ, не могло отвратить руки убійцы. Гнусный Равальякъ нанесъ ему смертельный ударъ. Ему наслѣдо-

довалъ Людовикъ XIII. Онъ былъ седьмый Король, который, при жизни Герцогини Ангулемской, занималъ Престолъ. Она имѣла смотрѣніе за его воспитаніемъ и была свидѣтельницею тѣхъ смятеній и крамолъ, коими ознаменовано начало его Царствованія. Впрочемъ онъ удачно возторжествовалъ надъ оными; Діана, коей лѣта и слабость не дозволяли находиться при Дворѣ, удалилась отъ онаго. Болѣе всѣхъ забавъ Діана пристрашена была къ охотѣ; она любила также науки и занималась оными до конца своей жизни. Всѣ Лѣтописатели прославляютъ ея милосердіе. По долговременной болѣзни, скончалась она въ Парижѣ, 11го Января, 1619 года, 80 лѣтъ отъ рожденія.

МАГДАЛИНА ТЕРЕЗІЯ.

Магдалина Терезія, третія жена Леопольда I, была дочь Филиппа Вильгельма, Курфирста Палатинскаго, изъ поколѣнія перваго Нейбургскаго. Сія Принцесса, родившаяся въ 1655 году, извѣстна была по своей великой набожности. Прежде замужства, она отказывалась принимать участіе въ мірскихъ забавахъ и даже выставляла себя на солнце и на вѣтеръ, чтобы испортить цвѣтъ лица своего — и чрезъ то Леопольда отвратить, чтобы онъ, послѣ смерти первой своей жены, за нее не сватался (*). Когда же у него умерла вторая супруга: то фамилія Магдалины Терезіи успѣла превозмочь ея сопротивленіе, увѣривши, что Провидѣніе судило ей занять мѣсто на первомъ тронѣ въ свѣтѣ, для пользы Католи-

(*) Леопольдъ, по смерти первой своей жены, Маргариты Терезіи, бывшей дочери Филиппа IV, Короля Испанскаго, за нее сватался.

ческой религіи. Но, среди великолѣпія и блеску Двора, жена сія сохранила то же отвращеніе къ суетамъ міра и даже духъ самоотверженія и умерщвленія, какой она имѣла прежде. Она посѣщала больныхъ и заключенныхъ, дѣлала украшенія для церкви и одежды для бѣдныхъ, вела записку своимъ дѣламъ и помышленіямъ, носила браслеты, къ коимъ придѣлано было острое желѣзо, раздиравшее ей кожу, пѣшая, босикомъ ходила въ священные ходы, и такимъ же образомъ предпринимала часто путешествія къ Святымъ Мѣстамъ, и бичевала себя до того, что кровь текла ручьями. Готовя собственными руками вкуснѣйшія блюда для своего супруга, сама строго постилась, или вкушала самую грубую пищу. Она хранила сіи строгости жизни своей въ великой тайнѣ; многіе ея подвиги извѣстны стали не прежде, какъ уже послѣ ея смерти, когда въ одномъ ящикѣ нашли орудія ея покаянія, омоченныя

кровію. Наконецъ она собственными руками сожгла исторію своей жизни, которую сочинилъ духовникъ ея, почитавшій ее за святую.

Таковыя благочестивыя упражненія не препятствовали Магдалинѣ Терезіи исполнять должности супружескія и Царскія. Она наружно раздѣляла забавы съ Леопольдомъ; слѣдуя за нимъ въ спектакль, она имѣла въ рукахъ своихъ книгу Псалмовъ, показывая, будто бы у нее опера, которую въ то время представляли; зная отвращеніе Императора къ Французскому языку, она сдѣлала извлеченія на Нѣмецкомъ языкѣ изъ лучшихъ Французскихъ книгъ и политической Экономіи, и хотя она не изъявляла никакого желанія брать участіе въ дѣлахъ, однако иногда помогала супругу своему совѣтами. По смерти Іосифа Перваго, она была Правительницею. Имѣя въ рукахъ своихъ бразды правленія, хотя короткое, но критическое время, продолжавшееся до прибытія Карла VI,

она ихъ оставила безъ сожалѣнія, чтобъ приняться опять за любимѣйшія свои упражненія. Государыня сія одарена была духомъ дѣятельнымъ. Кромѣ собственнаго своего языка, она разумѣла очень хорошо языки Латинскій, Французскій и Италіянскій, и знала музыку какъ относительно къ игрѣ, такъ и къ сочиненію музыкальному. Она перевела Псалмы на Нѣмецкіе стихи и положила ихъ на музыку; переложила многія благочестивыя сочиненія съ Французскаго языка; между оными переводами находится книга на Французскомъ, называемая Reflexions pieuses pour tous les jours du mois, т. е. благочестивыя размышленія на каждый день мѣсяца. Переводъ книги сей Магдалины Терезіи напечатанъ въ Кельнѣ.

Во время послѣдней болѣзни супруга своего Магдалина безпрестанно находилась у постели его, и оставляла ее, очень утрудившись, на малое время, въ которое она имѣла въ рукахъ своихъ

бразды правленія. Отказавшись отъ мірскихъ упражненій, до самой смерти своей провождала она строгую и уединенную жизнь, которая составляла утѣшеніе младыхъ ея лѣтъ. Государыня сія была погребена безъ всякаго великолѣпія, такъ какъ она завѣщала; на гробѣ ея была одна надпись: бѣная грѣшница Магдалина умерла 19 Января, 1719 года.

ДѢВИЦА БУРИНЬОНЪ.

Въ свѣтѣ всего пагубнѣе надменность. Слабость сія бываетъ причиною нашихъ бѣдствій. Какая бы ни была къ тому побудительная причина, однако ничто не можетъ сдѣлать ее извинительною. Въ то время, когда мы перестаемъ уже шествовать по трудному пути жизни, при свѣтильникѣ разума, легко можемъ заблуждаться, и находить трудныя препятствія на каждомъ шагу. Исторія дѣвицы

Буриньонъ служитъ сей истинѣ неоспоримымъ доказательствомъ.

Антуанетта Буриньонъ родилась 15го Января, 1616 года. Она была дочь Іоанна Буриньона и Маргаритм Бекаръ. Она родилась на свѣтъ съ столь отвратительнымъ видомъ, что даже въ семействѣ нѣсколько дней разсуждали: не лучше ли умертвить ее, какъ чудовище. Однакожъ перемѣнили сіе намѣреніе, и старались изыскать возможныя средства исправить недостатокъ природы. Безобразіе ея очень примѣтно уменшилось попеченіями искуснаго врача; родители ея тѣмъ восхищались. Еще съ самаго дѣтства Антуанетта показывала отличныя способности, о коихъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Она, еще четырехъ лѣтъ, замѣтила, что все въ мірѣ идетъ не такъ хорошо, и что большая часть вещей могла бы быть лучше, на примѣръ: состарѣться, умереть; что лучшебъ было, еслибъ жизнь наша протекала во всегдашней юности. Можетъ

быть, худые поступки ея матери, неутѣшной въ томъ, что даровала жизнь такой безобразной дочери, были причиною сей ненависти къ людямъ, отъ коей даже дружество ея родителя не могло никогда ее отучить.

Нелюдимы болѣе прочихъ любятъ уединеніе и чтеніе — и Антуанетта провождала большую часть времени одна съ книгами. Пылкое ея воображеніе заставляло ее разсуждать обо всемъ съ восхищеніемъ; исторія первыхъ Христіанъ, попавшаяся ей въ руки, вмѣсто того чтобы влить въ душу ея бальзамъ благочестія и усердія, въ чемъ Христіане служатъ примѣромъ — возмутила только умъ ея. Она сравнивала сихъ древнихъ благочестивыхъ Христіанъ съ тѣми, которыхъ видала ежедневно, и нашла то между ними различіе, что нынѣшніе Христіане только по имени, а тѣ по дѣламъ. Іисусъ Христосъ былъ бѣденъ, говорило сіе дитя, а мы любимъ золото и серебро; Онъ былъ смиренъ, а мы ищемъ славы и почес-

стей ; Онъ былъ въ трудахъ, а мы живемъ въ удовольствіяхъ.

Антуанетта подростала мало по малу; лице ея принимало довольно хорошій видъ, такъ что, не бывъ прекрасною, она имѣла физіогномію довольно пріятную ; однакожъ живость, веселость нрава и доброта ея сердца подали поводъ многимъ, увѣреннымъ, что душевныя качества предпочтительнѣе всему — искать ея руки; но сія честь лестила только ея самолюбію, между тѣмъ какъ она утѣшалась равнодушіемъ. Отецъ ея, желавшій пристроить ее къ мѣсту, принуждалъ ее сдѣлать выгоднѣйшій выборъ изо всѣхъ жениховъ, ей представленныхъ ; однако она рѣшительно въ томъ отказала — и симъ прогнѣвила своего отца. Наскучивъ просить ее, и почитая себя въ правѣ повелѣвать, Г. Буриньонъ приказалъ ей быть въ готовности отдать руку одному Французу, которому онъ обѣщалъ ее. Тогда Антуанетта рѣшилась сдѣлаться лучше монахиней — и видя, что должно

скорѣе приступить къ исполненію своего намѣренія, дабы избавиться отъ гоненій отца своего, который назначилъ уже день ея свадьбы — она ушла къ Кармелитскимъ монахинямъ; но какъ она ничего съ собою не принесла, то ее и не приняли, что очень ее изумило, потому что главнѣйшимъ ея пожертвованіемъ была — бѣдность. Сей отказъ внушилъ ей величайшее отвращеніе къ монашеству.

Старшая сестра ея, съ которою она жила въ великомъ согласіи, вышла за мужъ. Антуанетта одна, гонимая своимъ родителемъ, раздраженнымъ ея упорствомъ, вздумала отъ сего избавиться, и привела въ дѣйство предпріятіе свое въ самый первый день Пасхи, 1636 года. Намѣреніе ея было навсегда скрыться отъ людей и жить въ пустынѣ; а дабы лучше утаить побѣгъ свой, она одѣлась пустынникомъ. Путешествуя такимъ образомъ во весь день, къ вечеру достигла она деревни Генольтъ. Странный ея нарядъ привлекалъ каж-

даго на нее взоры; наконецъ узнали, что она женщина.

Видя себя окруженною со всѣхъ сторонъ, она не теряетъ присутствія духа, пробирается сквозь толпу и убѣгаетъ. Но тогда почли ее за шпіона; солдаты тотчасъ поймали ее, и привели къ дежурному Офицеру. Къ щастію, вступился за нее приходскій Священникъ, который, спросивъ: кто она и куда шла, почелъ ее вдохновенною Богомъ, и скрылъ въ своей церкви за органами. Три недѣли находилась она въ семъ священномъ убѣжищѣ; но отецъ ея, узнавши о семъ, пріѣхалъ самъ освѣдомиться къ Священнику, который разсказалъ ему, какъ все сіе происходило. Антуанетта сначала было отказалась слѣдовать за своимъ отцомъ; но Архіепископъ Камбрейскій употребилъ въ семъ случаѣ власть свою — и сія пустынница съ Г. Буриньономъ возвратилась въ отеческій домъ. Въ продолженіи 18 мѣсяцевъ она была покойна и, можетъ статься, перемѣнила бы свое

намѣреніе, если бы опять не дѣлали ей новыхъ предложеній касательно брака. Тогда она отнеслась къ тому же Архіепископу, который соизволилъ ей учредить маленькое въ деревнѣ общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ дѣвушекъ, съ нею единомышленныхъ. Однако, спустя нѣсколько времени, позволеніе сіе было уничтожено, что самое и побудило ее оставить въ другой разъ отеческой домъ и удалиться въ Литтихъ. Оттуда перешла она во Фландрію, гдѣ находилась нѣсколько лѣтъ въ уединеніи, провождая самую строгую жизнь.

Нѣкто Сен-Суліе, человѣкъ пронырливый, притворившись набожнымъ, такъ къ ней поддѣлался, что похитилъ почти все ея наслѣдство, доставшееся ей послѣ матери, отъ коего она сначала было отказалась, но послѣ приняла съ тѣмъ, чтобы учредить въ Лимпѣ госпиталь, коего она была начальницею. — По какому-то странному случаю разнеслась по городу молва, будто маленькія дѣвочки сего

госпиталя имѣютъ какое-то сношеніе съ діаволомъ. Правительство, опасаясь, чтобы сіе не причинило какого-нибудь безпорядка, потребовало Антуанетту къ допросу. Она отвѣчала съ такимъ благоразуміемъ, что ей возвратили свободу, съ обязательствомъ, предстать опять къ суду, когда потребуютъ. Послѣ сего приключенія Антуанетта почла за лучшее, для избавленія себя отъ новыхъ преслѣдованій, переѣхать въ Гентъ, а оттуда въ Мехельнъ, гдѣ свела дружбу съ Г. де Кортъ, который всегда былъ ей преданъ.

Извѣстно, что исторія о вышеупомянутомъ госпиталѣ была выдумана; но странные поступки Антуанетты не суть ложь. — Ее почитали нарушительницею всеобщаго спокойствія; молва объ этомъ вездѣ распространилась, такъ что она сдѣлалась предметомъ гоненій, что самое и заставило ее искать убѣжища въ Голландіи. Она прибыла туда въ 1667 году. Повинуясь пылкому воображенію своему,

она начала писать. Творенія ея большой имѣли успѣхъ; вскорѣ всѣ набожные люди вошли съ нею въ сообщество. Она симъ такъ прославилась, что почитала себя низпосланною съ небесъ для примиренія разныхъ сектъ, и написала разсужденія о *слѣпотѣ человѣческой*, *о новомъ небѣ и о царствѣ Антихрїста*, *признанная невинность и открытая истина*. Знаменитыя общества и творенія, наполненныя отважными мнѣніями, подали поводъ къ новымъ гоненіямъ Антуанетты; но величайшее нещастіе причинила ей смерть Г. де Корпа. По кончинѣ сего искренняго ея друга, учинившаго ее полною наслѣдницею, она претерпѣвала еще большія гоненія, которыя и принудили ее оставить Голландію и отправиться въ Герцогство Голштинское, принадлежавшее тогда Королю Датскому. Тамъ получила она позволеніе напечатать свои сочиненія на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Тамъ не только критиковали ея книги, но и поведеніе.

Она защищалась написавши книгу, подъ заглавіемъ: Temoignage de la verité, въ которомъ чрезвычайно поносила духовныхъ. Сіе возбудило противъ нее новыя гоненія, и такимъ образомъ принуждена она была бродить изъ одного города въ другой. Но къ щастію ея, Баронъ Люцбургскій, принявъ ее подъ свое покровительство, далъ ей вѣрное убѣжище въ восточной Фрисландіи. Буриньонъ, будучи очень упорна въ своихъ мнѣніяхъ, опять предалась новымъ сумасбродствамъ, чѣмъ самымъ раздражила противъ себя народъ и принуждена была искать спасенія въ бѣгствѣ, скрывшись въ телегѣ, наполненной мебелью. Изъ Люцбурга удалилась она въ Франкеръ, что въ Фрисландіи, гдѣ наконецъ и окончила горестное теченіе своей жизни, 30 Октября, 1680 года. —

АННА МАВРИКІЯ АВСТРІЙСКАЯ.

Анна Маврикія Австрійская родилась въ Валладолидѣ, 22 Сентября, 1601

года. Она была дочь Филиппа III, Короля Ишпанскаго, и Маргариты Австрійской. Отъ природы получивъ всѣ дары, коими женщины плѣняютъ сердца мущины — любезность и красоту, она не умѣла употребить ихъ въ свою пользу.

Бракъ ея съ Людовикомъ XIII, Королемъ Французскимъ, совершенъ былъ въ Бордо, 1615 года, 9 Ноября. Счастіе не увѣнчало сего брака. Связь Королевы съ партіею недовольныхъ, непримиримая вражда съ Кардиналомъ Ришелье и тайная переписка съ братомъ ея, Королемъ Ишпанскимъ, сдѣлали супруга ея подозрительнымъ къ ней — и наконецъ холоднымъ.

Послѣ двадцати-лѣтняго безплодія, Королева произвела на свѣтъ Людовика XIV и, спустя нѣсколько лѣтъ, еще другаго сына. — Радость Короля была чрезвычайна; однако смерть повергла его во гробъ тогда, когда дѣти его были еще во младенчествѣ.

Въ завѣщаніи своемъ именовалъ онъ Королеву токмо Правительницею,

вѣривъ полную власть избранному имъ Совѣту. Королева, видя себя въ опекѣ, огорчилась симъ и чрезъ посредство Парламента уничтожила постановленіе сіе; чувствуя однакожъ неспособность свою къ управленію Государствомъ, призвала Мазареня, коего во всемъ уполномочила. Такое великодушное пожертвованіе не послужило къ счастію Франціи; безпрерывныя ссоры Двора съ Парламентомъ и народомъ потрясали Государство.

Въ первые дни своего царствованія Королева думала привлечь любовь народа, расточая щедро благодѣянія и милости и даруя все, что у ней ни просили. Таковая щедрость, всѣми охуждаемая, заставила сказать, что во Французскомъ языкѣ тюкмо и есть слова: la Reine est si bonne, *Королева очень добра.* Увидѣвъ ошибку свою, она сдѣлалась умѣреннѣе и осмотрительнѣе; но, къ несчастію, свойственному всѣмъ тѣмъ, кои дѣйствуютъ безъ размышленія, впала она въ погрѣшность другаго рода, оставивъ безъ вниманія тѣхъ, коихъ

прежде осыпала своими милостями. Таковыя перемѣны въ поведеніи ея возбудили противъ нее множество враговъ.

Худое состояніе финансовъ привело ее въ великое замѣшательство. Безразсудныя издержки, сдѣланныя сею Государынею, истощили казну. Недостатокъ сей хотѣла она вознаградить остановкою выдачи пенсіоновъ; но сіе было весьма слабою помощію. Она хотѣла прибѣгнуть къ новымъ налогамъ, однако Парламентъ въ томъ ей воспротивился; оскудѣвшій народъ, какъ скоро увидѣлъ, что Парламентъ поддерживаетъ его сторону, изъявилъ явно свое негодованіе.

Смятенія возникли 7 Января, 1648 года. Рекетмейстеры и торговцы винами взбунтовались. Королева уничтожила первыхъ и разсѣяла послѣднихъ. Но по раздорамъ, причинявшимъ разореніе Государству и царствовавшимъ, къ несчастію, въ самомъ Совѣтѣ Королевы, Рекетмейстеры были возстановлены, а торговцы винные прощены.

Замѣчательно, что, среди сихъ смятеній, причиною коихъ было со-

противленіе Парламента, Королева оказывала ему презрѣніе, шутила надъ его засѣданіями и приговорами. Но мужество ея нашло себѣ преткновенія. Для внушенія ей ужаса, недоставало только толпы женщинъ. Когда она, по обыкновенію своему, шествовала въ Соборную Церковь, тогда двѣсти женщинъ, слѣдовавшихъ за нею, требуя правосудія, такъ ее устрашили, что она велѣла своей гвардіи сомкнуться вокругъ себя и недопускать до нее наглыхъ просительницъ.

Однако частыя возмущенія Парламента довели ее до того, что она рѣшилась употребить сильнѣйшія средства, не разсуждая о томъ, въ состояніи ли будетъ она ихъ поддержать.

Августа 26го приказала она взять подъ стражу двухъ Членовъ Парламента — Президента Потіе де Бланкмениля и Совѣтника Брусселя. Въ Парижѣ возгорѣлся бунтъ. Сначала Королева показала великую твердость духа и отвѣчала одному придворному, который совѣтовалъ ей возвратить

Брусселю свободу: „Ему возвра-
„тить свободу! Я лучше удав-
„лю его собственными своими
„руками.“ Но возмущеніе умножи-
лось до того, что ей угрожала опа-
сность въ самомъ Дворцѣ; наконецъ
уступила она и согласилась на осво-
божденіе Брусселя и другихъ. Сей
въѣхалъ въ Парижъ въ Королевской ка-
ретѣ и при восклицаніяхъ народа: *Да
здравствуетъ одинъ Король и Г.
Брусселъ!*

Парламентъ, ободренный сею по-
бѣдою, открылъ снова свои засѣданія
и умыслы. Королева, сдѣлавшаяся очень
набожною, проводила день въ молит-
венной, предоставляя Мазареню себя
защищать. Однако ни благочестіе Ко-
ролевы, ни благоразуміе Кардинала не
могли обуздать мятежниковъ. При Дво-
рѣ не оставалось ему другихъ средствъ;
должно было ему удалиться съ поля
сраженія и вывезти изъ Парижа юна-
го Короля. Исполненіе сего труднаго
предпріятія не устрашило Королеву.
1649 года, Января 5 дня, когда Прин-

цы и Кардиналъ пошли къ Гжѣ. Граммонъ: тогда она съ своими женщинами играла въ гапо; потомъ сказала имъ, что она хочетъ спать. Когдажъ всѣ удалились — она велѣла запереть двери, сообща свое намѣреніе тѣмъ, кому нужно было. Въ два часа она приказала разбудить Короля и вышла съ нимъ изъ Дворца чрезъ маленькую калитку къ тому мѣсту, гдѣ дожидалась ихъ карета. Принцы и Кардиналы соединясь съ ними въ условленномъ мѣстѣ, всѣ вмѣстѣ отправились въ Сенжермень.

Отъѣздъ сей далъ поводъ къ открытой распрѣ. Принцъ Конти оставилъ Дворъ, сдѣлавшись начальникомъ наглыхъ (frondeurs); такъ называли тогда недовольныхъ, ибо они весьма нагло поступали съ Правительствомъ. — Мятежники, видя Принца Конти начальникомъ своимъ, сдѣлались дерзновеннѣе. Они выдержали двухмѣсячную осаду, принудивъ Королеву заключить съ ними весьма постыдный для нее договоръ.

Тогожъ года, Августа 18, Король и Королева имѣли вшествіе въ Парижъ, при торжественныхъ восклицаніяхъ всего народа. Однако тишина и веселіе были кратковременны; мятежники, негодовавшіе на Мазареня, принялись за оружіе и требовали настоятельно, чтобы Кардиналъ сей удаленъ былъ отъ Двора. Правительство покорилось необходимости — Кардиналъ удалился; но Февраля 3, 1653 года, вступилъ опять съ торжествомъ. Счастливое свершеніе брака Людовика XIV съ Инфантиною Ишпанскою наконецъ прекратило смятенія и водворило тишину.

Однако Королева столь сильно огорчена была преимуществомъ, оказаннымъ отъ Короля извѣстной дѣвицѣ де Лавальеръ, предъ молодою Королевою, что отъ сего занемогла. Лѣтомъ сдѣлался у ней небольшой на груди нарывъ, который, по неискусству врачей, превратился въ ракъ. Въ 1665 году, Мая 22, половина пѣла ея покрылась воспаленіемъ рожи —

она была при дверяхъ гроба. Аббатъ Монтегю извѣстилъ ее объ угрожающей опасности, на что она отвѣтствовала ему: „Благодарю тебя; „сіе открытіе есть для меня вѣрный „знакъ истинной дружбы.“

Съ сего самаго времени жизнь ея протекала въ страданіяхъ; 4го Августа почувствовала она нѣкоторое облегченіе: ее перевезли въ Парижъ. Она приказала проводить себя въ Валъ-де-Грасъ, дабы тамъ предать духъ свой въ объятіяхъ святыхъ дѣвъ; однако ей отказали въ семъ утѣшеніи — она принуждена была воротиться въ Лувръ. Тогда открылся антоновъ огонь — и надежда на выздоровленіе ея совсѣмъ исчезла. Тѣло ея надобно было обрѣзывать во многихъ мѣстахъ острою бритвою. Среди толикихъ мученій она, подкрѣпляя себя вѣрою, говорила съ чудесною твердостію духа: „Иные истлѣваютъ по смерти, а я разрушаюсь при жизни.“ Новое воспаленіе появилось 16 Января, од-

накожѣ скоро пропало; сіе-то самое и сократило ея страданія, вмѣстѣ съ ея жизнію.

Архіепископъ Ошскій, находившійся при послѣднихъ минутахъ ея жизни, возвѣстилъ ей, что нѣдра вѣчности для нее отверзаются. Возвѣщеніе сіе, кѣ коему она давно себя приуготовила, ни мало ее не поколебало и не смутило. Она, токмо взглянувъ на свои руки, которыя всѣми почитались совершенно прекрасными, сказала: „Руки мои пухнутъ — „время въ путь.“ Она прожила еще до другаго дня; Января 20, въ 6 часу, испустила духъ свой.

Говорятъ, что Государыня сія была столь великодушна, что охотно прощала нанесенныя ей обиды и оскорбленія.

Говорятъ, что одна женщина, дерзнувшая продавать на улицахъ ругательныя на щетъ ея пѣсни, взята была подъ стражу. Королева узнавъ, что женщина сія, заключенная въ тюрьму, была въ самомъ жал-

комѣ положеніи, дѣлала ей разныя вспоможенія. Также одному вельможѣ, сосланному Королемъ въ ссылку за разные пасквили, выдуманные имъ на щетъ его матери, исходатайствовала она свободу.

Мы приведемъ еще примѣръ, доказывающій любовь сей Государыни къ наукамъ. Одинъ книгопродавецъ Парижскій, желая присовокупить къ жизнеописанію Кардинала Ришелье два тома Писемъ и Записокъ, собранныхъ имъ съ великимъ стараніемъ, отнесся прямо къ ней, прося ее помочь ему въ семъ могущемъ быть для него опаснымъ предпріятіи; потому что большая часть людей, порицаемыхъ въ сихъ письмахъ, были въ милости при Дворѣ. „Не бойся, сказала Анна, порицай смѣло и сыди по„рокъ: да воцарится во Франціи „одна добродѣтель.“

Государыня сія, изгладившая истиннымъ покаяніемъ нѣкоторые проступки молодости своей, погребена въ Сен-Дени. Сердце ея въ урнѣ

перенесено въ Валь-де-Грасъ, коего она была основательницею. Ей написали слѣдующую епитафію:

Soeur, femme, mere et fille de Roi,
Qui fut jamais plus digne qu'elle de ces titres glorieux!

м. с.

„Будучи сестрою, супругою, матерью и дщерію Царей, она оправдала дѣлами своими знаменитость рода своего.“

Вотъ какъ описываетъ ее Кардиналъ Рецъ:

„Королева умѣла особенно казаться умною тѣмъ, кои не знали ее совершенно. Она была угрюма, а не горда — болѣе горда, нежели величава. Она болѣе занималась сборомъ денегъ, нежели сколько предавалась расточительности, будучи болѣе расточительна, нежели корыстолюбива. Она способнѣе была къ привязанности, нежели къ страсти, способнѣе къ грубости, нежели къ гордости; будучи болѣе злопамятна, нежели добропамятна, не

имѣла благочестія самаго, а одно токмо намѣреніе быть благочестивою; въ ней видно болѣе упрямства, нежели гордости; неспособность ея все превышаетъ.

ДѢВИЦА МОНПАНСЬЕ.

Анна, Марія, Луиза д'ОриванЪ Монпансье, болѣе извѣстная подЪ однимЪ названіемЪ дѣвицы Монпансье, родилась въ ПарижѣЪ, 29 Мая, 1627 года. Она была дочь ЖанЪ-Баптиста Гастона, Герцога Орлеанскаго, брата Людовика XIII, и Маріи БурбонЪ-Монпансье. Во время отсутствія родителей ея изЪ Франціи, Королева, ея бабка, занималась воспитаніемЪ ея и опредѣлила въ надзирательницы къ ней Гжу. Сен-ЖоржЪ.

ТакЪ какЪ Принцесса сія была въ великой силѣ при Дворѣ и значительною особою во Франціи: то мы долгомЪ почитаемЪ представить изобра-

женіе ея; для сохраненія жъ исторической достовѣрности и для показанія читателямъ произведеній пера сей славной дѣвицы, мы представляемъ ея изображеніе, ею самою начертанное:

„Вамъ угодно, чтобъ я сама себя изобразила: постараюсь исполнить желаніе ваше. Справедливость и чистосердечіе, съ коими намѣрена я разсказать все, что во мнѣ есть худаго и хорошаго, конечно извиняетъ меня предъ друзьями моими. Я не люблю, чтобъ обо мнѣ жалѣли, ибо сама не очень жалостлива; для меня пріятнѣе насмѣшка: она болѣе происходитъ отъ зависти; ибо рѣдко завидуютъ людямъ недостойнымъ и не значущимъ.“

„Сперва начну описаніе мое съ наружности моей: росту я большаго, не очень толста и не очень худа; станъ у меня прекрасной; на взглядъ я довольно миловидна; руки у меня не очень хороши: за то кожа на нихъ прекрасная; ноги у меня прямы и хороши, волосы свѣтлорусые, лице

продолговатое, носъ большой орлиный; ротъ ни малъ, ни великъ, но довольно пріятенъ; губы розовыя; зубы хотя не прекрасные, однакожъ и не дурные; голубые глаза мои не очень велики и не очень малы, но исполнены огня и нѣжности, величавость изображается въ нихъ, такъ какъ и во всѣхъ чертахъ лица моего. Видъ мой показываетъ нѣкоторую важность, а не гордость. Я учтива и обходительна, но люблю, чтобъ ко мнѣ не теряли уваженія. Я весьма нерадива въ одеждѣ; однакожъ не люблю неопрятности; одѣваюсь чисто: небрежность ко мнѣ пристала. Безъ хвастовства скажу, что я болѣе собою украшаю мои наряды, нежели себя нарядами. Я говорю много, но въ рѣчахъ моихъ никогда не бываетъ глупостей и непристойныхъ словъ; о томъ никогда не говорю, чего не разумѣю: не подражаю тѣмъ людямъ, кои, надѣясь слишкомъ на себя, всѣхъ другихъ презираютъ. Кажется, что я лучше люблю слушать себѣ похвалы,

нежели сама хвалить. Могу похвастаться однимъ, что умѣю быть доброю пріятельницею. Въ дружбѣ постоянна, если пощастливится мнѣ найти себѣ достойнаго друга, коего нравъ сходствовалъ бы съ моимъ. Я чрезвычайно скромна, вѣрна и почтительна къ моимъ друзьямъ; но люблю, чтобъ и мнѣ отвѣтствовали тѣмъ же. Ничто такъ меня не плѣняетъ, какъ довѣренность ко мнѣ: она, будучи знакомъ почтительности, весьма драгоцѣнна бываетъ для людей честныхъ и чувствительныхъ. На враговъ моихъ я очень сердита; потому что вспыльчива и своенравна; но при всемъ томъ, душа у меня добрая и благородная. Я не способна къ низости и подлости; болѣе склонна къ задумчивости. Въ прозѣ люблю читать книги отборныя и основательныя — пустяками, кромѣ стиховъ, скучаю; стихи читаю всякіе, каковы бы они ни были, и разсуждаю объ нихъ, словно какъ бы самая ученая женщина. Я люблю общество и бесѣду съ честными людьми; одна-

кожъ не скучаю и тѣми, кои и вовсе не таковы; ибо люди моего званія, будучи рождены болѣе для другихъ, нежели для себя, должны умѣть принуждать себя. Наконецъ, я такъ къ этому привыкла, что ни чѣмъ не скучаю, хотя и всё меня не веселитъ. Ето не мѣшаетъ мнѣ отличать людей достойныхъ, а я люблю наиболѣе тѣхъ, кои имѣютъ какія нибудь особенныя дарованія. Всѣмъ прочимъ предпочитаю я людей военныхъ, и чрезвычайно люблю слушать повѣствованія о воинскихъ дѣяніяхъ; хотя и сказала, что не люблю говорить о томъ, чего не знаю, и что до меня не касается, однакожъ я охотница говорить о войнѣ. Я чувствую въ себѣ много храбрости и отваги; но Богу угодно было, чтобъ я родилась женщиною — и притомъ такою, какова я есть, а не воиномъ. Я опрометчива въ предпріятіяхъ, однакожъ и постоянна въ исполненіи оныхъ. Я не поставляю для себя въ тягость служить моимъ друзьямъ, или повиноваться тѣмъ, отъ кого завишу.

Я не корыстолюбива, и не способна подличать. Будучи совершенно равнодушна ко всему свѣтскому и столь же много уважая себя, сколько презираю другихъ, я соглашусь лучше жить въ пустынѣ, нежели терпѣть униженіе, хотя бы отъ этого зависѣло все мое счастіе. Мнѣ приятно одиночество. Я не оказываю ни малѣйшаго снисхожденія, и отъ другихъ его требую. Я недовѣрчива, но только не къ себѣ, а къ другимъ; люблю угождать и одолжать, а часто дѣлаю и досады. — Скрипка нравится мнѣ болѣе всѣхъ инструментовъ. Прежде была я охотница танцовать и танцую прекрасно, а ненавижу карточныя игры; люблю лучше игрища. Я горазда на все; также непосредственное для меня удовольствіе — ѣздить верхомъ на охоту. Я ощущаю сильнѣе скорбь, нежели радость, зная первую болѣе послѣдней; однакожъ не будучи актрисою и притворщицею, и радость и печаль умѣю скрыть. Не думаю, чтобы кто могъ владѣть самъ

собою такъ, какъ я, и чтобы у кого умъ господствовалъ надъ тѣломъ такъ, какъ у меня; за то иногда бываетъ мнѣ трудно терпѣть. Ужасныя горести, кои я должна была сносить, конечно повергли бы другаго въ гробъ; но милосердый Богъ даровалъ мнѣ отмѣнную крѣпость и твердость. Ничто меня не удручитъ, ничто не утомитъ — даже весьма трудно узнать по лицу моему: щастлива-ль я въ душѣ иль злополучна; ибо лице у меня, при сердечныхъ движеніяхъ, рѣдко измѣняется. Я забыла сказать, что лице мое цвѣтетъ здравіемъ; оно не слишкомъ нѣжно, но свѣже: я не набожна; а хотѣлабъ быть набожною. Въ свѣтѣ для меня нѣтъ почти никакихъ пріятностей; презирая всѣхъ, я себя не презираю; а самолюбіе, кажется, неприлично набожности. Я весьма прилежна въ дѣлахъ: прилѣпляюсь къ нимъ совершенно. Я также нѣсколько подозрительна. Люблю порядокъ въ самыхъ мѣлочахъ; не знаю, щедра ли

я; но знаю, что люблю вещи модныя и дорогія. Люблю награждать людей достойныхъ и мнѣ любезныхъ; впрочемъ я дѣлаю ето часто такъ, какъ мнѣ вздумается: то не знаю, могу ли назваться истинно щедрою. Добро дѣлаю всегда отъ чистой души; одолжать людей есть мое искусство. Я не охотно хвалю другихъ; рѣдко охуждаю сама себя. Я не злонравна и не насмѣшлива, хотя и умѣла бы, лучше другихъ, смѣяться надъ людьми, и хотя во мнѣ есть наклонность осмѣивать тѣхъ, кои то заслуживаютъ. Я рисую худо, а пишу хорошо. У меня нѣтъ совсѣмъ склонности влюбляться; за ето часто возстаютъ противъ меня, говоря, что если я не терплю страстныхъ стиховъ: то будто и не имѣю души нѣжной. Хотя и укоряютъ меня, что я столь же холодна въ дружбѣ, какъ и въ любви; однакожъ я противъ сего поспорю; ибо я душевно предана тѣмъ, кои етого стоятъ, и кои меня обязываютъ; болѣе всего умѣю быть бла-

городною. Я отъ природы воздержна; излишнее кушанье мнѣ въ тягость, равно какъ и люди, полагающіе все свое удовольствіе въ ѣдѣ и питьѣ. Я люблю спать; но, при малѣйшей надобности, отказываюсь отъ сна, безъ всякаго для себя принужденія. Я не сплетница: однакожъ люблю вывѣдывать, что дѣлается въ свѣтѣ — болѣе для того, чтобъ самой заранѣе удаляться отъ сплетней. Памятью богата и разсудкомъ не скудна; я желала бы, чтобъ люди, разсуждая обомнѣ, узнали, что я сама всегда составляла себѣ счастіе, которое ко мнѣ не всегда благосклонно; тогда, можетъ статься, сужденіе людей обо мнѣ былобъ неблагопріятно." — Дѣвица Монпансье, по знаменитости своего рода и по достоинствамъ, могла надѣяться славнаго супружества. Многіе случаи представлялись ей къ вступленію въ бракъ съ различными особами, между прочимъ и съ Ерц-Герцогомъ. Бракъ сей намѣревалась она совершить тайнѣ, безъ вѣдома отца ея и Двора; по-

чему Правительница Государства, призвавъ ее въ Совѣтъ, сдѣлала ей за это жестокій выговоръ, коимъ она очень огорчилась.

Во время междоусобій во Франціи (guerre de la fronde) дѣвица Монпансье наиболѣе оказала присутствія духа и смѣлости. Городъ Орлеанъ, бывшій когда весьма важнымъ мѣстомъ и составлявшій часть удѣла Гастонова, хотѣлъ было сдаться Людовику XIV; Королевскій братъ, не хотя оставить Парижа, послалъ туда дѣвицу Монпансье, которая, не находя инаго средства войти въ городъ, приказала выломать ворота. Занявъ оный, преклонила она жителей остаться на сторонѣ Парламента и ея отца, а Королю отказать. Окончивъ успѣшно предпріятія свои, она возвратилась въ Парижъ. Потомъ ѣздила еще въ Епамъ, гдѣ осматривала войска Парламентскія и Принцовъ. Начальство женщины надъ арміею, по новости своей, нѣкоторое время можетъ нравиться; но въ про-

долженіи времени оно прискучитъ; ибо самолюбіе подчиненныхъ скоро пробуждается.

Маршалъ Тюрень, начальствовавшій надъ Королевскими войсками, умѣлъ выждать удобный случай и напасть на непріятелей тогда, какъ они начали роптать противъ Главнокомандующаго — женщины. Славная побѣда была плодомъ его предусмотрительности. Огорчена будучи сей неудачей, Монпансье употребляла всѣ способы для привлеченія на свою сторону Испаніи. Она въ томъ успѣла и вскорѣ пять или шесть тысячъ Испанцевъ прибыли для подкрѣпленія войскъ ея. Тогда-то расположилась она лагеремъ противъ воротъ Св. Антонія. Парижъ защищаемъ былъ Королевскими войсками. Дѣвица Монпансье взошла въ Бастилію.

Не взирая на свою храбрость и мужество, дѣвица Монпансье пострадала отъ сей войны; ибо ее сослали въ замокъ ея Сенфаржо. Проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, она вновь

появилась при Дворѣ и была принята очень хорошо.

По заключеніи Пиринейскаго мира и по совершеніи брачнаго договора Людовика XIV съ Инфантиною Испанскою, Тюрень получилъ отъ Короля повелѣніе предложить, какъ бы отъ себя, дѣвицѣ Монпансье, чтобъ она вышла за Короля Португальскаго. Она сама описала сей любопытный разговоръ съ Тюренемъ. Вотъ ея слова:

„Онъ мнѣ сказалъ: Я хочу сдѣлать васъ Королевою; слушайте, дайте мнѣ сперва все высказать, а потомъ ужь отвѣчайте. Я хочу сдѣлать васъ Королевою Португальскою! Фуй, я не хочу быть Королевою Португальскою, отвѣчала я.

Но дѣвицы вашего званія во всемъ должны быть покорны волѣ Короля, возразилъ онъ. А развѣ вы присланы отъ Короля? спросила я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я пришелъ самъ по себѣ; но выслушайте!

Потомъ началъ онъ говорить, что Королева Португальская была

женщина весьма хитрая и честолюбивая; что, изъ честолюбія, сдѣлала она мужа своего Королемъ, произвела возмущеніе, и теперь управляетъ всѣми дѣлами, что видя сына своего на возрастѣ, желающаго вступить въ бракъ, она предложила ему въ невѣсты меня, и потомъ сама хотѣла удалиться; что Король Португальскій привыкъ жить по волѣ своей матери и дѣлать то, что ему прикажутъ, и что если я буду его женою: то сдѣлаюсь непремѣнно полною властительницею Португаліи; что еще неизвѣстно наверное: уменъ ли, или нѣтъ мой женихъ а чтобы быть щастливою — такого то мужа мнѣ и надобно; что онъ бѣлокуръ, довольно пригожъ лицомъ и имѣлъ бы прекрасный станъ, еслибъ отъ рожденія одна половина его тѣла не была разбита параличемъ и нѣсколько слабѣе другой; однакожъ когда онъ одѣнъ: недостатокъ сей не примѣтенъ; только одною рукою владѣетъ онъ не такъ хорошо и хро-

маетъ на одну ногу; что онъ уже начинаетъ, безъ всякой помощи, ѣздить верхомъ; что онъ не имѣетъ ни худыхъ, ни хорошихъ склонностей; и потому мнѣ легко возродить въ немъ, какія захочу; а что худъ, или хорошъ онъ собою: то для такой честной и благородной дѣвицы, какъ я — должно быть все равно."

Всѣ убѣжденія сіи не подѣйствовали надъ дѣвицею Монпансье — она отказалась и опять послана была въ Сенъ-Фаржо.

Кто повѣритъ, чтобы дѣвица Монпансье, не вступивъ въ бракъ съ Императоромъ и Королемъ Португальскимъ, 45 лѣтъ рѣшилась выдти за Гна. Лозеня, Капитана гвардіи Людовика XIV. Король сперва согласился на сей бракъ, однако потомъ отдумалъ; что и понудило ихъ обвѣнчаться тайно.

Щастіе Г. Лозеня не долго продолжалось: онъ нагрубилъ Гжѣ. Монтеспанъ, бывшей иногда въ милости у Короля, которую почиталъ виновни-

цею всего и за ето былъ сосланъ въ Пиньероль. Однѣ чрезвычайныя старанія Монпансье могли его извлечь оттолѣ, послѣ десятилѣтней ссылки. Для выкупа мужа своего, принуждена была она отдать почти все свое имѣніе Герцогу Мену, побочному сыну Людовика и Гжи. Монпеспань.

Когда дѣвица Монпансье сдѣлала бракъ свой явнымъ: то, вмѣсто благодарности, претерпѣвала она отъ Лозеня много неудовольствій. Судя по послѣднимъ нападеніямъ Монпансье, надобно думать, что конецъ ея жизни былъ посвященъ вѣрѣ и набожности.

Кромѣ книгъ, касающихся Христіанства, остались послѣ нее весьма любопытныя Записки, собраніе писемъ къ Гжѣ. Монтовиль, описаніе различныхъ особъ и два прекрасные романа: повѣсть о вымышленномъ островѣ и Принцесса Пафлагонская.

Она скончалась 1693 года, 5 го Апрѣля, 66 лѣтъ отъ рожденія.

ГЖА. МЕНТЕНОНЪ.

Франциска Добинье, Маркиза де Ментенонъ, внука славнаго Ѳеодора Агриппы Добинье, столь извѣстнаго въ Исторіи, родилась 27го Ноября, 1605 года, въ Ніорпской темницѣ, въ коей отецъ ея Констанъ Добинье былъ заключенъ. Мать ея называлась Жанна де Кардильякъ.

По десятилѣтнемъ заключеніи, Добинье исходатайствовала свободу своему мужу. Онъ отправился съ женою и съ двумя дѣтьми своими въ Америку. Щастіе ему благопріятствовало, и онъ, проводя нѣсколько лѣтъ въ трудахъ, сдѣлался наконецъ владѣтелемъ прекрасныхъ и обширныхъ планпацій.

На пути ихъ въ Америку, дѣвица Добинье сдѣлалась больна, и находилась въ такой крайности, что уже не показывала никакого знака жизни. Мать, въ отчаяніи, держала ее въ своихъ объятіяхъ, отогрѣвая ее на груди своей. Всѣ усилія были тщет-

вы. Матросу велѣно было бросить дитя въ море. Гжа. Добинье умоляетъ, чтобъ позволили ей въ послѣднее поцѣловать свою дочь; кладетъ руку на ея сердце — чувствуетъ его біеніе, и показываетъ, что дочь еще жива. Въ самомъ дѣлѣ, она еще не умерла, и усильныя стараніи возвратили ей жизнь.

Гжа. Добинье, отозвана будучи во Францію для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, оставила супруга своего въ Мартиникѣ, гдѣ онъ, во время отсутствія ея, расточилъ все свое имѣніе. По возвращеніи своемъ, почтенная матъ сія, находя себя лишенною всѣхъ пособій, обратила все свое вниманіе на воспитаніе дѣтей своихъ, и какъ Франциска показывала болѣе способностей: то она единственно занялась ею. Примѣры ея были для дочери лучшими уроками въ нравственности. Она сносила нещастія съ героическимъ мужествомъ. Однажды загорѣлся у нее домъ: Франциска горько плакала; матъ сдѣлала ей строгій выговоръ: должно ли,

сказала она ей, плакать о потерѣ дома? Я не о домѣ плачу, отвѣчала Франциска, а о моей куклѣ.

Гжа. Добинье заставляла дочь свою читать Плутарха, какъ такую книгу, которая могла образовать ея разсудокъ, и чтобъ приучить ее къ размышленію, велѣла ей дѣлать изъ него выписки. Франциска писала очень хорошо, и учась всѣмъ наукамъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, который былъ чрезвычайно лѣнивъ, она заранѣе образовала слогъ свой.

Въ 1646 году умеръ Г. Добинье. Смерть его повергла сіе нещастное семейство въ крайнее раззореніе. Гжа. Добинье возвратилась во Францію; но какъ долги мужа ея не были еще уплачены: то она принуждена была главному заимодавцу оставить въ залогъ дочь свою; но жена его вскорѣ отказалась кормить ее. Тамошній судья изъ милости взялъ ее къ себѣ и продержавъ у себя нѣсколько времени, отослалъ ее наконецъ къ Гжѣ. де Монтамбертъ, которая симъ не очень бы-

ла довольна. Гжа. де Вилетъ сжалилась надъ ея нещастіями. Она упросила Гжу. де Монпаламбертъ препоручить ей воспитаніе племянницы ея, и воспитала ее въ Протестантской религіи. Но Гжа. де Нёльантъ, родственница Гжи. Добинье, испросила у Двора повелѣніе, взять Франциску изъ рукъ Гжи. де Вилетъ. Она прилагала всѣ свои старанія, чтобы наставить ее въ Католической Религіи. Франциска не соотвѣтствовала ея усиліямъ и показала столько отвращенія и упорства, что Гжа. де Нельантъ, оскорбленная симъ, велѣла ей, на ряду съ своими слугами, исправлять самыя низкія должности въ дому, полагая, что лучше ее можно убѣдить униженіемъ, нежели убѣжденіями. —

Всякой день по утру Франциска ходила съ хлыстикомъ за Индѣйскими пѣтухами — и сію скучную должность исправляла до тѣхъ поръ, пока не была отослана въ монастырь Нёрпской. Здѣсь она приняла Като-

лическую религію. Какъ скоро Гжа. де Вилетъ услышала, что она перемѣнила свою вѣру: то и перестала платить за ея содержаніе. Монахини содержали ее нѣсколько времени изъ состраданія, наконецъ видя, что имъ ничего не платили, представили Гжѣ. Добинье, что имъ не возможно держать пансіонерокъ безъ платы, и просили неотступно, взять къ себѣ дѣвицу. Франциска была симъ случаемъ такъ огорчена, что онъ глубоко вкоренился въ ея памяти; однако она всегда монахинямъ оказывала свои благодѣянія, стараясь научить ихъ, чтобъ онѣ никогда не презирали бѣдности въ другихъ людяхъ, которую уважали въ самихъ себѣ. —

По прозьбѣ Гжи. Добинье, Гжа. де Нельянтъ опять приняла ее къ себѣ. Она брала ее съ собою во всѣ общества; но вмѣсто того, чтобъ радоваться тому, что племянница ея снискиваетъ всеобщее удивленіе, она досадовала на сіе, и дома поступала съ нею самымъ жестокимъ образомъ.

Въ то время жилъ въ Парижѣ одинъ Аббатъ, человѣкъ умный, но котораго болѣзнь такъ изковеркала, что приходили смотрѣть его, какъ рѣдкость. Голова его наклонена была къ брюху, ноги изогнуты, короче сказать, онъ походилъ на букву Z; но душа его замѣняла всѣ его тѣлесные недостатки. Сердце его склонно было къ дружеству; онъ былъ бѣденъ безъ цѣли, веселъ не смотря на свою боль, насмѣшливъ безъ злости, лѣнивъ безъ небреженія, вспыльчивъ безъ гнѣва. Таковъ былъ Скарронъ! —

Гжа. де Нельянтъ однажды привела къ нему Гжу. и дѣвицу Добинье. Дѣвица Добинье, которую не старались хорошо одѣвать, имѣла очень коротkое платье; она, вошедши, покраснѣла и заплакала отъ стыда. Смущеніе и красота прелестной дѣвицы тронули все собраніе. Скарронъ очень живо его чувствовалъ, и за симъ нѣжнымъ участіемъ послѣдовала тѣснѣйшая связь.

Не смотря на вспоможеніе, оказываемое Гжѣ. Добинье, дѣла ея не кончились; чувствуя лишеніе матернихъ правъ своихъ, она была печалію приведена ко гробу. Дочь ея, при мѣсяца заключившись въ малой комнатѣ въ Ніортѣ, оплакивала смерть ея.

Она возвратилась въ Парижъ съ Гжею. Нельянтъ, и часто посѣщала Скаррона. Ея красота, пріятности, умъ и особенно кроткій нравъ сдѣлали живое впечатлѣніе надъ сердцемъ Аббаша. Онъ вздумалъ жениться на ней; но видя, что подвергнется всеобщему посмѣянію, если сдѣлаетъ предложеніе на удачу, принужденъ былъ нѣсколько времени хранить молчаніе. Наконецъ узнавши, что любезная сирота много терпѣла отъ Гжи. Нельянтъ, онъ предложилъ ей платить за нее въ монастырѣ, или взять ее за себя. Дѣвица Добинье отвѣчала ему, что ежели согласится Гжа. де Нельянтъ: то она со всею благодарностію приметъ послѣднее предложе-

ніе, и что его благодѣяніе имъ обоимъ будетъ полезно. Обрадованный Скарронъ испросилъ позволеніе у Гжи. де Нельяпъ, и какъ онъ не имѣлъ никакой должности: то ничто болѣе не препятствовало его щастію. Когда писали свадебный договоръ: то онъ сказалъ, что онъ, вмѣсто приданаго, беретъ за нею четыре вещи: пару большихъ голубыхъ глазъ, прекрасной станъ, пару прекрасныхъ рукъ и множество ума.

Дѣвица Добинье, будучи въ такихъ лѣтахъ, когда свѣтъ для насъ имѣетъ тысячу прелестей, ясно видѣла, что, вышедши за мужъ за человѣка слабаго здоровья, она принимаетъ на себя обязанность никогда не оставлять его. Такимъ образомъ когда онъ боленъ, она служитъ ему; еслижъ чувствуетъ онъ себя лучше — она подруга ему; когда здоровъ онъ — она замѣняетъ ему Секретаря и чтеца.

Сіи великодушные поступки снискали ей всеобщее уваженіе. Всѣ говорили объ ней съ удивленіемъ; дѣвица Скюде-

ри сказала, что самый воздухъ, ее окружавшій, казалось, внушалъ добродѣтель. —

Слабость Скаррона увеличивалась ежедневно, и онъ, изнемогши подъ бременемъ своихъ страданій, скончался въ Октябрѣ, 1660 года. Смерть его причинила живѣйшую печаль Гжѣ. Скарронъ — и какъ ея мужъ ничего ей не оставилъ, кромѣ своихъ насмѣшекъ и долговъ: то она увидѣла опять себя въ ужаснѣйшей нищетѣ!

Скарронъ нѣсколько лѣтъ находился въ числѣ больныхъ, пользовавшихся милостію Королевы, и получалъ отъ нее пенсіи 1500 ливровъ въ годъ, которой послѣ лишился за насмѣшливые стихи на щетъ Кардинала Мазарена.

Друзья его не надѣялись изходатайствовать оную для его жены. Всѣ ихъ стараніи не имѣли никакого дѣйствія у Кардинала. Но случай лучше ей помогъ. Королева однажды упомянула о Скарронѣ предъ Г. де ла Гардъ, который воспользовался симъ, и ска-

залъ ей, что сей славный страдалецъ, нѣкогда самъ благотворившій другимъ, оставилъ прекрасную жену, которой добродѣтель давно борется съ несчастіями. Всѣ особы, находившіяся у Королевы, соединенными прозьбами убѣдили ее возобновить пенсію, которою пользовался Скарронъ. Королева спросила, сколь велика была пенсія. Ей сказали, что она состояла въ 2000 ливровъ. Королева повелѣла, чтобы Гжа. Скарронъ была включена въ число получающихъ пенсію, и чтобъ ей выдавали ежегодно по 2000 ливровъ, и немедленно послали къ ней четвертую оной часть.

Но, увы! щастіе сіе было непродолжительно; Королева скончалась — и Гжа. Скарронъ лишилась пенсіи. Она подавала просительныя письма, которыя оставлены безъ вниманія. Къ щастію, Гжа. Монтеспанъ взялась лично просить у Короля сей милости. Какъ! вскричалъ Король: опять вдова Скарронъ? Ваше Величество! отвѣчала Гжа. Монтеспанъ: какъ вы не хоти-

те слышашь объ ней ни слова, между тѣмъ какъ предки ея разорились, служа вашимъ предкамъ! Просительное письмо было подано Королю любезной особой — и онъ согласился оказать милость.

Гжа. Скарронъ, освободившись отъ крайней бѣдности, и единственно занимаясь Богомъ, отказывала себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ. Но Гжа. де Ментенонъ полагая, что она лучше всѣхъ можетъ смотрѣть за воспитаніемъ ея дѣтей, взяла ее къ себѣ. Выборъ сей не понравился Лудовику XIV, который находилъ въ ней жеманство и лишнее остроуміе; однако онъ скоро вышелъ изъ сего несправедливаго предубѣжденія. Любовь Гувернантши къ молодымъ Принцамъ, соединенная съ неутомимыми попеченіями, которыя она прилагала объ ихъ воспитаніи, непримѣннымъ образомъ снискала ей у него почтеніе.

Между тѣмъ у Гжи. Монтеспанъ часто происходили съ Гжею. Скарронъ ссоры; однако онѣ столь же скоро ми-

рились, какъ и ссорились, не могши ни жить вмѣстѣ, ни въ разлукѣ. Людовикъ XIV, утомленный всегдашними ихъ несогласіями, однажды сказалъ Гжѣ. де Монтеспанъ: если она вамъ не нравится, за чѣмъ вы ее не прогоните? Вамъ дана полная власть. Гжа. де Монтеспанъ не позабыла этого ей сказать. Гжа. Скарронъ, будучи симъ жестоко обижена, хотѣла удалиться; но Гжа. де Монтеспанъ употребила всѣ свои усилія, чтобы отклонить ее отъ сего намѣренія; однако въ томъ не успѣла. Самъ Король оскорбилъ ее — надлежало самому Королю успокоить ее.

Съ этого времени Людовикъ XIV не сомнѣвался уже въ ея остроуміи, и исполненъ будучи почтенія къ женщинѣ, которая не признавала никакого надъ собой начальника, кромѣ его, желалъ, чтобы она ему одному давала отчетъ въ воспитаніи Принцовъ.

Чѣмъ болѣе приближалось то время, когда Дюку де Менъ должно было выйти изъ-подъ ея присмотра,

мѣмъ болѣе увеличивались ея попеченія. Сей Принцъ, братъ его, Графъ де Венсанъ, и сестра его, дѣвица де Нантъ, въ одно время вдругъ занемогли. Король посѣтилъ своихъ дѣтей. Онъ засталъ Гжу. Скарронъ поддерживающую одной рукой Дюка, другой качающую въ колыбели Принцессу, а на колѣняхъ ея увидѣлъ спящаго Графа. Король былъ растроганъ до слезъ, и прислалъ ей сто тысячъ франковъ.

Гжа. де Ментенонъ воспользовалась благодѣяніями Короля, для приобрѣтенія прекраснѣйшей земли, названной Ментенонъ, въ десяти миляхъ отъ Версаліи. Король первый далъ и ей самой сіе имя, въ присутствіи всего Двора, и съ того времени она всегда называлась симъ именемъ. —

Въ 1679 году Людовикъ XIV пожаловалъ Гжу. де Ментенонъ второю Статсъ-Дамою супруги Дофина. Черезъ пять лѣтъ хотѣли ее сдѣлать первою Статсъ-Дамою; однако она отказалась, и сдѣ-

лалась начальницею *общества милосердія*. Съ сего времени нещастные и бѣдные были предметомъ всѣхъ ея попеченій.

По смерти Королевы, Гжа. де Ментенонъ была въ величайшей милости у Короля, который чрезъ нѣсколько времени тайно съ нею обвѣнчался, въ присутствіи своего духовника, и двухъ свидѣтелей. Выборъ сей такъ почитали, что придворные старались заслуживать ея благоволеніе, какъ будтобъ она была Королева.

Спустя нѣсколько времени, Гжа. де Ментенонъ построила въ Руелѣ, близъ Парижа, домъ, въ коемъ воспитывалось нѣсколько благородныхъ бѣдныхъ дѣвицъ. Когда число ихъ умножилось: то она донесла о томъ Королю, надѣясь, что онъ покажетъ себя ревностнымъ участникомъ въ семъ благотворительномъ заведеніи.

Въ самомъ дѣлѣ онъ подарилъ Королевскій Дворецъ Нуази, и велѣно было въ немъ, сколько можно болѣе, по-

мѣстить воспитанницъ. Онѣ были раздѣлены на четыре класса и различались между собою цвѣтомъ ленть, которыми онѣ украшали свою голову. Старшія изъ нихъ носили голубую ленту, второклассныя желтую, третьеклассныя золотую, и самыя малолѣтныя красную. Черная лента служила награжденіемъ.

Слухъ о семъ заведеніи, учрежденномъ Гжею. де Ментенонъ, разпространился по всей Франціи; всѣ бѣдные дворяне стали просить о принятіи своихъ дочерей. Гжа. де Ментенонъ, внемля гласу сердца своего, продала свои драгоцѣнные камни, лошадей своихъ и даже нѣкоторое платье — и вырученныя деньги употребила для удовлетворенія своихъ просителей. Въ утѣшеніе лишившимся состоянія, говорила она: Промыслъ Божій васъ не оставитъ, и я также была бѣдна, и еще нещастнѣе васъ. —

Хотя она и поставляла себѣ за правило не упруждать Короля своими прозьбами; однако никогда не упускала благо-

пріятнаго случая доказывать ему, сколько помощь его будетъ важна для усовершенствованія сего заведенія, споспѣшествующаго щастію его подданныхъ.

Людовикъ XIV, любя пышность, хотѣлъ сначала, чтобъ принято было пять сотъ дѣвицъ; однако число ихъ послѣ ограничилось тремя стами, которыя и были переведены въ Сен-Сиръ. Онѣ имѣли одинаковую темноцвѣтную одежду. Лѣтомъ носили онѣ полотняную коротькую юпку, а зимою изъ краснаго рапину. На головѣ имѣли онѣ бѣлый сѣтчатый чепчикъ, украшенный банпами изъ лентъ, имѣющихъ цвѣтъ, приличный каждому классу.

Достоинство, на какое возведена была Гжа. де Ментенонъ, и благоволеніе къ ней Короля сдѣлали бы ее щастливою, еслибъ душа ея была привязана только къ міркому; но, совершенно предавъ себя Богу, она скучала всѣми сими преимуществами, и терпѣла всегдашнее принужденіе.

Я иногда видала, говоритъ дѣвица Домаль, какъ она въ печали, въ безпокойствѣ и болѣзни, принимая на себя веселый и спокойный видъ, забавляла Короля разными способами; говорила сряду четыре часа безъ повтореній, не заикаясь и не злословя никого. Распростясь съ нимъ въ десять часовъ вечера, она сказала мнѣ со вздохомъ: „Я могу вамъ только то сказать, что я болѣе ничего не могу сказать.“ Получивъ однажды отказъ въ маловажномъ дѣлѣ, касающемся до одного изъ ея родственниковъ — она сказала мнѣ: „если бы я вздумала показать недовольный видъ: то все моглабъ отъ него получить; но я должна сносить все спокойно: Король очень ласковъ; онъ всякой день мнѣ твердитъ, чтобъ я его о чемъ нибудь попросила; но наши Государи не умѣютъ дѣлать удовольствія.“ Я часто замѣчала, что она готова была оставить Дворъ, исполненный заботъ. „Ахъ! еслибъ я могла оставить свое мѣсто! но ето не

въ моей волѣ; Боже мой! за чѣмъ ты меня пригвоздилъ къ нему? „Потомъ наединѣ со мною проливая слезы, съ жалобнымъ воплемъ, сказала мнѣ: „какъ люди жестоки! они неспособны чувствовать дружбу: для меня лучше всѣхъ Король, но я должна отъ всѣхъ сносить; Богъ попускаетъ сіе, чтобъ я не была привязана къ міру. Что пользы мнѣ въ томъ, что всѣ почитаютъ меня, или можетъ быть, мое достоинство, если я, кромѣ горести, ничего не чувствую! Должно побывать на моемъ мѣстѣ, чтобы узнать, какъ горько мнѣ жить на свѣтѣ."

Въ 1715 году умеръ Людовикъ, и Гжа. де Ментенонъ удалилась въ Сен-Сиръ, чтобы тамъ окончить свою жизнь. Она провела тамъ около четырехъ лѣтъ, исправляя общественныя занятія, подавая лично примѣръ повиновенія, и изливая свои благодѣянія на всѣхъ нещастныхъ.

(*) Петръ I, во время своего пребыванія во Франціи, навѣщалъ ее.

Между тѣмъ приближалась ея послѣдняя минута. Уже нѣсколько времени мучила ее горячка; 14 Апрѣля 1719 она усилилась, и была сопровождаема признаками, которые не подавали ни малѣйшей надежды къ ея выздоровленію; 15 числа вошла она въ усыпленіе, послѣ котораго успѣла только приобщиться Святымъ Тайнамъ. Она равнодушно отвѣчала на всѣ молитвы и показала то мирное спокойствіе, которое есть знакомъ и наградою невинной жизни. Дюкъ де Ноальи, находившійся возлѣ нее, спросилъ: легче ли ей? Нѣтъ, отвѣчала она, прости, любезный Принцъ, черезъ нѣсколько часовъ я много узнаю. Произнесши слова сіи, впала она въ безпамятство; вскорѣ потомъ испустила послѣднее дыханіе въ пять часовъ вечера, на 84 году своей жизни. Ее погребли въ Сен-Сирской церкви.

Твореній Гжи. Ментенонъ было собрано и напечатано девять Томовъ.

НИНОНА ЛАНКЛО.

Нинона представляетъ собою такое явленіе, которое природа производитъ одинъ только разъ при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ. Рѣдкой ея характеръ и смѣлое предпріятіе сдѣлаться мущиною служатъ ей предъ глазами всего свѣта единственнымъ извиненіемъ въ нѣкоторыхъ ея заблужденіяхъ и слабостяхъ. Если мущины, по чувству признательности и собственному самолюбію, старались отдать ей честь: то женщины должны радоваться, что она охотно отказалась отъ ихъ пола. Ето самое доказываетъ, что она сама почитала себя недостойною принадлежать оному.

Нинона Ланкло родилась въ 1616 году. Она была единственная дочь Г. де Ланкло, Туренскаго дворянина. Мать ея называлась Раконисъ и происходила изъ одной знатной Орлеанской фамиліи. Отецъ ея ни мало не былъ музыкантъ — какъ многіе писатели увѣряютъ — но только любитель музыки;

и сіе-то, безъ сомнѣнія, подало поводъ многимъ писателямъ къ такой ошибкѣ. —

Первыя начала ея воспитанія весьма сообразовались съ планомъ ея жизни. Мать ея старалась внушить ей любовь къ религіи и добродѣтели; а отецъ желалъ сдѣлать ее любезною. Въ сей столь трудной противоположности юная воспитанница, слѣдуя натуральному побужденію, избрала дорогу, которая казалась ей блистательнѣе: уроки ея матери только слабо касались ея слуха; но уроки отца сильно дѣйствовали на ея сердце.

Нинона получила въ удѣлъ отъ природы возможную красоту, прелестную фигуру, станъ Нимфы и плѣнительный голосъ. Сверхъ того, Музыка, танцованье придавали новыя прелести къ дарамъ природы; познаніе многихъ иностранныхъ языковъ и ихъ писателей обогатило умъ ея и усовершенствовало вкусъ.

Съ такими прелестями и познаніями Нинона вступила въ свѣтъ,

подъ руководствомъ своего отца, въ избранныхъ обществахъ, въ которыхъ самые знатные люди, удаленные отъ пышности Двора и шума городскаго, наслаждались совершеннымъ благополучіемъ. Нинона сдѣлалась душею и кумиромъ сихъ. Сіи пріятныя собранія находились въ Маре, мѣстѣ нынѣ столь печальномъ и пустомъ: тысяча обожателей предлагали свои обѣты прекрасной и любезной Нинонѣ; изъ числа таковыхъ молодой Графъ де Колиньи имѣлъ щастіе быть предпочтеннымъ. —

Союзъ его съ нею не былъ однакожъ утвержденъ при подножіи алтаря, и не долго продолжался; даже не извѣстно, Нинона ли была оставлена молодымъ Графомъ, или сама она разпорола узы, ихъ соединявшія, которыя оба подтвердили клятвою никогда не нарушать; извѣстно только, что она, съ сего времени, предалась всякаго рода непостоянству, вѣтренности; благопристойность требуетъ, чтобъ мы предали забвенію всѣ многочислен-

ныя слабости Нинoны, и говорили бы только о тѣхъ, которыя относятся къ ея исторіи.

Прелести и умъ Нинoны сдѣлали домъ ея собраніемъ всего того, что только Дворъ имѣетъ любезнѣйшаго. Придворные, военные, ученые — однимъ словомъ, всякаго состоянія люди съ жадностію домогались ея знакомства. Скарронъ, умѣвшій столь хорошо сохранять наружно веселость, имѣя внутри жестокія печали, былъ изъ числа тѣхъ, кои наиболѣе способствовали пріятностямъ сего общества. Но какъ скоро жестокій параличь принудилъ его сидѣть дома: то Нинона, провождавшая у него цѣлые дни, привлекла и къ нему блестящій кругъ своихъ обожателей.

Однакожъ Нинона среди разсѣянія, въ коемъ провождала она жизнь свою, доказала нелицемѣрную любовь къ своей матери. Сія почтенная Дама, будучи очень набожна, не захотѣла жить вмѣстѣ съ своею дочерью — и разлучилась съ нею. Она уже почитала

совершенно себя забытою отъ дочери, какъ опасная болѣзнь разсѣяла худое ея объ ней мнѣніе: друзья, связи, удовольствія — однимъ словомъ — все было оставлено Нинономъ, дабы попеченіями своими продолжить жизнь своей матери. Сіе очень было приятно для Гжи. де Ланкло; однакожъ не избавило ее отъ смерти. Неутѣшная Нинона рѣшилась скончать жизнь свою въ уединеніи; она пошла въ монастырь. Но Сен-Евремонъ и знаменитая Маріонъ Дел'Ормъ, будучи увѣрены, что сей родъ жизни ни мало не приличенъ ихъ другу, успокоили мало по малу ея печаль, и возвратили Нинону свѣту, въ коемъ она снова предалась удовольствіямъ. Радость о возвращеніи ея причинила друзьямъ ея неизъяснимое удовольствіе; число обожателей ея еще умножилось, и между прочими молодой Герцогъ Ентіенскій умѣлъ болѣе другихъ воспользоваться ея благосклонностію: онъ всегда сохранялъ къ ней неизмѣнную дружбу — и даже тогда, когда въ по-

слѣдствіи сдѣлался Принцемъ Конде: то чело его, увѣнчанное лаврами, не устыдилось мирныхъ любезнѣйшей женщины. —

Такая слава Нинону возбудила въ другихъ противъ нее зависть. Слишкомъ увеличенныя уже жалобы на щетъ ея поведенія дошли до Королевы Анны Австрійской, которая приказала ее заключить въ монастырь; но друзья, очень привязанные къ ней, успѣли упросить Королеву объ уничтоженіи сего приказанія. —

Христина, Королева Шведская, отказавшись отъ престола и путешествуя по Франціи, прибыла въ Парижъ въ 1655 году. Ей наговорили столь много объ Нинонѣ, что она даже сама сдѣлала ей честь, пріѣхала нарочно въ маленькой ея домикъ, для свиданія. Королева сія, восхищенная ея умными разговорами, питала къ ней, съ сего времени, отмѣнное уваженіе.

Нинона имѣла двухъ сыновей. Послѣдній изъ нихъ, по семейственнымъ обстоятельствамъ, былъ воспитанъ, не зная виновницы своей жизни. Онъ назывался Вилліеромъ. Нинона, не могши возпротивиться желанію видѣть и слышать сего молодаго человѣка, котораго всѣ очень хвалили, имѣла неблагоразуміе принять его у себя. Сей же, посѣщая ее очень часто, влюбился въ нее — что самое, къ нещастію, и было поводомъ къ худымъ толкамъ; онъ почиталъ себя также любимымъ, и открылся ей уже въ страсти своей. Нинона, страшась послѣдствій, какія можетъ произвести пагубная страсть сія, почла лучшимъ средствомъ къ погашенію ея открыть тайну его рожденія. При семъ столь роковомъ открытіи нещастный Вилліеръ, блѣдный, дрожащій, взглядываетъ печально на Ланкло, повергается на грудь ея, произноситъ имя матери; но вдругъ приходитъ въ ужасъ, вырывается изъ объятій ея, бѣжитъ въ садъ, и шпагою пронзаетъ себѣ грудь.

Нинона слѣдуетъ за нимъ, надѣясь успокоить его отчаяніе. Но какое ужасное и вмѣстѣ плачевное зрѣлище представляется глазамъ ея! Сынъ ея лежитъ обагренный своею кровію, и окруженный уже мрачными тѣнями смерти. Глаза сего несчастнаго обращаются къ той, которая даровала и отняла жизнь его; онъ еще желаетъ сказать ей нѣчто, но слова замираютъ на устахъ его, и онъ испускаетъ послѣднее дыханіе. — Нинона сдѣлалась бы жертвою своей горести, еслибъ нѣсколько человѣкъ, прибѣжавъ на ея вопли, не удержали ея руки. Они подали ей нужную помощь и не прежде ушли, какъ нѣсколько успокоивъ ее.

Плачевное сіе происшествіе произвело большую перемѣну въ характерѣ Нинины. Ея вѣтренность и разсѣяніе уступили мѣсто постоянству, которое она сохранила до конца своей жизни. Изъ письма, писаннаго отъ нее къ Сен Евремону, видно, что

не смотря на всю славу, которой была упоена, она не находила щастія на сей землѣ. „Всякой мнѣ скажетъ, такъ пишетъ она къ нему, что я менѣе имѣю причины жаловаться на время, нежели кто другой; но какъ бы то ни было, еслибъ кто предложилъ мнѣ таковую жизнь: я лучше бы согласилась умереть.“

Время, которое обыкновенно оставляетъ за собою столь пагубные слѣды для женщинъ, кажется, уважало красоту Ниноны. — „Въ ней, такъ говоритъ Сен-Евремонъ, природа намъ показываетъ, что возможно быть всегда молодымъ. Хотя и достигла она, какъ обыкновенно называютъ, до дряхлости, до совершенной старости, однакожъ всегда имѣла вкусъ и приятность; сохранила даже всѣ зубы свои и всю живость въ глазахъ, въ которыхъ можно было читать всю исторію ея жизни.“

Исправленіе Нинины требовало и имени почтеннаго; она опять стала называться дѣвицею де Ланкло,

и носила такимъ образомъ имя сіе до конца своей жизни. Нигдѣ не было въ то время такого знаменитаго и отборнаго общества, какъ у ней. Въ немъ всегда находилась Гжа. де ла Файетъ и де ла Сабліе, изъ коихъ первую сравнивала она съ тучнымъ и плодоноснымъ полемъ, а вторую съ прелестнѣйшимъ цвѣтникомъ, усѣяннымъ прекраснѣйшими для глазъ цвѣтами. Гжи. Гриньянъ, де Куланжъ, де Торъ и Герцогиня де Буаллонъ предпочитали ея сообщество всѣмъ другимъ. Но болѣе всѣхъ оказывалъ ей почтенія и дружбы знаменитый Рошфуко. Зимою въ пять часовъ вечера собирались въ залѣ Нинопы, въ которой картина живо представляла ей друзей присутствующихъ, и приводила на память отсутствующихъ. Въ девять часовъ всѣ друзья ея удалялись, чтобы дать ей спокойствіе, нужное для худаго ея здоровья. —

Нинона, всегда любезная и всегда почтенная, достигла глубочайшей старости. Вольтеръ еще на одиннадца-

томъ году былъ ей представленъ; она разсматривала его съ особеннымъ вниманіемъ, и судя по его острымъ отвѣтамъ, предсказала, что онъ будетъ имѣть великую славу, которою и дѣйствительно Волтеръ нѣкогда наслаждался. Дружба и участіе въ немъ побудили ее отказать ему 2000 франковъ на книги.

Здоровье дѣвицы де Ланкло очень примѣтно начало ослабѣвать отъ разныхъ болѣзней; силы ея день отю дня уменьшались — и она чувствовала, что скоро пробьетъ послѣдній часъ ея жизни. Она предала его съ спокойствіемъ, и исполнивъ Христіанскій долгъ, умерла спокойно въ Парижѣ 17го Октября, 1706 года, на 90 году отъ рожденія. Аббатъ де Шапониръ написалъ на ея памятникѣ прекрасную епитафію.

Нинона была великодушна, безкорыстна, вѣрна въ своемъ словѣ и любезна въ обществѣ. Но честность ея возвышаетъ еще болѣе славу тѣхъ хорошихъ качествъ, коими она

отличалась. Слѣдующій поступокъ, доставившій ей имя *честной казнохранительницы*, служитъ сему доказательствомъ.

Г. де Гурвиль, будучи очень привязанъ къ Принцу Конде, былъ постигнутъ нещастіемъ, и принужденъ съ поспѣшностію выѣхать изъ Королевства. Предъ отъѣздомъ своимъ, пришелъ онъ къ Нинонѣ, прося ее сберечь 10,000 ефимковъ; равную же сумму отнесъ и къ М., довольно извѣстной по ея правиламъ и чрезвычайной честности. Такимъ образомъ все его богатство находилось въ двухъ рукахъ. Находясь нѣсколько времени въ иностранныхъ земляхъ, наконецъ возвратился онъ въ Парижъ, и явился къ Гжѣ. М. . ., дабы обратно получить деньги; но ему отвѣчали, что не понимаютъ, чего онъ хочетъ; однимъ словомъ, отперлись въ полученныхъ отъ него деньгахъ. Гурвиль приходитъ отъ сего въ отчаяніе, воображая, что и Нинона также съ нимъ поступитъ. Онъ

былъ такъ пораженъ сею мыслію, что даже не хотѣлъ итти къ ней. Нинона узнавши, что онъ пріѣхалъ, тотчасъ послала за нимъ, просить его къ себѣ. „Ахъ, Гурвиль! сказала она, увидя его: со мною случилось большое нещастіе во время твоего отсутствія.“ Гурвиль думалъ, что она хочетъ ему объявить о потерѣ его 10,000 ефимковъ. Нинона продолжаетъ: „Я сожалѣю о тебѣ! если ты меня еще любишь: то ты погибъ невозвратно. Моя *любовь* къ тебѣ уже охладѣла, осталось только одно воспоминаніе объ ней. Вотъ твои деньги, которыя ты мнѣ вручилъ предъ отъѣздомъ своимъ. Возьми ихъ, но не требуй сердца, которымъ не могу теперь располагать для тебя; мнѣ осталось только питать къ тебѣ чистѣйшую дружбу.“

Отвѣтъ, сдѣланный Нинономъ на счетъ Г. Ремона, можетъ служить доказательствомъ ея остроумія. Сей человѣкъ, довольно хитрый, распространилъ вездѣ слухъ, дабы

чрезъ то болѣе прославиться: будто онъ сынъ сей любезнѣйшей женщины. Она, узнавши ето, отвѣчала, что въ семъ случаѣ подобна богамъ, кои сожалѣли, что сотворили человѣка. —

ГОСПОЖА СЕВИНЬЕ.

Марія урожденная Рабютень, Госпожа Севинье, родилась 5 го Февраля 1626 года. Она была дочь Цельса Бенина Рабютеня, Барона Шантилійскаго Бомбилійскаго и старшаго въ фамиліи Рабютеневъ, и Маріи Куланжъ. Отецъ ея, будучи убитъ въ 1627 году при высадкѣ Англичанъ на островъ Ре, оставилъ ее по одному году полною наслѣдницею великаго богатства. Мать ея Баронесса Шантильи не долго жила послѣ своего мужа, и братъ ея Христофоръ Куланжъ, Ливрскій Аббатъ, сдѣлался опекуномъ сей юной сироты. Онъ ничего не жалѣлъ, чтобы только усовершенствовать въ ево воспитанницѣ щаст-

ливыя способности, которыя она отъ природы получила. Иностранные языки, въ коихъ прилежно упражнялась она, украсили умъ ея твореніями знаменитыхъ Авторовъ, и способствовали къ усовершенствованію сего изящнаго вкуса, видимаго въ ея твореніяхъ.

Достигши 18-лѣтняго возраста, дѣвица Рабютенъ вмѣщала въ себѣ щастливыя и рѣдкія достоинства и прелести. Она имѣла фисіогномію болѣе важную, нежели прекрасную, черты лица болѣе выразительныя, нежели новелительныя, станъ тонкій, ростъ средній, волосы бѣлокурые, здоровое сложеніе тѣла, бѣла была подобно лиліи, и румяна какъ роза, глаза, выражающіе быстроту ея ума, живость во всѣхъ движеніяхъ, какъ въ музыкѣ употребляемой въ то время, такъ и въ танцованьѣ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея портретъ, оставленный намъ ея друзьями, или ею самою!

Генрихъ, Маркизъ Севинье, отрасль древнѣйшей фамиліи въ Бреша-

ни, снискалъ дружбу ея, и сдѣлался супругомъ ея; однакожъ плоды сего брака были медленны. Наконецъ она родила сына Карла Севинье, въ Мартѣ мѣсяцѣ, 1647 года, а послѣ него еще дочь. —

Хотя она была не очень щастлива своимъ супружествомъ, однакожъ не менѣе предалась живѣйшей печали о смерти мужа своего, убитаго въ одномъ знаменитомъ сраженіи Рыцаремъ Албертомъ. Будучи неутѣшна о смерти своего супруга, она также старалась исполнить двѣ священныя обязанности, необходимыя для доброй матери: воспитаніе двухъ дѣтей своихъ и приведеніе въ порядокъ имѣнія. Старанія ея были увѣнчаны щастливѣйшимъ успѣхомъ. Карлъ Севинье имѣлъ всѣ качества, которыя дѣлаютъ человѣка любезнымъ, а Франциска Маргарита Севинье показала себя достойною той, отъ которой она получила свое бытіе. Касательно же имѣнія, сама она управляла дѣлами своими: нѣкоторыя владѣнія свои продала, другія отдала на

откупѣ, и не жалѣла ничего, чтобы выиграть нѣкоторыя тяжбы, оставленныя ей покойнымъ мужемъ. Разсказываютъ, что сія любезная просительница, представляя однажды дѣло съ свойственною ей ловкостію Президенту Беллаевру, замѣтила, что смѣшалась въ выраженіяхъ; по крайней мѣрѣ, сказала она, я знаю смыслъ оныхъ, но забываю только слова.

Многіе искали ея руки; однако она объявила, что довольно ея дѣтей и друзей для ея благополучія, и что она рѣшилась остаться во всю свою жизнь вдовою.

Въ 1663 году дѣвица Севинье представлена была ко Двору и занимала непослѣднее мѣсто въ одномъ изъ прекрасныхъ балетовъ, въ коемъ самъ Король танцовалъ съ нею, въ присутствіи многочисленнаго собранія. Она въ немъ представляла пастушку.

Сія любезная дѣвица 20 Января, 1669 года, сочеталась съ Францискомъ Кастиланомъ, Адемаромъ Монтейль-

скимъ, Графомъ Гриньяномъ, Королевскимъ Адъютантомъ и Генералъ-Лейтенантомъ его арміи. Отдавая дочь свою за придворнаго человѣка, Госпожа Севинье надѣялась никогда съ нею не разлучаться. Но, къ нещастію ея, Графъ Гриньянъ получилъ приказаніе отъ Короля отправиться въ Провансъ, которымъ онъ всегда управлялъ въ отсутствіи Герцога Вандомскаго, и по сему Госпожа Гриньянъ должна была за нимъ слѣдовать. Чтобы облегчить сію разлуку, она часто ѣздила къ ней въ Парижъ, равно какъ и Госпожа Севинье съ своей стороны посѣщала ее въ Провансѣ. Но этаго было недовольно для двухъ сердецъ, столь тѣсно между собою соединенныхъ: надобно было еще замѣнить чемъ промежутокъ времени, употребляемаго на путешествія — и средство, которое имъ показалось самымъ лучшимъ, было учрежденіе между ими вѣрной и точной переписки. Сіи самыя письма, составлявшія долгое время ихъ удовольствія, намъ

извѣстны подъ именемъ Писемъ Госпожи Севинье къ ея дочери. Къ нещастію, письма Госпожи Гриньянъ утрачены.

Слогъ Госпожи Севинье простъ, легокъ и пріятенъ. Въ семъ легко можно согласиться, прочтя слѣдующіе отрывки изъ ея писемъ.

Вотъ напримѣръ, какъ она пишетъ къ Графу Бюсси о замужствѣ своей дочери.

„Мнѣ надобно васъ увѣдомить о новости, которая, безъ сомнѣнія, принесетъ вамъ удовольствіе. Прелюбезнѣйшая дочь моя наконецъ сдѣлалась супругою Франциска Кастилланскаго, человѣка впрочемъ некрасиваго, но за то честнѣйшаго во всемъ Королевствѣ, то есть, Графа Гриньяна, котораго вы давно уже знаете.“

По опредѣленію Провидѣнія, обѣ супруги его, отецъ и сынъ умерли, и ваша сестра замѣнитъ ихъ мѣсто; такимъ образомъ сей, будучи богатъ и по рожденію, сословію и отмѣннымъ качествамъ таковъ, ка-

кимъ только можно желать, то мы и не станемъ выхвалять его, такъ какъ въ семъ случаѣ обыкновенно поступаютъ, и въ семъ мы полагаемся на двѣ предшествовавшія намъ фамиліи. Онъ кажется очень доволенъ нашимъ союзомъ, и какъ скоро получимъ извѣстіе отъ Архіепископа Арльскаго, его дяди, и какъ же скоро другой его дядя, Епископъ Узской, пріѣдетъ сюда: то дѣло сіе совершится въ концѣ сего мѣсяца. Будучи только обыкновенною женщиною, не хочу опускать случая просить о семъ дѣлѣ вашего совѣта и одобренія. Публика кажется его одобряетъ, и сего довольно; ибо мы столь глупы, что въ такомъ случаѣ согласуемся съ ея мнѣніемъ."

Въ слѣдующемъ письмѣ о бракѣ Г. Лозюна съ дѣвицею N. она отличается своимъ забавнымъ и веселымъ слогомъ:

„Увѣдомляю васъ о дѣлѣ весьма удивительномъ, чрезвычайномъ, странномъ, чудесномъ, неимовѣрномъ, не-

слыханномъ, единственномъ въ своемъ родѣ, непредвидѣнномъ, величайшемъ и малѣйшемъ, необыкновенномъ и обыкновенномъ, непостижимомъ даже до сихъ поръ, блестящемъ и достойномъ зависти, наконецъ о такомъ дѣлѣ, коему не было примѣра въ прошедшихъ вѣкахъ, о такомъ, о которомъ и сами мы не знаемъ, какъ подумать въ Парижѣ, что должны думать въ Ліонѣ? о дѣлѣ, которое вселяетъ во всякаго состраданіе, которое чрезмѣрно веселитъ Госпожу Роганъ и Готеривъ, и наконецъ которое свершится въ Воскресенье, и когда всѣ взирая на оное, почтутъ себя слѣпыми: — но я не могу рѣшиться его вамъ открыть, отгадайте; вы можете его отгадать троякимъ образомъ; языкъ вашъ запинается, недоумѣваетъ. И такъ! надобно вамъ его объяснить? Г. Лозюнъ женится въ Воскресенье въ Луврѣ; отгадайте же, на комъ? — Госпожа Куланжъ сказала: Вотъ мудрено ли отгадать; конечно на Госпожѣ де ла Валіеръ?

Ничуть не бывало, чтобъ на Госпожѣ. — Ну, такъ на дѣвицѣ Рецъ? — Нѣтъ; вы не знаете свѣтскихъ обыкновеній. Мы очень глупы въ семъ случаѣ, скажете вы. — И такъ на дѣвицѣ Кольбертъ? — Все такъ нѣтъ — Ну такъ ужь вѣрно на дѣвицѣ Креки? — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — надобно однакожъ наконецъ объявить вамъ: онъ женится, съ соизволенія Короля, въ Воскресенье, въ Луврѣ, на дѣвицѣ . . . дѣвицѣ . . . узнайте жъ имя ея; это такая загадка, надъ которой много надобно поломать голову. Онъ женится на дѣвицѣ знаменитой, дочери покойнаго Королевскаго брата, внучкѣ Генриха IV, дѣвицѣ де Монпансьеръ д'Орлеанъ., на двоюродной Королевской сестрѣ, на дѣвицѣ, предназначенной къ трону, на дѣвицѣ единственной во всей Франціи, и достойной быть дочерью Королевскаго брата. Вотъ прекрасной случай, поговорить на этотъ щетъ! и если же вы прочтивъ его сморщите, сердитесь, почитаете ложью, выдумкою — и думаете,

что надъ вами насмѣхаются, что объ этомъ глупо даже и подумать — и если наконецъ браните насъ; я мы, подобно вамъ, все это дѣлали: то найдемъ, что мы правы; но прежде, подобно вамъ, мы и сами тоже дѣлали. Прощайте. Письма, полученныя вами съ симъ нарочнымъ, увѣрятъ васъ: правду ли мы говоримъ, или нѣтъ."

Госпожа Севинье не менѣе также отличается и въ родѣ описательномъ.

„Увѣдомляю тебя, моя милая, о случившемся третьяго дня странномъ и плачевномъ приключеніи. Въ среду, ввечеру, возвратясь отъ Господина Куданжъ, у котораго обыкновенно мы отправляемъ наши письма, мнѣ хотѣлось уснуть; но это еще не удивительно — но вотъ что: въ три часа въ полночь я слышу, кричатъ: воры, пожаръ! и столь близко подлѣ меня, и притомъ такъ ужасно, что мнѣ показалось, будто все это происходитъ у меня въ домѣ; мнѣ послышалось, будто говорятъ о моей бѣдной дочери, и

я даже воображала, что она сгорѣла. Находясь въ такомъ страхѣ, я встаю, одѣваюсь безъ огня — невольной трепетъ такъ овладѣлъ мною, что я едва могла себя поддерживать. Выбѣгаю изъ своего дома, нахожу все въ величайшемъ смятеніи — и наконецъ домъ Гна Гюйто представляется глазамъ моимъ весь въ огнѣ, пламя распространялось даже внутри дома Госпожи де Вовинье. Представь себѣ освѣщеніе, внушающее невольной трепетъ, крикъ, смятеніе, ужасной трескъ падающихъ брусьевъ и перекладинъ: то будешь имѣть довольное понятіе о томъ ужасѣ и страхѣ, которой я въ ето время испытала. Я приказала отпереть ворота, и послала людей своихъ на помощь. Г. Гюйто прислалъ мнѣ коробочку, заключающую въ себѣ конечно все то, что онъ имѣлъ драгоцѣннаго. Положа ее въ свой кабинетъ, вышла на улицу, чтобы поглядѣть, подобно другимъ. Я нашла тамъ Г. и Госпожу Гюйто, почти нагихъ, Госпожу де Вовинье, Ве-

нціанскаго Посланника, всю его родню, маленькую дочь Вовинье, которую принесли сонную къ Посланнику, множество мебели и золотыхъ вазъ, спасенныхъ отъ всепожирающаго пламени. Госпожа Вовинье была выхвачена изъ покоевъ и была неодѣта. Мнѣ казалось, будто я нахожусь на какомъ нибудь островѣ — и сожалѣла о нещастныхъ моихъ сосѣдяхъ. Госпожа Гюйто и братъ ея много въ семъ содѣйствовали своими умными совѣтами; а мы пребывали въ унынiи: огонь такъ разпространился, что не возможно было приближиться; всѣ полагали, что онъ окончится вмѣстѣ съ изтребленiемъ всего дома нещастнаго Гюйто. Сей же съ своей стороны достоинъ былъ жалости: онъ, желая спасти мать свою, бывшую въ третьемъ етажѣ, который уже загорѣлся, находился между сожалѣнiемъ, что не можетъ помочь своей машери, и между страхомъ, причинить безпокойство женѣ своей, носившей уже подъ сердцемъ залогъ его любви; — нако-

нецъ умоляя меня, удержать его супругу, онъ ушелъ, и вдругъ видитъ мать свою, уже спасенную изъ пламени. Онъ хотѣлъ еще спасти нѣкоторыя бумаги, но не возможно было приближиться къ тому мѣсту, гдѣ онѣ находились. И такъ, оставя свое предпріятіе, онъ возвратился къ намъ на улицу. Усердіемъ и искусствомъ капуциновъ и дѣйствіемъ воды пожаръ наконецъ мало по малу сталъ утихать, принеся однакожъ себѣ въ жертву въ первомъ и второмъ переднюю маленькую комнату и кабинетъ, находившіеся по правую сторону залы. Почитали большимъ щастіемъ то, что еще осталась въ домѣ, не смотря на то однакожъ, что Г. Гюйно потерпѣлъ болѣе нежели на 10,000 рублей; потому что сего стоитъ домъ, великолѣпно украшенный и росписанный. Въ немъ находилось множество прекрасныхъ картинъ, писанныхъ Г. Лабланомъ, множество также столовъ, зеркаловъ, миніатюрной живописи, мебели и штофныхъ

обоевъ. Они очень сожалѣютъ о письмахъ писанныхъ, какъ мнѣ кажется, Принцемъ. Наконецъ въ пять часовъ утра время уже было подумать о Гжѣ Гюйто — и я предложила ей свои услуги и постель, но она согласилась на предложеніе Госпожи Гюетонъ, которая имѣла много убранныхъ комнатъ. Пришедши въ домъ Госпожи Гюетонъ, мы послали за Лѣкаремъ, чтобы пустить ей кровь. Сей опасается, чтобы такое движеніе не причинило ей преждевременныхъ родовъ. Она и теперь еще находится у сей нещастной Гжи Гюетонъ: всѣ приходятъ освѣдомляться о ея здоровьѣ. — Ты вѣрно меня спросишь, какимъ образомъ попалъ огонь въ сей домъ. — Объ этомъ никто ничего не знаетъ. — Если бъ можно было въ такомъ печальномъ случаѣ смѣяться: то какое бы странное описаніе можно сдѣлать о состояніи, въ коемъ тогда мы находились! Вообрази себѣ: Г. Гюйто былъ въ одной только рубашкѣ и «шпанахъ, а Гжа Гюйто была бо-

сикомъ, и безъ одной туфли; Гжа Вовинье въ маленькой юнкѣ и безъ шлафрока, сосѣди, дворовые люди въ колпакахъ. Посланникъ былъ въ шлафрокѣ и парикѣ, и сохранялъ всю важность Свѣтлости, а Секретарь его приводилъ всѣхъ въ удивленіе. Ты однажды говорила мнѣ о Геркулесовой груди. О! ето совсѣмъ было другое дѣло, представь себѣ грудь бѣлую, тучную, толстую и совершенно открытую, — потому что, будучи въ семъ жаркомъ дѣлѣ, онъ потерялъ застежку отъ рубашки. — Вотъ тебѣ печальныя новости нашей страны! Я просила управителя Гриньяна, чтобы онъ всякой вечеръ приставлялъ караулъ къ сему дому, для всякой предосторожности.“

Госпожа Севинье, искусная въ забавномъ слогѣ, умѣетъ также возвышаться и въ высокомъ слогѣ, когда разсуждаетъ о какомъ либо важномъ предметѣ. Вотъ какъ говоритъ она о Всевышнемъ Промыслѣ: —

„Кто лишаетъ меня упованія на Провидѣніе или Всевышній Промыслъ, тотъ отнимаетъ у меня единственное благо, и еслибъ я разсуждала, что въ нашей волѣ состоитъ приводить въ порядокъ вещи и разстроивать ихъ, дѣлать и не дѣлать, желать одной или другой — то я и минуту не былабъ покойна. Непремѣнно долженъ быть Творецъ — причина всего того, что здѣсь происходитъ. И если должно мнѣ роптать на Него: то я болѣе ни на кого не жалуюсь, покорюсь безъ печали и ропота, хотя сердце мое симъ будетъ пронуто — и стану сносить нещастія, какъ будто по предназначенію Провидѣнія. Судьбою опредѣлено, чтобы существовала Гжа Севинье, нѣжно любящая дочь свою, хотя она очень часто будетъ отдалена отъ нее, и страданія, претерпѣнныя ею, будутъ причинены милою ея дочерью. Я также увѣрена, что сіе самое Провидѣніе располагаетъ дѣлами нашими иначе, и что мы найдемъ оныя ма-

кими, какъ мы уже сдѣлали. Такимъ образомъ разсуждаютъ тѣ, которые имѣютъ хорошее понятіе о Творцѣ Вселенныя. Нѣкоторые обыкновенно жалуются на самыя малозначущія обстоятельства, и не могутъ сносить терпѣливо того, чему должны покоряться. Вотъ плачевное состояніе, въ какомъ я нахожусь. И по сей причинѣ я вамъ кажусь болѣе другихъ' кающеюся и безпокоющеюся о своей участи. Я думаю согласно съ вами, что всѣ философки не добродѣтельны, если онѣ иначе поступаютъ. Я не желала бы наслаждаться покоемъ, еслибъ часто не размышляла о Всевышнемъ Промыслѣ, Который бываетъ утѣшителемъ въ печальномъ состояніи нашей жизни, Который прекращаетъ всѣ наши жалобы и услаждаетъ горести, мысли наши дѣлаетъ постоянными: но только въ такомъ случаѣ мы должны быть довольно благоразумны, дабы съ пользою употреблять Его предначертанія. Но въ продолженіи нашей

жизни мы предаемся страстямъ и порокамъ. И мнѣ кажется, что всѣ тѣ, которые никогда объ этомъ не размышляютъ, бываютъ менѣе пристрастны, нежели тѣ, которые стараются объ этомъ совсѣмъ и не думать."

Гжу. Севинье укоряютъ только въ злорѣчивости, но если она и пользовалась нѣкоторыми случаями, дабы посмѣяться на щетъ своего ближняго: то по крайней мѣрѣ должно сказать къ ея оправданію, что она никогда не искала такихъ случаевъ, и даже не позволяла себѣ никакой иногда вольности съ своими друзьями, съ коими разлучила ее только смерть.

Въ письмахъ ея нѣтъ такого сатирическаго духа; а въ прекрасныхъ ея острыхъ словахъ находится болѣе остроумныхъ вымысловъ, нежели злословія.

Въ концѣ Мая, 1694 года, Гжа Севинье ѣздила уже въ послѣдній разъ

къ Гриньяну. Ея дочь была одержима болѣзнію, что причинило ей живѣйшее безпокойство. Печаль и заботы, которыя испытала нѣжная мать сія въ продолженіи своей жизни — привели ее ко гробу. Апрѣля 6, 1696 года, сдѣлалась она больна изнурительною лихорадкою — и 20 число сего же мѣсяца было для нее послѣднимъ въ жизни ея. —

МАРКИЗА ДЕ ЛАМБЕРТЪ.

Маркиза де Ламбертъ была единственная дочь Стефана де Маргеня, Курсельскаго владѣльца, Казначея города Парижа, и Моники Пасаръ. Она была не старѣе трехъ лѣтъ, какъ смерть похитила у ней родителя. Мать ея соединилась вторымъ бракомъ со знаменитымъ Башомономъ. Щастливыя способности, замѣченныя имъ въ своей падчерицѣ, побудили его самого заняться усовершенствованіемъ оныхъ. Онъ столько былъ щастливъ, что на-

шелъ ученицу свою столь благоразумною, что она предпочитала науки пустымъ забавамъ своего возраста; ему не трудно было приучить ее дѣлать маленькія извлеченія изъ тѣхъ сочиненій, которыя ее болѣе занимали. Сей прекрасный способъ, которому должно бы слѣдовать во всѣхъ пансіонахъ, споспѣшествовалъ его желаніямъ — приводя въ порядокъ понятія Гжи. де Ламбертъ, внушилъ онъ сей вкусъ, который видимъ во всѣхъ ея сочиненіяхъ. 1666 го года, 22 Февраля, дѣвица де Маргень вышла за Маркиза де Маргеня, Генералъ-Лейтенанта Королевскихъ войскъ и Губернатора города Парижа и Герцогства Люксамбургъ. Дочь и три сына были плодами сего брака. По смерти Гна. де Ламбертъ, супругѣ его осталось много запутанныхъ тяжебъ, отъ коихъ зависѣло все ея благосостояніе. Она вошла сама во всѣ дѣла свои и благоразуміемъ своимъ и прозорливостію окончила ихъ съ щастливымъ успѣхомъ.

Освободившись отъ безпокойствъ и сдѣлавшись обладательницею знатнаго имѣнія, Гжа. де Ламбертъ обратила свой домъ въ храмъ, въ коемъ знаменитѣйшіе Парижане почитали себѣ за славу быть въ ономъ приняты. Не занимаясь тою бѣдственною страстію, которая губитъ и безславитъ тѣхъ, кои, къ нещастію, предаются оной, то есть игрѣ, находили для себя въ ея сообществѣ пріятнѣйшее препровожденіе времени. Зависть покушалась отравить спокойствіе, вкушаемое въ ея бесѣдахъ, украшенныхъ умомъ. Стрѣлы злобы были направлены противъ Гжи. де Ламбертъ. Она была огорчена, но непронуша, утѣшаясь тѣмъ, что злословіе и клевета изгнаны были изъ ея дома, и что бы можно было сказать противъ нее и друзей ея — то самое обратилось бы на главу самихъ клеветниковъ и порицателей.

Творенія Гжи. де Ламбертъ суть: Наставленія матери къ своему

сыну,
своей
дружб
мышле
сѣ, с
рѣчи,

Нѣ
же къ
Ламбер
какъ м
даетъ
величіе
ведемъ
изъ ея
намъ
въ се
узнат
сердце
вимъ
Вотъ
рила

камъ
маста

сыну, наставленія матери къ своей дочери; разсужденіе о дружбѣ, другое о старости; размышленія о женщинахъ, о вкусѣ, о богатствахъ, портреты, рѣчи, разговоры и письма.

Нѣтъ ничего трогательнѣе и ближе къ сердцу наставленій Гжи. де Ламбертъ своимъ дѣтямъ. Она не какъ, какъ мать, а какъ какъ другъ, подаетъ имъ совѣты, въ коихъ видны величіе души и нѣжность. Мы приведемъ въ примѣръ нѣкоторыя мѣста изъ ея сочиненій, которыя показались намъ удивительными. Онѣ содержатъ въ себѣ безцѣнныя правила; чтобы узнать лучше душевныя свойства и сердце Гжи. де Ламбертъ, представимъ здѣсь изъ нее самой примѣръ. Вотъ какъ сія нѣжная мать говорила своему сыну:

„Есть двѣ поры, когда истина намъ показывается: въ юности для наставленія нашего, въ старости для

утѣшенія; во время же страстей истина насъ оставляетъ. Происхожденіе знаменитое, продолжаетъ Гжа де Ламбертъ, ни мало не дѣлаетъ чести, а повелѣваетъ токмо хранить оную; ибо хвалиться своимъ произхожденіемъ, значитъ хвалить заслуги другаго."

„Служеніе истинѣ есть подлинное употребленіе слова человѣческаго. Когда человѣкъ приобрѣлъ славу справедливаго: то слово имѣетъ силу клятвы — и почитается священнымъ."

„Ничего нѣтъ любезнѣе чувствительныхъ людей, которые стараются войти въ союзъ съ другими. Старайся, любезный мой сынъ, своимъ дружелюбіемъ снискать дружбу другихъ; ты не будешь любезенъ другимъ, если не снищешь себѣ друзей и не познаешь сладости дружбы. Она исправляетъ въ обществѣ пороки; она умягчаетъ суровые нравы, унижаетъ и смиряетъ славолюбивыхъ; всѣ обязанности человѣколюбія заключаются

въ обязанностяхъ совершеннаго дружества (*).“ —

„Мы себя любимъ много, или мы любимъ худо: любить себя, какъ надобно, значитъ любить добродѣтель; любить порокъ, значитъ любить себя слѣпо и худо.“

„Умѣть хвалить приятно и справедливо, есть дѣло весьма рѣдкое.“

„*Нелюдимъ* не умѣетъ хвалить: онъ разборчивъ до излишества. *Льстецъ*, увеличивая похвалы, теряетъ довѣренность къ себѣ и никому не дѣлаетъ

(*) Для меня также прекрасна слѣдующая мысль Росскаго Трагика:

Предъ дружбой не таись — хоть съ строгостью она
Въ часы спокойствія о страсти разсуждаетъ,
Въ часы страданія молчитъ и сострадаетъ. —

П. П.

чести. *Славолюбивый* хвалитъ для того, чтобъ его самого хвалили; одна похвала честнаго человѣка бываетъ кстати; ежели ты хочешь, чтобъ похвала твоя была полезна: то хвали по отношеніямъ къ другимъ, а не по отношеніямъ къ себѣ."

„Какъ хорошо умѣетъ уживаться съ своими соперниками и спорить о славѣ токмо съ самимъ собою!

Часто полезно бываетъ заставить другихъ себя бояться, но ни когда не должно за себя мстить. „Не будь, сынъ мой, самонадѣянъ: скромность украшаетъ сердце, а недовѣрчивость разслабляетъ его. Нѣкто говорилъ Агезилаю, славному Спартанскому Царю, что Владыка Персидскій есть великій Государь. Агезилай отвѣчалъ: *и у меня есть мечъ; почему жъ онъ болѣе меня?*"

„Если желаешь ты достигнуть истинной славы и чести, подражай добродѣтелямъ предковъ своихъ: слава ихъ озаритъ добродѣтели твои и пороки."

„Предки наши были тверды въ словѣ своемъ; они лучше желали потерять свое, нежели неправедно приобрѣсть чужое. Они были снисходительны къ другимъ, а строги къ себѣ; они украшались усердіемъ къ Богу, Отечеству и Государю.

„Сынъ мой, уважай Вѣру! Вѣра есть союзъ человѣка съ Богомъ и человѣчествомъ: великіе люди всегда благоговѣли предъ Богомъ и возносили къ Нему сердца свои. Не обольщайся легкомысленнымъ остроуміемъ. Будь сострадателенъ къ соотечественникамъ, предупреждай ихъ нужды, и заслуживай довѣренность ихъ благородствомъ души, отверзтой къ гласу несчастныхъ! напечатлѣй въ сердцѣ своемъ изреченіе Марка Аврелія: *„я не почитаю благомъ того, что ко мнѣ одному относится — благо мое заключается въ благоденствіи ближнихъ моихъ.“*

„Сынъ мой! и я то же самое скажу: честь и счастіе твоей матери въ тебѣ заключается. *Отъ него*, спро-

силъ Персидскій посолъ супругу Леонидову: *отъ чего женщины такъ уважаются въ Спартѣ? — Отъ того*, отвѣчала она, *что онѣ раждаютъ и воспитываютъ великихъ мужей.*"

„Мелкія души бываютъ злобны; а великіе люди великодушны. Когда врагъ твой раскаивается и покоряется тебѣ, тогда ты не имѣешь права ему мстить."

„Наиболѣе всего запретимъ мы себѣ зависть, какъ страсть самую низкую и постыднѣйшую въ свѣтѣ."

Зависть затмѣваетъ славу, а слава омрачаетъ иногда и самую добродѣтель."

Такъ Гжа. Ламбертъ пишетъ къ дочери своей!

Для нее, кажется, Италіянскій языкъ былъ непріятенъ.

Женщины, говоритъ она, учатся охотно по Италіянски; что мнѣ кажется опаснымъ: сей языкъ есть языкъ любви; писатели Италіянскіе мало наставительны; въ ихъ сочине-

піяхъ видна игра словъ, воображеніе неумѣренное, противное разуму.

Одинъ древній писатель говаривалъ, что онъ облекался къ одеж у добродѣтели — облекитесь и вы въ одежду Вѣры вашей, говоритъ Гжа. де Ламбертъ своей дочери: Она спасетъ васъ отъ преткновеній юности вашей и будетъ вѣрнымъ убѣжищемъ въ старости. Если мы станемъ слѣдовать однимъ токмо свѣтскимъ правиламъ: то какая пустота представится намъ въ старости: прошедшее возбудитъ въ насъ сѣтованіе, настоящее — печаль, а будущее — страхъ.

Свѣтскія удовольствія, почести, богатства суть обольстительныя приманки; онѣ болѣе обѣщаютъ, нежели сколько даютъ. Когда мы стремимся къ нимъ: онѣ насъ безпокоятъ; когда же обладаемъ ими: онѣ насъ не удовлетворяютъ; теряя ихъ, мы приходимъ въ отчаяніе. Не думай, любезная дочь моя, чтобы добродѣтели женщинъ предписывались обыкновеніями. У васъ есть два неизбѣжныя судилища, предъ ко-

шорыя вамъ должно предстать — ваша совѣсть и свѣтъ. Нѣтъ ни одной порочной женщины, которая не призналась бы предъ вами, если бъ захотѣла быть откровенною: что величайшее въ свѣтѣ несчастіе — быть забытою всѣми. Храните цѣломудріе, соединяя стыдливость съ другими добродѣтелями. Есть женщины, кои будучи цѣломудренны, позволяютъ себѣ другіе пороки.

Онъ воспитанія дѣвицъ зависитъ главное семейственное и общественное благоденствіе. Онѣ бываютъ причиною величія или упадка цѣлыхъ поколѣній. — Нынѣшнее воспитаніе есть душевная и нравственная язва! Мы воспитываемъ дочерей своихъ для моды, для свѣта; питаемъ самолюбіе и тщеславіе ихъ; порабощаемъ ихъ нѣгѣ, приучая къ разсѣянности. — Дочь моя, изъ сего ты видишь, какъ безумны тѣ, кои утверждаютъ, будтобъ такое воспитаніе не можетъ быть пагубнымъ!

Вѣра да руководствуетъ всѣми чувствами твоими, и дѣлами, и помышленіями. Истинное щастіе состоитъ въ спокойствіи душевномъ, въ здравомъ сужденіи, въ исполненіи всѣхъ нашихъ обязанностей. Разсѣянность и свѣтскія забавы усыпляютъ душу — единая добродѣтель животворитъ ее.

Не вѣрь тому, что будто такъ должно жить, какъ всѣ живутъ, и будто стыдно не слѣдовать модѣ и правиламъ большаго свѣта. Обращай душу свою добродѣтелью: недостатокъ душевный хуже всякаго другаго недостатка.

Слѣдуй наставленіямъ Сенеки, который совѣтуетъ: выбирать достойнѣйшаго изъ великихъ людей, дѣйствовать въ его присутствіи и отдавать ему отчетъ во всѣхъ чувствованіяхъ и помышленіяхъ своихъ.

Полезныя знанія необходимы для молодыхъ дѣвицъ. Гимскія и Греческія Лѣтописи возвышаютъ душу и поощряютъ ее къ мужественнымъ и

благороднымъ подвигамъ. Стыдно не знать отечественной Исторіи. Читай, любезная дочь моя, только тѣ книги, которыя украшаютъ разумъ и помогаютъ душѣ сражаться со страстями и предразсудками свѣта.

Поезія, по мнѣнію Гжи. де Ламбертъ, можетъ быть опасна; но чтеніе романовъ еще опаснѣе. Романы противорѣчатъ истинѣ; они оскорбляютъ цѣломудріе и волнуютъ сердце; какъ скоро молодая особа имѣетъ расположеніе къ нѣжности: то они усиливаютъ ея наклонность.

„Никогда не надобно увеличивать прелестей и очарованій любви: чѣмъ онѣ скрытнѣе для насъ, тѣмъ опаснѣе бываютъ."

„Въ особенности, для укращенія дерзости ума и для уменшенія довѣренности къ нему, подумаемъ о томъ, что два основанія нашихъ познаній: разумъ и чувства часто намъ измѣняютъ; чувства обма-

ныватъ разумъ, а разумъ также обманывается.

Мы родимся и живемъ съ пороками; хотя не чувствуемъ, однако часто ими безпокоимъ другихъ.

Впрочемъ нѣтъ ни одного порока, который бы не имѣлъ отношенія къ нѣкоторымъ добродѣтелямъ, и не благоприятствовалъ бы имъ.

Нравственность не имѣетъ предметомъ нарушенія законовъ природы, но усовершенствованіе оной.

Если ты славолюбива: то употребя страсть сію въ пользу свою, поставивъ себя превыше слабостей твоего пола, для избѣжанія погрѣшностей, унижающихъ оный.

Каждое сердечное разстройство сопровождается мученіемъ и стыдомъ, которыя станутъ тебя безпокоить. Если ты стыдлива: то обрати слабость сію въ благоразуміе; оно тебя удержитъ отъ преткновеній. Если ты раз-

точительна: то люби давать? И обрати разточительность въ щедрость. Давай разборчиво и кстати. Не пренебрегай несчастныхъ, пекись о бѣдныхъ. Вспомоществуй въ нуждѣ, давай тѣмъ, которые тебѣ не могутъ возвращать.

Нѣтъ ни одной слабости, изъ которой бы наша добродѣтель не могла сдѣлать какого-либо употребленія.

Любовь сначала представляетъ намъ одни только цвѣты. Она насъ обманываетъ, принимая всегда какой-либо особенной видъ.

Сердце наше, будучи въ согласіи съ любовію, умѣетъ сокрыть отъ насъ самихъ ея склонность. Страшись нарушить разумъ и цѣломудріе; тогда любовь обращается въ простую забаву, тогда одинъ разумъ нами обладаетъ, наконецъ, какъ скоро любовь надъ тобою восторжествуетъ: тогда она сдѣлается для тебя невѣдомою. Почувствовавъ ея силу, бѣги ее и не слушай жалобъ своего сердца. Изъ сердца не льзя

искоренить любви обыкновенными усиліями.

И — когда она возобладаетъ тобою, тогда все обратится противъ тебя и ничто тебя не защититъ отъ нее. — Сколь жестоко положеніе наше, въ какомъ можно только находиться, когда ничто насъ не поддерживаетъ, и когда мы остаемся одни!

„Надобно безпрерывно одушевлять свое мужество. Помысли, что тебѣ должно будетъ изъ нее сдѣлать самое горестное употребленіе, если ты ослабнешь.“

„Послѣдствія сего ужасны; любовь очаровываетъ разумъ, возмущаетъ и душу и чувства.“

Она похищаетъ цвѣтъ невинности; изумляетъ самую добродѣтель; помрачаетъ славу; впрочемъ часто излѣчиваетъ насъ.

„Не всегда одни погрѣшности насъ губятъ; но то, какъ мы себя ведемъ, по учиненіи оныхъ.“

„Отъ природы мы любимъ владычествовать надъ другими. Но чувство сіе не справедливо. Гдѣ права наши, для возвышенія себя предъ другими?“

Позволенное владычество даруется намъ добродѣтелью.

Будемъ всегда предлагать услуги наши и благодѣтельствовать другимъ; вотъ средство для возвышенія нашего! Надобно быть смиренну, а не подлу.

Стыдъ есть тайная гордость; а гордость есть заблужденіе въ мнѣніи нашемъ о другихъ и несправедливость въ томъ, чѣмъ хотимъ казаться другимъ.

Вѣжливость въ обращеніи есть поясъ Венеринъ. Онъ украшаетъ и дѣлаетъ прелестными тѣхъ, которые его носятъ. Вѣжливость бываетъ видна во всѣхъ поступкахъ, въ разговорахъ и въ самомъ молчаніи.

Она воспрещаетъ кичишься своимъ умомъ и своими дарованіями.

Сія самая вѣжливость должна быть видна даже въ обращеніи нашемъ со слугами, коихъ должны мы почи-

тать, по мнѣнію одного Древняго, нещастными друзьями своими.

Вотъ теперь отрывокъ изъ разсужденія Гжи де Ламберъ о дружбѣ. Посмотримъ, что она думаетъ о должности друга:

„Другъ, по словамъ ея, долженъ предувѣдомлять друга своего, когда онъ заблуждается. Если онъ сопротивляется: то вооружись съ силою и полномочіемъ, какія придаетъ благоразуміе мудрыхъ совѣтовъ и чистота добрыхъ намѣреній.“

Надобно имѣть мужество, говоря правду, его огорчающую.

Однако смягчайте ваши выраженія; ибо мало найдется таковыхъ людей, которые дозволили бы себя унизить добродѣтели, исправляющей ихъ.

Богъ и честь суть единственные предѣлы, которые должны полагать дружбѣ. Всѣмъ и безъ всякой оцѣнки должно ей жертвовать.

Діогенъ говорилъ, когда я занимая у моего друга: то требую своихъ отъ него денегъ.

Въ дружбѣ надобно извинять пороки человѣчества; если желаемъ хранить дружбу: то надобно оставлять ихъ безъ вниманія.

Самый доброжелательный человѣкъ гораздо болѣе другаго извиняетъ и прощаетъ. Одинъ Древній сказалъ, что друга своего можно сдѣлать вѣрнымъ, почитая его таковымъ.

Тому даютъ право къ учиненію проступка, кого почитаютъ способнымъ къ содѣланію онаго.

Дружба между особами различнаго пола бываетъ рѣдка и трудна; надобно быть очень добродѣтельнымъ и воздержнымъ; но когда ее находятъ: то бываетъ она самая сладостная. Между особами одинаковаго пола не можетъ быть одинаковой степени живости.

Когда у женщины страсти не испортили сердца: то дружба ихъ бываетъ нѣжнѣйшая и трогательнѣйшая; ибо надлежитъ согласиться, къ славѣ или къ стыду женщинъ, что онѣ однѣ умѣютъ пользоваться симъ чувствомъ.

Мущины болѣе дѣйствуютъ на разумъ, а женщины на сердце. Не должно думать, что будто, по прекращеніи дружественныхъ связей, вамъ не остается исполнять никакихъ обязанностей; сіи то обязанности суть труднѣйшія; въ нихъ единая честность васъ поддерживаетъ.

Должно предпочитать старую дружбу новой; не надобно призывать постороннихъ людей для разбиранія вашей ссоры, и говорить объ этомъ токмо тогда, когда вы будете къ тому принуждены для собственнаго вашего оправданія; не должно также слишкомъ оскорблять невѣрнаго друга.

Ссора съ другомъ есть дурное зрѣлище для публики и дурная роля для васъ самихъ.

Подумайте, что всѣ обратятъ на васъ глаза, что вашими судіями будутъ ваши враги, и осудятъ васъ, или по невѣдѣнію вашихъ поступковъ, или изъ зависти, если оные имъ извѣстны, или по свойственному людямъ предубѣжденію и злобѣ.

Ввѣреннаго намъ во время дружества не должно никогда открывать; ето долгъ старинной дружбы: чѣмъ вы обязаны сами себѣ.

Наконецъ, исполняя ваши обязанности во время дружества, исполняете ихъ для любезныхъ вамъ людей, и прервавъ оное, вы исполняете для самихъ себя.

Нѣкоторые люди думаютъ, что за гробомъ нѣтъ никакихъ обязанностей.

Мало такихъ людей, которые умѣютъ быть друзьями мертвымъ. Слезами мы не можемъ вознаградить друзей, которыхъ мы теряемъ: мы обязаны ихъ именамъ, ихъ славѣ и ихъ фамиліи. Они должны обитать въ нашихъ сердцахъ вмѣстѣ съ чувствами; въ нашей памяти, посредствомъ воспоминаній, въ устахъ, посредствомъ похвалъ, и въ нашихъ поступкахъ, посредствомъ подражанія ихъ добродѣтелямъ.

Сколько мы жалѣемъ, что предположенная нами краткость не позво-

ляетъ привести изъ Гжи де Ламбертъ всего того, что заслуживаетъ особенное вниманіе.

Мы совѣтуемъ молодымъ людямъ читать ея творенія; она есть истинный другъ, съ которымъ они могутъ совѣтоваться и который подастъ имъ превосходные совѣты.

Вотъ еще мѣсто изъ разсужденія ея о старости, изъ котораго не льзя не предложить нѣкоторыхъ выписокъ для нашихъ читателей:

Всѣ вообще боятся старости, почитая ее временемъ горести и печалей, въ которое исчезаютъ всѣ удовольствія. Съ лѣтами всякой теряетъ, но женщины теряютъ болѣе мущинъ.

Какъ всѣ ихъ достоинства состоятъ во внѣшнихъ прелестяхъ и какъ время ихъ разрушаетъ: то въ старости онѣ всего лишаются; ибо мало такихъ женщинъ, которыхъ достоинство бываетъ продолжительнѣе ихъ красоты.

Кокетки многое у себя теряютъ, особливо тѣ, кои ничего не пощадили и

кои были невѣрными предразсудкамъ и добродѣтелямъ своего вѣка: тогда удовольствія, какъ единственная связь, которая соединяла ихъ съ мущинами, исчезнутъ; тогда женщины не принадлежатъ болѣе мущинамъ, ни мущины къ женщинамъ.

Наконецъ, въ жизни женщинъ есть время, которое бываетъ для нихъ приговоромъ ихъ поведенія и ихъ удѣломъ, отъ чего зависитъ спокойствіе ихъ жизни.

Во всякое время жизни мы имѣемъ обязательства вразсужденіи другихъ и вразсужденіи насъ самихъ.

Съ умноженіемъ лѣтъ нашихъ умножаются и обязанности наши вразсужденіи другихъ.

Когда мы не можемъ болѣе доставлять удовольствій въ обществѣ, тогда отъ насъ требуютъ истинныхъ добродѣтелей.

И такъ, при старости надлежитъ примѣчать за собою во всемъ: въ сво-

ихъ рѣчахъ, въ своихъ поступкахъ и даже въ своей одеждѣ.

Ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ выисканными нарядами показывать, что мы еще желаемъ возобновить прелести, нами теряемыя. Старость сама по себѣ отнюдь не отвратительна.

Старая женщина не должна уже обращать большаго вниманія на общество — вступать въ связь токмо съ особами одинаковыхъ съ нею нравовъ и лѣтъ.

Ей должно отказаться отъ посѣщенія зрѣлищъ и публичныхъ мѣстъ, или по крайней мѣрѣ, посѣщать оныя рѣдко; когда мы не можемъ болѣе украшать сихъ мѣстъ, тогда лучше должно ихъ оставить.

Не старость причиняетъ намъ нещастіе, а нравъ.

Всякій возрастъ бываетъ въ тягость неумѣющему превозмогать того, что можетъ содѣлать жизнь щастливою.

Спрашивали у одного мудреца; прожившаго *сто семь лѣтъ*. „Не была ли ему жизнь скучна? — Я не могу

жаловаться на старость, сказалъ онъ, потому что я не употребилъ во зло моей юности. Непремѣнная обязанность старости есть хорошее употребленіе времени. Чѣмъ менѣе остается намъ времени, тѣмъ болѣе оно для насъ дороже. Для Христіянина время есть цѣна вѣчности.

Надобно, говорятъ, окончить жизнь свою прежде смерти своей, т. е. окончить всѣ свои замыслы. Окончить жизнь свою, значитъ распроститься съ нею; ибо доколѣ мы живемъ для нашихъ замысловъ, дотолѣ забавляемся надеждами, и мы живемъ болѣе для настоящаго, нежели для будущаго.

Жизнь была бы краткa, еслибъ надежда не дѣлала ее долговѣчнѣе.

Маркиза де Ламбертъ также сочинила разсужденіе о нѣжности и разговоръ между Александромъ и Діогеномъ.

Въ сихъ твореніяхъ ея видны тотъ же вкусъ и тѣ же прелести;

коими она столь приятно украсила оныя. Она постоянно любила словесныя науки и не смотря на слабость здоровья своего, въ послѣдніе годы своей жизни, не преставала заниматься оными. Послѣ долговременныхъ страданій, которыя она перенесла съ терпѣніемъ сверхъестественнымъ, скончала свою жизнь въ Парижѣ, 22го Іюля 1733 года, на девяностопятомъ году отъ своего рожденія. Для довершенія похвалы Гжѣ Ламбертъ, мы приведемъ изъ Штелиновыхъ анекдотовъ о Петрѣ I слѣдующее мнѣніе сего Государя о ея сочиненіяхъ: „Однажды, говоритъ Императрица Елисавета Петровна, однажды пришелъ ко мнѣ и къ сестрѣ моей родитель нашъ, когда мы читали сочиненія Гжи. Ламберть и заставивъ насъ перевесть одну страницу по Руски, сказалъ: *какъ вы счастливы, дѣти мои, что въ молодости читаете такія полезныя книги!*

П. Б.

ГЖА. ДЕЗУЛЬЕРЪ.

Антуанета дю Лижіе де ла Гардъ, Гжа. Дезульеръ, родилась въ Парижѣ, въ 1638 году. Природа одарила ее красотою лица, стройностію стана, живымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, съ коимъ соединялась въ ней томность, столь приятно изображенная въ ея сочиненіяхъ, въ коихъ ясно видны свойства души ея. Она занялась изученіемъ языковъ: Латинскаго, Италіанскаго и Испанскаго, и въ особенности прилежала къ Стихотворству.

На тридцатомъ году вышла она за мужъ за Вильгельма Лафона де Буа-Гарень, Гна. де Зульеръ, служившаго въ Кондеевомъ полку. Спустя нѣсколько времени послѣ женитьбы, Г. Дезульеръ, оставивъ юную супругу свою, послѣдовалъ за Принцемъ Конде, который въ продолженіи смятеній, бывшихъ въ Гюенской провинціи, отступилъ съ войсками своими къ предѣламъ Шампаніи. Рокруа взятъ былъ

именемъ Короля Испанскаго, 29 Сентября, 1653: Г. Дезульеръ пожалованъ Маіоромъ сего города. Тамъ-то его супруга съ нимъ соединилась.

Въ семъ состояніи, обязанъ будучи дѣлать значительные расходы, Г. Дезульеръ, у коего имѣніе отнято было во Франціи и жалованье удержано въ Брисселѣ, находился въ весьма нѣсныхъ обстоятельствахъ. Гжа. Дезульеръ подавала многія прозьбы, на кои не получала ни удовлетворенія, ни отвѣта. Она жаловалась на ето гласно: жалобы ея вмѣнили ей въ преступленіе — захватили ее и отвезли, какъ Государственную плѣнницу, въ замокъ Вилверденъ, находившійся въ двухъ миляхъ отъ Брисселя. Г. Дезульеръ, бывъ въ отсутствіи, со времени задержанія его супруги, тщетно старался ее освободить. Видя, что всѣ прозьбы его безполезны, рѣшился употребить силу; съ помощію нѣсколькихъ солдатъ, вошелъ онъ въ Вилверденъ и освободивъ любезную свою супругу, отправился съ нею во

Францію. По счастію, Король тогда даровалъ совершенное прощеніе своимъ подданнымъ, находившимся въ чужестранной службѣ: Г. и Гжа Дезульеръ воспользовались онымъ: первый вступилъ въ службу, а другая вступила въ союзъ съ Музами.

Гжа. Дезульеръ писала Апоѳеозы, боготворенія, Баллады, Пѣсни, Разговоры, Идилліи, Елегіи, Епиграммы, Посланія, приглащенія, Мадригалы, Оды, портреты, размышленія, ронды, сны, соннеты, стансы и Трагедіи. Между твореніями ея Идилліи заслуживаютъ предпочтеніе.

Мы представляемъ читателямъ и читательницамъ нашимъ въ примѣръ извѣстную Идиллію ея овечки, въ прекрасномъ переводѣ Г. Мерзлякова (*):

Какъ не завидовать, овечки, вашей долѣ?
Ахъ! съ вами не пасется въ полѣ
Ни скука, ни тоска, товарищъ вѣрной намъ;

(*) Идиллія Гжи Дезульеръ, пер. А. Мерзляковымъ, М. 1807.

Вы веселы всегда, безпечны и
счастливы;
Не посѣщаютъ васъ желанья прихотливы,
Не принуждаютъ васъ къ слезамъ!
Вы пробуждаетесь всегда для наслажденій;
Вы знаете любовь, не знавъ ея мученій;
Ни гордость, ни корысть, ни пагубная лесть,
Которыя вездѣ гоняются за нами,
Не встрѣтятся во вѣки съ
вами. . . .
За то у насъ разсудокъ есть! . . .
А вы отчуждены его употребленья! . .
Ахъ, не завидуйте, любезныя творенья! . . .
Разсудокъ не великій кладъ.
Разсудокъ гордый сей, о коемъ трубитъ слава,
Возмогъ ли онъ страстей себя оберегать?
Вино его мрачитъ, онъ злой любви
забава;
И сердце бѣдное на вѣкъ,
Защиты ждавъ себѣ, тирана въ немъ
находитъ.
Что пользы въ кормщикѣ, который
все пропекъ,

Извѣдалъ всѣ моря, — а въ пристань
не приводитъ!
Нашъ бѣдный умъ всегда безсиленъ,
строгъ, надмѣненъ,
Всему пропитвится — и вѣчно побѣ-
жденъ!
Вы безопаснѣе спократно
Отъ люпостии волковъ съ собакою
своей,
Чѣмъ мы, подъ кровомъ сей химеры
непонятной
Отъ собственныхъ страстей.
Не лучшель жить какъ вы, въ без-
печности спокойной,
Не лучшель жить, какъ вы, съ без-
вѣстности присной,
Чѣмъ съ ешой знатностью пустой:
Съ богатствами, съ умомъ и вредной
красотой?
Сіи сокровища нимало не завидны,
И ваша простота полезнѣе спокрашъ!
Отъ нихъ заботы намъ постыдны;
Отъ - по самый рай преобращаютъ въ
адъ чипалъ
Мы вѣчность, кажется, доставить
имъ желаемъ,
Трудимся, мучимся и въ горѣ умираемъ,
Природа по своимъ намѣреняьмъ те-
чепъ?
До насъ ей нужды нѣтъ!

Фортуна вѣпрена и въ прихотяхъ жестока,
По волѣ жалуетъ, казнитъ;
И мудрость смертнаго стоока
Отъ грознаго бича ее не защититъ,
Къ чему жъ полезны всѣ успѣхи просвѣщенья?
Овечки милыя, паситесь въ доброй часъ:
Оставьте намъ сіи печальны заблужденья:
Безъ нихъ вы счастливы, безъ нихъ умнѣе насъ!

Сколь ни прелестны стихи сіи; однако не льзя положиться на нравственность, въ нихъ заключающуюся; принося дань удивленія и почтенія таланту Дезульеръ, воздадимъ болѣе справедливости разуму, которой намъ должно почитать въ жизни другомъ и спутникомъ, а не строгимъ руководителемъ. Г. Дюмарсе сдѣлалъ прекрасный разборъ сей піесы.

Для показанія талантовъ и красотъ писательницы и Россійскаго переводчика ея, мы приведемъ читательницамъ нашимъ Идиллію ея *Ручей*.

Много было подражаній сей Идилліи, такъ что сіе заставило сказать одного критика, что столько появилось ручьевъ и ручейковъ, что скоро изъ нихъ составится цѣлое море.

Ручей! одну судьбу имѣемъ мы съ тобой;
Къ предмету одному спремимся съ быстротой;
Ты ищешь моря; мы — могилы. —
Но, ахъ! возможно ли намъ дни свои унылы
Сравнить съ теченіемъ твоимъ!...
Свободенъ, живъ, непотощимъ,
Законовъ строгихъ чуждъ, ты чуждъ и преступленій; —
Не зная тягостныхъ заботъ и огорченій,
Свободно слѣдуешь наклонности своей:
Избралъ стезю, бѣжишь, и не измѣнишь ей!
Есть старость для тебя: она тебѣ не горе;
Чѣмъ ближе твой конецъ — родительское море,
Тѣмъ ты полезнѣе для насъ;
Еще прекраснѣе для глазъ,

Чѣмъ въ скромныхъ берегахъ младенчества златова.
Съ минутой каждою, тебѣ забава нова:
Прелестной сей лѣсокъ,
Тобою оживленъ, растетъ и зеленѣетъ: —
Онъ благодарнымъ быть умѣетъ;
Сплетяся вѣтвями, склонясь на твой потокъ,
Хранитъ его отъ бурь подъ дружескою тѣнью;
По свѣтлому [неску, по травкѣ, по цвѣтамъ,
Ты катишься одинъ съ безпечной, сладкой лѣнью.
Подобясь золотымъ на небѣ облакамъ,
Во глубинѣ твоей прозрачной
Мелькаютъ разныхъ рыбъ игривыя стада;
Отъ нихъ не знаешь ты досады, скуки мрачной;
Ты кормишь ихъ, поишь безъ всякаго труда! . . .
При щастіи такомъ, къ чему твое роптанье?
Чего тебѣ желать? . . . Умолкни же ручей! —
Пусть мы одни, пусть мы — нещастное созданье —
На Небо плачемся объ участи своей.

Мы страсти многія въ душѣ своей питаемъ.
Мы вѣримъ . . . иль себя увѣрить лишь желаемъ. . . .
Что щастіе безъ нихъ не можетъ быть, и нѣтъ, —
И сердцемъ познаемъ, что мы живемъ для бѣдъ!
Заботы тяжкія, раскаянье, мученье —
Вотъ плодъ страстей; вотъ намъ судьбы опредѣленье!
Ты камнемъ не рожденъ: для горестей живи! . . .
Ахъ! кто не зналъ любви! . . .
Вселенную она дыханьемъ оживляетъ,
Она сердцами управляетъ;
Міръ полонъ радостей, міръ полонъ красоты;
Но радости безъ ней, но блага всѣ — мечты!
Я щастливъ! . . . нѣтъ! единое мгновенье
Разрушитъ можетъ вдругъ златое обольщенье,
И сердце страстное преобращаетъ въ ледъ,
Иль новой красотѣ въ неволю отдаетъ! . . .

Ручей — — ты щастливъ передъ нами;
Невѣрныхъ ручейковъ не слышно между вами; —
Когда Всевышняго законъ,
Который искони вселенной управляетъ,
Съ другимъ ручьемъ тебя соединяетъ;
Союзъ сей заключенъ, и твердъ и вѣренъ онъ;
Въ минуту подружась, вы не разлучны вѣчно. —
Какой союзъ между людей,
Какое дружество у васъ чистосердечно! —
Корысть его родитъ на жертву злыхъ страстей! —
Источникъ ясный и спокойный!
Знать, менѣе тебя мы щастія достойны! —
Къ чему притворствовать! — Признаемся, хоть разъ:
Что значатъ всѣ сіи достоинства надменны,
Сіи права священны,
Сіи мечтательны отличія для насъ! —
Ихъ гордость создала, чтобъ скрыть свою ничтожность!
Лишь выдумай намъ зло: оно намъ будетъ должность! —

Откуда взяли мы, что въ Промыслѣ Своемъ
Богъ создалъ смертнаго твореній всѣхъ Царемъ? —
Признаться откровенно,
Мы не Цари — тираны ихъ.
Почто бы, на примѣръ, намъ воды, принужденно,
Вести къ чужимъ брегамъ, для прихотей своихъ?
Почто ихъ заставлять на воздухъ подниматься,
Скакать подъ облака, и въ капляхъ посребряться? —
Но пусть такъ: все покорно намъ;
Мы властны подавать законы всѣмъ мірамъ;
Почто же властью сей мы править не умѣемъ?
Почто собою не владѣемъ? . . .
О заблужденіе! рабъ бѣдствій, рабъ страстей!
Ты смѣешь величаться
Владыкой тварей всѣхъ, которы, можетъ статься,
Стократъ свободнѣе, стократъ тебя добрѣй. —
Познай, познай свое, безумецъ, униженье! — — —
Но что я говорю! — Напрасное ученье! . . .

Мнѣ кажется, душа на то и создана,
Чтобъ жить, на зло другихъ, и сла-
бостью гордиться;
Порокъ во мнѣ — ничто; въ другомъ
порокъ — вина;
Съ своей виной мирюсь; съ чужой —
не льзя ужиться!
Увы! — Къ нещастію, для насъ и
страха нѣтъ!
Пороки праведной улики не боятся;
Льстецовъ наполненъ свѣтъ;
Умѣнье жить у насъ — умѣнье
притворяться.
Коль искренность теперь осталась на
землѣ,
Ручей! она въ тебѣ! — Ты намъ яв-
ляешь разность
Межъ тѣмъ, что красота, и тѣмъ,
что безобразность;
Все видимо въ твоемъ прозрачнѣйшемъ
стеклѣ!
Порокъ съ досадой зритъ въ тебѣ
свой видъ позорной;
Для пастуховъ и для Царей
Ты правду говоришь безъ лести, не
притворно;
Ахъ! Истина всегда ужасна для людей!
Зерцало совѣсти темно предъ суетою!
Другъ вѣрный, съ искренней душою,
Тяжелъ для нынѣшнихъ вѣковъ! —
Обычай бѣдственный! — Но онъ у
всѣхъ таковъ!

Уроки стыдъ въ насъ пробуждаютъ, —
Боммся мы стыда; — и такъ — они
скучаютъ! —
Коварной, льстецъ, злодѣй
Хотятъ правдивыми и честными ка-
заться!
Таковъ былъ свѣтъ, такимъ ему ос-
таться! — —
И въ горестной юдоли сей, —
Въ жилищѣ гордости и бѣдности пре-
зрѣнной
Я долженъ мучиться, терпѣть кон-
чить вѣкъ . . .
О жалкій человѣкъ
Смѣшенье слабости и злобы ослѣп-
ленной!
Присвоивщій себѣ безсмертныя права, —
И ты себя зовешь подобьемъ Боже-
ства!! . . .

Спокойной совѣсти изобразитель
ясный,
Ручей, спѣши, неси струи твои пре-
красны
На родину твою, въ объятія морей!
Мы — жертва слабости своей!
И мы стезю свою бѣдами измѣряя,
Во тмѣ безвѣстности блуждая,

Сію печальну жизнь, сей жалкой плодъ земли,
Несемъ въ ничтожество, отколь произошли.

Ободрена будучи успѣхами, полученными ею въ различныхъ родахъ Поезіи, Гжа. Дезульеръ принялась писать трагедію; однако въ ѣтомъ она не такъ была счастлива; трагедія ея *Генсерикъ* худо принята публикою. Не взирая на сіи неудачи, Гжа. Дезульеръ снискала себѣ славу и всеобщее уваженіе. Между тѣмъ, кто бы подумалъ, чтобъ она съ толь рѣдкими дарованіями и съ такою славою была несчастлива! Всѣ ея сочиненія наполнены жалобами на судьбу. Всѣ жертвы, принесенныя ею великимъ на земли, не обратили на нее вниманія ихъ. Бѣдный пансіонъ, состоявшій изъ 2000 ливр., былъ единственною наградою за всѣ лестныя похвалы, кои она столь искусно сплела въ честь Людовика XIV. Впрочемъ она сугубо вознаграждена была похва-

лами отъ истинныхъ любителей Словесности и знакомствомъ съ знаменитѣйшими особами, искавшими ея сообщества. Академія Арлская въ Провансѣ и Рикорвашская въ Падуѣ приняли ее въ свои сочлены. Князья Сен-Еньянъ, Монтозье, Рошфуко, Неверсъ, Маршалъ Вивонъ и Флешьеръ за честь себѣ поставляли быть знакомыми съ нею.

Послѣдніе годы жизни Гжи. Дезульеръ протекли въ горести и болѣзняхъ. Смерть супруга ея и собственная ея болѣзнь ускорили ея кончину; она умерла 1694 года.

Еслибъ знаменитая сія жена не была больна: то, вѣроятно, мы ничего бы не знали объ ней; ибо стихи ея суть плодъ пятнадцатилѣтней болѣзни. Всѣ они одинаковаго свойства — всѣ дышутъ какою-то нѣжною томностію. Читая Идилліи Дезульеръ, видишь, что ихъ писала умная женщина въ часы задумчивости; не льзя не раздѣлить съ нею сладост-

ныхъ ощущеній. Слогъ ея простъ и легокъ. Она сама признается, что слабость здоровья расположила ее къ сему роду сочиненій; нѣкоторыя Идилліи сей писательницы показываютъ чувствительность ея. Разумѣется, что все сказанное въ похвалу Гжи. Дезульеръ относится къ лучшимъ ея стихотвореніямъ, кои, какъ замѣчаетъ Волтеръ, можно помѣстить на сорока страницахъ. — Никто лучше ея не говорилъ о любви, никто лучше не умѣлъ украсить нравственности столь простыми и прелестными цвѣтами. Признательные современники назвали ее Сафою, десятою Музою, Калліопою Французскою.

ГЖА ДЕ ЛА МОТТЪ ГЮОНЪ.

Іоанна Марія Гувье де ла Моттъ Гюонъ родилась въ Монтаржисѣ 1648 года; будучи 18 лѣтъ отъ рожденія, вышла она за нѣкоего Гюонъ. Въ 25 лѣтъ овдовѣвъ и одарена будучи отъ природы красотою, отъ предковъ своихъ получа знатное богатство и благородство, посвятила она себя такому роду духовности, который многіе почитали безуміемъ, — т. е. квіетизму. Въ Парижѣ нашла она случай познакомиться съ Аранпономъ, Епископомъ Женевскимъ, который, тронутъ будучи ея набожностію, пригласилъ ее въ свою Епархію. Въ Гекской странѣ узнала она Лакомба, Савоярскаго Варнавита, человѣка хитраго, въ юношествѣ своемъ бывшаго очень развратнымъ, а въ совершенномъ возрастѣ сдѣлавшагося очень набожнымъ. Гжа Гюонъ вмѣстѣ съ нимъ проповѣдывала: совершенное отверженіе самаго себя, молчаніе душевное, уничтоженіе всѣхъ способно-

стей, совершенное безпристрастіе къ жизни и къ смерти и пр. По мнѣнію ихъ, жизнь земная ничто иное была, какъ преддверіе къ небесной жизни. — Женевскій Епископъ, услышавъ объ успѣхахъ, какіе дѣлали сіи новые проповѣдники квіетизма, переслалъ имъ покровительствовать. Они оставили Гексъ и отправились въ Туринъ, изъ Турина въ Гренобль, изъ Гренобля въ Парижъ и Версаль. Всюду они пріобрѣтали себѣ послѣдователей. Гжа Гюонъ проповѣдывала, что весь адъ прошивъ нее вооружился и что она будетъ гонима; сіе и дѣйствительно сбылось; она взята была и заключена въ монастырь, по приказанію Короля. Однако, ходатайствомъ Гжи Ментенонъ, освобождена была изъ заточенія своего. Она явилась въ Версали; многія знаменитыя особы почли ее за святую, родившуюся для того, чтобы рай свести на землю. Фенелонъ, бывшій тогда учителемъ наслѣдника Французской короны, коротко познакомился съ нею. Знакомство его съ нею, осно-

ванное на добродѣтели и набожности, сдѣлалось для обоихъ пагубнымъ. Сходство нравовъ, непреодолимое сострасшіе, возвышенность чувствъ въ томъ и другой, вскорѣ соединили ихъ тѣснымъ союзомъ. Фенелонъ не стыдился называть Гжу Гюонъ своею учительницею; а она, восхищаясь смиреннымъ и великимъ ученикомъ своимъ, между тѣмъ распространяла таинственныя свои мнѣнія. Новыя гоненія возстали противъ изступленной жены сей. Боссюетъ, избранный посредникомъ, сдѣлался гонителемъ ея. Ученіе Гжи Гюонъ было осуждено, и она принуждена дать подписку, болѣе не учить. Однако не могши удержать своего изступленія, стала она, черезъ два дни подлѣ подписки, опять сбирать новыхъ себѣ послѣдователей. Дворъ, обезпокоенъ будучи жалобами, на сію женщину приносимыми, приказалъ заключить ее сперва въ Винценнъ, потомъ въ Божарадъ и наконецъ въ Бастилію. Свободна будучи въ заключеніи своемъ, она утѣшала себя сочиненіемъ духов-

ныхъ пѣсней, въ коихъ предавалась пламеннымъ восторгамъ, внушаемымъ ей чистою любовію. Изступленіе ея столь было сильно, что она не рѣдко забывала себя и все окружающее ее — и входила въ нѣкоторое упоеніе, говоря, что бѣсѣдуетъ съ духами безплотными и имѣетъ таинственное обращеніе съ Богомъ. Она объявляла, что совершенно видѣла все, происходящее въ душахъ человѣческихъ, надъ коими дарована была ей чудесная сила, такъ равно и надъ тѣлами, что Богъ избралъ ее для упраздненія человѣческаго разума и для возстановленія премудрости.

Дѣло Гжи Гюонъ произвело между Боссюетомъ и Фенелономъ споръ о квіетизмѣ. Когда споръ сей рѣшился осужденіемъ книги Фенелоновой: *правила святыхъ* — и примѣрнымъ смиреніемъ великаго писателя оной: тогда Гюонъ вышла изъ Бастиліи. Наконецъ жила она въ совершенномъ забвеніи и провождала дни свои въ совершенномъ уединеніи, непрестанной

молитвѣ и духовныхъ размышленіяхъ. Знаменитый Архіепископъ Камбрейскій не переставалъ хранить къ ней отмѣннаго уваженія, такъ какъ и нѣкоторыя знатнѣйшія особы. Гжа де ла Моттъ Гюонъ умерла въ Блуа 9 Іюня, 1717 года, 69 лѣтъ отъ рожденія своего — въ восторгахъ набожнаго благочестія. При концѣ жизни своей, написала она слѣдующее завѣщаніе: „Да будетъ извѣстно, что я умираю дщерію Соборной и Апостольской церкви Римской; удаляяся отъ ея ученія никогда я не хотѣла; съ того самаго времени, какъ начала совершенно дѣйствовать разумомъ своимъ, никогда не переставала я, по крайней мѣрѣ хотѣніемъ, быть готовою на всякій часъ, не щадить для нее послѣдней капли крови моей, какъ по всегда я говорила, во всякое время подвергала писанія мои и книги суду матери моей Святой Церкви, къ коей, по милости Божіей, всегда имѣла и буду имѣть непреодолимую привязанность и безпрекословное послушаніе, отнюдь

не питая другихъ чувствованій и не допуская ничего противнаго ей — и предавая проклятію все, что она проклинаетъ, какъ то всегда и я дѣлала. По сущей истинѣ, должно мнѣ присовокупить къ оправданію моему и то, что нѣкоторые напрасно возставали противъ меня, прибавляя къ моимъ сочиненіямъ совсѣмъ несходное съ образомъ мыслей моихъ, передѣлывая иногда мои сочиненія; соединяли напраслину съ клеветою, переполковывая ошибки мои и всегда стараясь обвинить меня. Также свидѣтельствовали многіе о томъ, о чемъ я не говорила, а истинныя происшествія умалчивали. Не говорю о другомъ; а прощаю все отъ всего моего сердца.“ Сколько есть защитниковъ Гжи Гюонъ, столько и недоброжелателей. Многія причины, другимъ неизвѣстныя, особливо доброе намѣреніе могутъ оправдать темноту, сбивчивость и таинственную неудобопонятность, какія иногда встрѣчаются въ сочиненіяхъ знаменитой сей пруженицы. Онѣ со-

ставляютъ около 40 томовъ и писаны, какъ замѣтно, въ различныхъ расположеніяхъ духа и въ различныхъ обстоятельствахъ. Въ нихъ видно пламенное воображеніе, напряженіе духа, жаръ и какая-то особенность въ мысляхъ и выраженіяхъ; хотя иногда ея сравненія неудачны. Въ примѣръ приведемъ здѣсь, что она говоритъ *о ложной набожности*:

Nulle simplicité de coeur,
Aucun desir de la souffrance,
Point de charité, de douceur,
Ni de repos de conscience.
Le trouble et l'agitation
Composent la devotion.

III. 6.

Нѣтъ искры въ насъ сердечной простоты,
Къ терпѣнію охоты нѣтъ,
Нѣтъ милости въ насъ и любови,
Нѣтъ совѣсти покоя.
Какое будетъ намъ спасенье
Въ борьбѣ и чувствъ волненьи!

ЕЛИСАВЕТА ВУДВИЛЬ.

Мать Елисаветы Вудвиль была Жакелина Люксамбургъ, вдовствующая Герцогиня Бедфордъ. Сія женщина пожертвовала любви гордостію и знатностію своею — и вышла за Ричарда Вудвиля, простаго дворянина, возведеннаго потомъ на достоинство Графа Риверскаго. Елисавета, бывшая плодомъ сего супружества, соединилась съ Джономъ Греемъ, преданнымъ Ланкастерской партіи и убитымъ на второмъ Сен-Албанскомъ сраженіи. Имѣніе его взято было въ казну; а Елисавета удалилась въ Графтонъ, помѣстье своего родителя. Король, бывши на охотѣ, вздумалъ посѣтить мать Елисаветы Вудвиль, Герцогиню Бедфордъ. Молодая, прекрасная Елисавета, въ печальной одеждѣ, со слезами на глазахъ, пала къ ногамъ Государя, прося его сжалиться надъ малолѣтными ея сиротами. Прелести ея и горестное положеніе сильно тронули Монарха и поразили сердце его,

коимъ овладѣла пламенная любовь къ Елисаветѣ; онъ предложилъ ей и сердце свое и корону, не смотря на то, что Графъ Варвикъ въ его самое время ходатайствовалъ при дворѣ Французскомъ и просилъ выдать въ замужество за сего Государя Бонну Савойскую, невѣстку Людовика XI. Извѣстно, что Варвикъ, возвратясь въ отечество свое, жестоко разсердился на Короля за сей поступокъ, собравъ войска, побѣдилъ его и взялъ въ плѣнъ, спустя опять возшелъ на Англинскій престолъ: Королева скончалась въ 1486 году, въ Сутваркѣ, гдѣ она содержалась въ строгомъ заключеніи, по повелѣнію Генриха VI, своего зятя.

Мы сообщаемъ нашимъ читателямъ и любезнымъ читательницамъ записку, взятую изъ древней рукописи, найденной въ Друммонъ Кастелѣ и изданной въ свѣтъ Гжею. Рутвенъ. Она намъ кажется замѣчательною, что содержитъ подлинныя записки дневныхъ упражненій супруги Едуарда IV, отличается стариннею

простотою и показываетъ нравы и обычаи пятнадцатаго вѣка знатныхъ дѣвицъ, которые сколь великую противоположность имѣютъ съ нынѣшними нравами и обычаями.

„*Въ понедѣльникъ по утру.* Вставши въ 4 часа, я помогла Катеринѣ подоить корову, Рахили, другой нашей служанкѣ, обжегшей себѣ руку, сдѣлала примочку. Робеню дала одинъ су, наказавъ ему сходить въ аптеку за лѣкарствомъ.

Въ 6 часовъ по утру. Я примѣтила, что говядина была перевареня и что пиво пахнетъ задхлостью. NB. Надобно повару сказать два слова о его нерадивости и велѣть пробуравить новую бочку.

Въ 7 часовъ. Ходила съ матушкою на задній дворъ. Тамъ мы накормили двадцать человѣкъ мущинъ и женщинъ. Рожеръ поручилъ строгій выговоръ за то, что несучи мясо, дурачился.

Въ 8 часовъ. Съ служанкою моею Доротеею я ходила въ большой сарай,

что позади замка, тамъ долго гонялась за маленькою лошадью, поймала ее, сѣла верхомъ и проѣхала около шести миль безъ сѣдла и безъ узды.

Въ 10 часовъ. У насъ накрыли на столъ! — что мнѣ до него нужды? Доброй дѣвушкѣ надобно повиноваться своимъ родителямъ. — Джонъ почти ничего не ѣлъ. — Онъ часто съ нѣжностію на меня посматривалъ; — сказалъ, что первая красавица въ свѣтѣ не понравилась бы ему, еслибъ она не имѣла кротости и смиренія. Надѣюсь, что мой нравъ сносенъ. Кажется, до сихъ поръ никто на него не жаловался, кромѣ Рожера; но Рожеръ хуже всѣхъ исправляетъ свою должность. — Джонъ Грей любитъ бѣлые зубы; кажется, мои не очень дурны; а волосы у меня какъ смоль черные. Я говорю это не для хвастовства; впрочемъ Джонъ, если не ошибаюсь, одинаковыхъ со мною мыслей.

Въ 11 часовъ. Встали изъ-за стола; гости захотѣли итти про-

гуляться на поле. Джонъ помогалъ мнѣ переходить черезъ перегородки; онъ дважды пожалъ мнѣ руку. Я ни въ чемъ не могу осудить Грея; онъ проворнѣе всѣхъ нашихъ сосѣднихъ дворянъ: родителей своихъ почитаетъ; каждое Воскресенье ходитъ въ церковь.

Въ 3 часа пополудни. Нечаянно загорѣлся домъ бѣднаго поселянина Робинзона. — Джонъ Грей тотчасъ предложилъ сдѣлать подписку въ пользу несчастныхъ. Онъ самъ назначилъ для сего добраго дѣла четыре фунта стерлинговъ. NB. Никогда не видала я у него такихъ милыхъ взоровъ, какъ при семъ случаѣ.

Въ 4 часа. Ходила къ вечернѣ.

Въ 6 часовъ. Кормила поросятъ и дворовыхъ птицъ.

Въ 7 часовъ. Сѣли ужинать. Приключеніе бѣднаго Робинзона было причиною, что такъ опоздали. NB. Пирогъ съ гусемъ перепрѣлъ, особливо свинина.

Въ 8 часовъ. Всѣ спятъ глубокимъ сномъ. Сіе время показалось мнѣ

очень скучнымъ. Я въ другой принялась разъ молиться; потому что въ первой разъ мысли о Джонѣ Греѣ помѣшали мнѣ исполнить сей долгъ. Во снѣ привидѣлся мнѣ Джонъ Грей."

ГЕРЦОГИНЯ МАЗАРЕНЬ.

Не довольно того, чтобъ женщина казалась добродѣтельною въ собственныхъ только глазахъ своихъ, — она должна также казаться такою въ глазахъ публики. Хотя поведеніе ея будетъ неопорочимо; но если она сдѣлаетъ какую нибудь ошибку — то въ одинъ день лишится всего плода, добродѣтелію приобрѣтеннаго. — Какъ скоро появится хотя малое неблагопріятствующее о ней сужденіе: то самые невинные ея поступки обращаются ей въ поношеніе — и вмѣсто того, чтобъ быть ея подпорою, дѣлаются они для нее источникомъ золъ.

Гортензія Манцини, Герцогиня Мазарень родилась въ 1646мъ году. Она была дочь Мишеля Лаврентія Манцини, сына Павла Манцини, Римскаго Барона, и Мазарень сестры Кардинала сего же имени. Вотъ какъ описываетъ ее Сен-Евремонъ: „Зубы, ротикъ, губки, всѣ пріятности въ ней находящіяся, соединясь съ многоразличными прелестями — изображаютъ удивительную красоту лица ея. Если сравнивать оныя съ прелестями тѣхъ особъ, кои наиболѣе удивляютъ собой: то Герцогиня многихъ превышаетъ. Чтобы найти въ ней нѣкоторые недостатки, мнѣ только должно взглянуть на нее, окруженную собаками, обезьянами, птицами — и вообразить то, что безпорядокъ ея платья и наряда отнимаютъ у неё нѣсколько блеску, коимъ она удивляла насъ при Дворѣ. Но здѣсь она во сто разъ любезнѣе, здѣсь то природная простота не затмѣвается искуственнымъ нарядомъ и прикрасами;

здѣсь - то непринужденный ея разсудокъ и нравъ обнаруживается для каждаго, кто только ее видитъ. Я стараюсь разсердить ее, жестоко нападаю на нее, испытываю горячность ея въ спорахъ, обманываю ее въ игрѣ; но какую получаю пользу отъ сей построчной хитрости, съ такимъ усиліемъ мною изыскиваемой? Ея гнѣвъ вмѣсто того, чтобы раздражать, восхищаетъ. Ея обиды гораздо лестнѣе, нежели ласки другихъ, — онѣ суть цѣпи, дѣлающія меня рабомъ ея. — Хочу ли видѣть её важною — воображая, что она въ семъ состояніи болѣе приятна, хочу ли видѣть ее непринужденною — надѣясь что въ семъ положеніи можно примѣтить нескромность? Важность ея внушаетъ почтеніе къ здравому уму; — веселость ея заставляетъ любить забавы; она знаетъ всё, что только человѣкъ въ состояніи объять умомъ своимъ; но скромность ея скрываетъ свои познанія, какъ должно женщинѣ. Она исполнена познаній, въ коихъ со-

всѣмъ не видно той учености, какую употребляла она для приобрѣтенія оной. — Она имѣетъ очаровательное воображеніе, въ коемъ совсѣмъ не видно искуственности — не видно въ ней и необработанной натуры. Разсмотрите ея видъ — разумъ — качества ума — качества души — и вы увидите, что всё васъ привлекаетъ къ ней и привязываетъ — и вы не найдете въ ней ничего такого, чтобы могло васъ отвратить отъ нее. — Разумъ служитъ намъ отъ другихъ защитою, — а въ ней разумъ покоряетъ насъ подъ власть ея. Всего удивительнѣе въ Гжѣ. Мазаренъ то, что она внушаетъ намъ какія-то новыя желанія — и что безпрестанное съ нею обхожденіе поселяетъ въ насъ нѣжныя и пріятныя чувства продолжительной страсти. Она единственная женщина, съ которою можно быть всегда постоянну, и съ которою въ полной мѣрѣ можно предаваться удовольствію непостоянства.“

Хотя Гортензія имѣла старшую сестру, однако Кардиналъ Мазаренъ позволилъ ей носить имя свое и предлагалъ ея руку Тюреню, Кондалю и Фельяду. Первой изъ нихъ не слишкомъ былъ внимателенъ; — второй скоро умеръ, третій поссорился съ Кардиналомъ. Карлъ II, бывшій Англійскимъ Королемъ, искалъ руки ея; но какъ онъ въ ето время не имѣлъ ни клока земли: то Кардиналъ и отказалъ ему. Однако послѣ, когда Принцъ сей взошелъ на тронъ своихъ предковъ, онъ весьма раскаивался.

Наконецъ появился Дюкъ Мельерей. Кардиналъ сначала не хотѣлъ и слышать о семъ бракѣ, но будучи убѣжденъ къ тому Епископомъ Фрежюсомъ, 23 Февраля, 1661 года, заключилъ договоръ, коего главныя статьи состояли въ томъ, чтобы Дюкъ де ла Мельерей принялъ наименованіе Мазареня, и подписалъ бы вмѣстѣ съ будущею своею супругою все-

общее завѣщаніе Кардинала. Прелатъ умеръ въ томъ же году, оставивъ Дюку въ наслѣдство 20 милліоновъ.

Бракъ сей не долго былъ щастливъ. — Дюкъ сдѣлался столько ревнивъ, что не захотѣлъ болѣе жить съ супругою своею въ Парижѣ. Онъ принудилъ ее путешествовать съ собою въ Алзасъ, Бретань и многія другія провинціи, и не позволялъ ей на дорогѣ останавливаться, проѣхавъ даже болѣе двухъ сотъ миль, хотя она была и беременна. Однако сіе еще ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ поступалъ съ нею по возвращеніи своемъ въ Парижъ. — Онъ запретилъ ей наряжаться, посѣщать спектакли и даже прогуливаться; друзья ихъ и знакомые не могли ее видѣть. — И если какой нибудь слуга имѣлъ щастіе ей понравиться: то былъ выгоняемъ изъ дому. — Подобная тиранніи не могла долго продолжаться — и супруги сіи, подъ предлогомъ излишнихъ издержекъ, дѣ-

лали другъ другу взаимные упреки. — Дюкъ обвинялъ жену свою въ томъ, будто она всё передаетъ своимъ братьямъ; Герцогиня жаловалась съ своей стороны на него за то, что онъ изъ пустосвятства дѣлалъ великія издержки. Жалобы Герцогини были основательны; ибо слабаго Мазареня увѣрили, что имѣніе Кардинала не есть благоприобрѣтенное, и что по сему онъ не можетъ владѣть имъ безъ угрызенія совѣсти. И такъ онъ продалъ свое движимое имѣніе, болѣе нежели на три милліона, разбивъ статуй и картинъ на 10 тысячь екю. У женыжъ своей похитилъ алмазы, стоющіе несмѣтныхъ суммъ, почитая ихъ ни къ чему годнымъ украшеніемъ.

Герцогиня ни мало не медля увѣдомила о семъ брата своего Дюка Неверса и свою сестру Герцогиню Буйльонъ. — Они старались помирить ихъ съ мужемъ. Когда же онъ хотѣлъ ее везти съ собою въ Алзасъ,

коего онъ былъ правителемъ: тогда она убѣжала къ сестрѣ своей Олимпіи, бывшей тогда Герцогинѣ Соассонъ, отъ туда въ Игуменство Шелское; тамъ пробыла она нѣсколько времени и наконецъ пріѣхала къ монахинямъ Св. Маріи.

Между тѣмъ получила она отъ Короля позволеніе судиться съ мужемъ своимъ; дабы сему воспрепятствовать — сей послѣдній рѣшился ее увезти. — Узнавши о семъ намѣреніи, она возвратилась въ Шелль, и тамъ однажды увидѣла мужа своего въ сопровожденіи большой свиты. Тетке ея угодно было повѣрить ей всѣ ключи монастырскіе, а сама она приняла Дюка въ гостиной. — Онъ объявилъ ей, что пришелъ поговорить съ Гжею. Игуменьею. Я Игуменья и приворотница, сказала она; безъ моего позволенія не льзя сюда войти. — Смятенный Герцогъ ушелъ, грозя возвратившись увезти ее изъ монастыря. Узнавши о семъ, Соассонъ, Герцогъ де

Буйльонъ, сестры ея и многія другія знатныя особы прибыли на помощь къ Герцогинѣ. Примѣтивъ ихъ, почла она за свиту своего мужа, и спряталась въ башню; но скоро была выведена изъ заблужденія, и къ большему удовольствію, получила еще радостное извѣстіе, что претія Палата изслѣдованій, которая состояла, какъ она говорила, изъ молодыхъ очень умныхъ людей, сдѣлала опредѣленіе жить ей во Дворцѣ Мазареня, а мужу ея, какъ главному начальнику надъ аршиллеріею, находиться при арсеналѣ.

Король желалъ быть посредникомъ въ тяжбѣ двухъ сихъ супруговъ — и такъ, по согласію съ обѣихъ сторонъ, положено было, чтобъ Дюкъ жилъ во Дворцѣ Мазареня. Что же касается до Герцогини: то ей дана свобода для избранія себѣ мѣстопребыванія, и что она не обязана болѣе слѣдовать за своимъ супругомъ въ его путешествіяхъ, — раздѣлъ же имѣнія предоставленъ былъ рѣшенію Министровъ.

Миръ былъ непродолжителенъ. Герцогиня, боясь, чтобы Парламентъ не далъ мужу ея совершенной надъ нею воли, имѣла неблагоразумие переодѣться въ мужское платье, и въ сопровожденіи двухъ слугъ, оставила, домъ свой ночью съ 13го на 14е Іюня 1667го. Герцогъ Неверсъ и Кавалеръ Роганъ провожали ее даже до воротъ Св. Антонія. Тутъ она нашла лошадей, которыя и отвезли ее на дорогу въ Италію.

Какъ скоро Герцогъ узналъ о побѣгѣ своей жены: то немедленно просилъ Короля приказать сдѣлать за нею погоню. Не смотря на всѣ совѣты друзей, онъ прибѣгнулъ къ правосудію, и просилъ, чтобы оно дало повелѣніе взять подъ караулъ всѣхъ женщинъ слугъ и позвать въ судъ Герцога Неверса и Кавалера Рогана.

Герцогиня не скрываетъ претерпѣннаго ею въ продолженіи своего побѣга. — Собственныя слова ея ясно показываютъ, что всякое необду-

манное дѣйствіе влечетъ за собою раскаяніе. Въ то время, говоритъ она, когда при Дворѣ ничѣмъ не занимались кромѣ меня, я перебѣгала чужую дорогу, и признаюсь, что еслибъ я предвидѣла всѣ слѣдствія: то скорѣе бы согласилась провести жизнь свою въ четырехъ стѣнахъ, и окончить ее остріемъ желѣза или ядомъ, нежели подвергнуть мою честь злословію, котораго не можетъ избѣжать ни одна женщина, бѣжавшая отъ своего мужа, со мною равныхъ лѣтъ и одинаковой породы. Хотя я не имѣла довольно опытности предвидѣть слѣдствія моего побѣга — и слѣдствія — о которыхъ я совершенно не имѣла понятія: однако, прежде нежели рѣшилась, долгое время ужасно боролась сама съ собою, — и еслибъ кто зналъ, какого стоило мнѣ труда учинить оный, тотъ легко бы понялъ крайнюю нужду, которая заставила меня употребить сіе средство. При моемъ отъѣздѣ была я такъ сильно встревожена, что мнѣ должно было

воротиться въ монастырь С. Антонія, дабы взять забытой мною тамъ ящикъ съ деньгами и драгоцѣнными каменьями. Правда, я не полагала, чтобы въ деньгахъ былъ когда нибудь недостатокъ, — но опытъ научилъ меня, что деньги есть первая въ свѣтѣ вещь, въ которой наиболѣе терпимъ нужду. Но люди, всегда ихъ имѣющіе, не знаютъ настоящей ихъ цѣны.

Герцотъ, надѣлавши довольно шуму, отказался отъ своего иска. Герцогиня отправилась въ Римъ, въ одинъ монастырь, который однако она скоро оставила, намѣреваясь путешествовать въ Италію. Она была отлично принята Италіянскими Вельможами, а особливо любопытными антикваріями, которые бы съ удовольствіемъ побили каменьемъ мужа ея, когдабъ узнали о истребленіи статуй Дворца Мазаренева. Герцогиня пріѣхала въ Неверсъ. Герцогъ, который имѣлъ позволеніе отъ Парламента задержать жену свою, гдѣ бы то ни было, хотѣлъ

употребить въ пользу власть свою; однако уступилъ усильнымъ прозьбамъ Колберта и принужденъ былъ оставить дѣло.

Герцогиня уѣхала къ Гжѣ. Колберту. Герцогъ просилъ Короля приказать ей жить у Гжи. Монтеспань; однако Его Величество, не смотря на это, далъ ей позволеніе возвратиться въ Италію, опредѣливъ ей 24 тысячи франковъ пансіону. Онъ далъ ей 24 часа на размышленіе, и совѣтовалъ остаться при Дворѣ, коему могла она служить красою. Сіе благоволеніе Короля — и добрые совѣты Гжи. де Монтеспань и Гжи. де Колберту не могли перемѣнить ея намѣренія оставить Францію. Герцогъ де Лозень, раздраженный симъ безразсуднымъ предпріятіемъ, сказалъ ей: Exъ сударыня! что вы сдѣлаете съ ѣтими 24 тысячами франковъ? Вы ихъ проѣдите въ первомъ трактирѣ — и воротитесь со стыдомъ просить другихъ 24 тысячь франковъ; но ихъ уже вамъ не дадутъ.

Не смотря на сіе, Герцогиня пустилась въ дорогу съ Гжею. Белинзани — однимъ унтеромъ и двумя гвардейцами, которыхъ Король пожаловалъ ей для сопровожденія. Она приѣзжаетъ въ Римъ, но не остается въ немъ — и возвращается во Францію съ своей сестрой, которой Италія чрезвычайно не понравилась. — Она прожила мѣсяцъ въ Э, гдѣ узнала, что Поластронъ ѣдетъ задержать ее. — При семъ извѣстіи покидаетъ она свою сестру, но въ скоромъ времени соединяется съ нею опять въ Греноблѣ и возвращается въ Ліонъ. Дамы сіи на дорогѣ имѣли неудовольствіе слышать отъ разнощика исторію своихъ приключеній. — Наконецъ Герцогиня, боясь повстрѣчаться съ Поластрономъ, уѣхала въ Шамбери къ Герцогу Савойскому, коимъ была она очень хорошо принята, когда путешествовала въ Италію. Она прожила тамъ три года; но когда Герцогъ Савойской умеръ: то она принуждена была

искать себѣ другаго убѣжища. И такъ она рѣшилась ѣхать въ Англію, куда призвала ее Герцогиня Іоркская, родственница ея. Послѣ многихъ безпокойствъ — она прибыла въ Англію, гдѣ Король положилъ ей ежегодно выдавать пенсіи 50 тысячъ ливровъ; потому что онъ былъ долженъ 500,000 ливр. наслѣдницѣ Мазареня.

Супругъ Герцогини, который во всю свою жизнь поставлялъ за главное правило жаловаться и быть недовольнымъ, долго просилъ ее, чтобы она возвратилась къ нему; но видя, что всѣ прозьбы его были тщетны, подалъ прошеніе въ главной Совѣтъ, чтобы ее лишить приданаго, а его освободить отъ данныхъ условій, и чтобы ей повелѣно было возвратиться во Францію, или позволить ему взять ее тамъ, гдѣ онъ ее сыщетъ.

Въ 1689 году вышло рѣшеніе, коимъ повелѣвалось Герцогинѣ въ три мѣсяца пріѣхать къ монахинямъ Св. Маріи, а чрезъ шесть мѣсяцовъ явиться къ мужу. Но Герцогъ, по нѣкоторымъ об-

стоятельствамъ, онъ его отказался — и она осталась въ Англіи.

Въ 1698 году Герцогиня занемогла опасно, такъ что всѣ друзья отчаявались. — Она выздоровѣла, и сказала Сен-Евремону, что ей очень хочется знать, что будутъ говорить объ ней по смерти ея? Умный Ораторъ тотчасъ сочинилъ надгробную рѣчь, и вступленіе кончилъ слѣдующимъ образомъ:

„Плачьте друзья, помышляя, что вы должны лишиться вашего сокровища — дайте волю слезамъ вашимъ! плачьте! Всякой, кто ожидаетъ себѣ неотвратимаго нещастія, тотъ можетъ уже назвать себя нещастнымъ. Гортензія умретъ, такъ! и сіе чудо природы нѣкогда умретъ — мысль о столь важномъ нещастіи заслуживаетъ слезы!“

Пять лѣтъ спустя послѣ его надгробнаго слова, она умерла въ Шелзеѣ

9 Іюля 1699 года, отъ роду 53 лѣтъ. — Испытанныя ею въ жизни нещастія были причиною, что она мало объ ней жалѣла.

ГОСПОЖА ДЕ КЕЛЮСЪ.

Марія Маргарита де Мюркай Виллетъ, Маркиза де Келюсъ, родилась въ 1673 году. Она была дочь Маркиза Виллета и родственница Гжи. де Ментенонъ. Г. де Виллетъ былъ ревностный Калвинистъ. Гжа Ментенонъ видя, что всѣ ея старанія обратить его въ Католическую религію были тщетны, исходатайствовала у Министра морскихъ силъ повелѣніе, чтобъ ея двоюроднаго брата будтобъ съ повышеніемъ сдѣлать главнымъ Начальникомъ надъ отправляющимися въ дальнее морское путешествіе. Какъ скоро Г. Девиллетъ сталъ приготовляться, и сѣлъ на корабль, то Гжа. Ментенонъ взяла дѣвицу Виллетъ

онѣ ея матери и отправила въ Сен-Жермень, гдѣ она и отреклась отъ своего исповѣданія.

Съ сего времени Гжа. Ментенонъ имѣла особенное попеченіе о молодой Хрістіанкѣ. Она обучалась у разныхъ учителей, и сама Гжа. Ментенонъ съ нею занималась. Чтобъ приучить ее къ разсужденію, требовала отчета въ ея письмахъ и въ ея урокахъ, кои сама слушала; для усовершенствованія ея слога, она каждой день заставляла ее писать письмо къ кому нибудь.

Дѣвица де Виллетъ воспитывалась въ Сен-Сирѣ въ то самое время, какъ славный Расинъ сочинялъ для воспитанниковъ сего дома прекрасную трагедію Есфирь. Дѣвицѣ де Виллетъ никакой роли не было назначено; но Расинъ услышя, какъ она читала вышверженные наизусть стихи изъ сей піесы Гжѣ Ментенонъ, желалъ ее имѣть Актрисою въ сей піесѣ, и какъ она не согласилась взять ни одной изъ назначенныхъ другимъ ролей: то онъ на-

писалъ для нея пышный прологъ о состраданіи. —

Красота дѣвицы де Виллетъ, ея любовь, какою пользовалась при Дворѣ ея тетка, обращали на нее взоры придворныхъ. Г. де Рокелоръ и Г. де Буффлеръ искали ея руки; но Гжа. Менпенонъ имъ отказала и выдала ее, хотя она еще была 13 лѣтъ, за Жанъ Анни де Тулера Маркиза де Келюсъ. Король далъ сей молодой супругѣ Маркиза небольшой пенсіонъ, и подарилъ ей ожерелье въ 10 тысячъ ефимковъ. Гжа. Менпенонъ, зная, что ея племянница, будучи еще такъ молода, не могла быть въ придворной свитѣ, принудила ее остаться на время у мачихи; но спустя годъ, дали ей отдѣльныя комнаты въ Версаліи и препоручили Гжѣ. Монтеврейль смотрѣніе за ея поведеніемъ.

Презрѣвъ совѣты тетки своей и слѣдуя своей наклонности, она вступила въ тѣсную связь съ Гжею. Дю-

шессою (*), что и было причиною ея несчастія. Напрасно говорила ей тетка: къ симъ людямъ должно имѣть только уваженіе, но отнюдь не вступать съ ними въ тѣсную связь; ибо всѣ худое въ поступкахъ Дюшессы будутъ приписывать тебѣ, а все хорошее будутъ приписывать одной только ей. Гжа. де Келюсъ, будучи одобряема въ своихъ шуткахъ Принцессою, позволила себѣ однажды дерзкія шутки на щетъ набожничества Гжи. де Монтеврейля. Королю было о томъ доложено, и онъ, найдя въ сихъ шуткахъ нечестіе, приказалъ Гжѣ. де Келюсъ удалиться отъ Двора.

Она долго была въ ссылкѣ — и по возвращеніи изъ оной, долго еще не могла придти въ милость у Короля, который почиталъ ее вѣтреною кокеткою. Но Гжа Ментенонъ, которая

(*) Дѣвица де Нантъ, дочь Людовика XIV, и Гжа. Монтеспанъ, жена Дюка Бурбонскаго, сына Великаго Конде.

всегда съ большимъ искусствомъ умѣла торжествовать надъ предубѣжденіями сего Государя, успѣла отвратить оныя и отъ своей племянницы.

По смерти Людовика XIV Гжа. де Келюсъ основала пребываніе свое въ Парижѣ. Всякой разъ, какъ отъ Гжи. Ментенонъ получала она позволеніе посѣтить Сен-Сиръ, спѣшила онымъ воспользоваться. Предъ смертію своей тетки жила она тамъ восемь дней. Многіе изъ друзей Гжи. де Келюсъ, зная точно, что ей должно быть точно всё извѣстно случившееся при Дворѣ, чему въ прежнее время она была очевидною свидѣтельницею, просили ее описать оное въ письмахъ. Она, исполнивъ ихъ желаніе, совершила сей безцѣнный трудъ и дала сей книгѣ скромное названіе Воспоминаній. Она собрала также нѣсколько своихъ писемъ. Приведенное здѣсь письмо къ Гжѣ. де Ментенонъ даетъ нѣкоторое понятіе о ея слогѣ:

Письмо къ Гжѣ Ментенонъ.

20 Сентября 1715.

Какъ для меня приятно вставать рано по утру! Я вижу изъ окна всё мое государство — и горжусь, видя управляемыхъ моими законами 12 куръ, пѣтуха и 8 цыплятъ, вида погребъ, которой передѣлываю въ чуланъ — корову, которая пасется при входѣ въ садъ. Но терпѣніе мое не долго продолжится. Я не осмѣливаюсь просить Гжу. де Верри терпѣть мою корову. Ахъ, довольно и того, что она и меня терпитъ! Однако я увижу, что сдѣлаетъ покровительство Гжи. де Клермонъ, коей я себя препоручаю. Я попрошу тѣми словами, какими вы ко мнѣ пишете, чтобъ прислали ко мнѣ Давона — или вашу фаворитку — или бѣдную мою малютку Мушё. Мой Бранди пріѣхалъ гораздо болѣе, чернѣе и гораздо румянѣе, нежели какъ вы можете себѣ представить. Я очень довольна чувствами, какія онъ мнѣ изъ-

являетъ. Бѣдненькой мальчикъ! онъ желаетъ быть въ Сен-Сирѣ — и думаетъ только какъ бы туда добраться, не зная того, что къ мѣсту вашего уединенія гораздо труднѣе имѣть доступъ, нежели ко Двору. Я разскажу Герцогинѣ Ноалье все то, что вы пишете ко мнѣ, какъ къ истинной своей племянницѣ, а притворная племянница не будетъ жалѣть, видя планы своей тетки безуспѣшными. Бѣдная Барневаль еще здѣсь — но только на восемь дней у Гжи. Бранка, а послѣ сего она не знаетъ куда преклонить свою голову. Я очень бы желала взять ее къ себѣ. Гжа. Ельбефъ, дѣвица де Малли, Гжа. де Помпадуръ, Госпожи Ремиремонъ и Еспинуа, Маршалъ Говарьѣ спрашивали меня объ васъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто вы всё еще были Монархиней всего свѣта. Гжа. Дого должна писать къ вамъ вчера: мы увидѣлись съ нею у обѣдни въ Кармѣ, куда я хожу чрезъ садъ; но толь-

ко ето продолжится не долѣе, какъ и свобода моей коровы — до пріѣзду сей Дюшессы.

Прощайте, любезная моя шетушка!

Гжа. де Келюсъ умерла 15 числа Апрѣля 1729, 56 лѣтъ.

МАРКИЗА ДЕ ГАНЖЪ.

Если красота, богатство и даже самая добродѣтель недостаточны для благополучія женщины; если при всемъ томъ бываетъ она жертвою злобы людей: то можно ли не сожалѣть о томъ прекрасномъ полѣ, коему отъ Природы даны въ защиту нѣжность и слезы!

Марія де Россанъ, Маркиза де Ганжъ, родилась въ Авиньонѣ 1657 года; она была дочь Гна. Россанъ и Гжи. де Жоанисъ. Въ молодости своей была она извѣстна подъ именемъ Шапобланъ. На 13 году вышла она

за мужъ за Маркиза де Кастеллана, который представилъ ее ко Двору, гдѣ она приобрѣла отъ всѣхъ уваженіе, и получила имя прекрасной провинціалки. Вотъ портретъ ея, начертанный одною изъ ея современницъ: „алый румянецъ оживлялъ бѣлое лицо ея, коему черные волосы, распускаясь по алебастровой груди ея съ необыкновенною пріятностію, придавали еще болѣе прелести; смотря на нее, не льзя было не удивляться столь чудесному соединенію цвѣтовъ и такому искусству природы. Живыя и выразительныя черты лица ея и стройность во всѣхъ частяхъ тѣла придавали еще болѣе важности полному и круглому лицу ея. Большіе правильные глаза ея, черные, подобные гагату, прекрасныя уста съ прекрасными зубами производили во всякомъ невольное очарованіе. Прелестнѣйшій носъ, какой только можно себѣ представить, придавалъ чертамъ лица ея величіе. Ея руки, станъ, поступь, осанка были совершенны и

прекрасны, что нечего было желать для приятнѣйшаго изображенія красавицы.

Бракъ ея съ Г. де Кастелланомъ былъ щастливъ; но ето щастіе не долго продолжалось. Маркизъ погибъ при кораблекрушеніи; Марія будучи 19 лѣтъ, возвратилась къ своей матихѣ, Г-жѣ Дамню. По окончаніи ея траура, она окружена была толпою обожателей, которые искали руки ея. Для избѣжанія ихъ домогательствъ, она возвратилась въ Авиньонъ, и заключила себя въ монастырь. Г. де Ларридъ, Маркизъ де Ганжъ, который почитался при Дворѣ прекраснѣйшимъ мущиною, всячески старался извлечь ее изъ сего уединенія, и былъ столь щастливъ, что возвратилъ ее свѣту. Она согласилась за него выти; ихъ бракъ совершился въ 1558 году. Но какъ опасно судить о человѣкѣ по наружности! Маркизъ де Ганжъ подъ прекрасною наружностью, скрывалъ самое звѣрское серд-

не, и немного спустя послѣ совершенія брака, обнаружилъ онъ сіе, предавшись необузданной ревности. Но ето еще ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что судьба готовила для нещастной Маркизы. Въ нее влюбились Аббатъ и Кавалеръ де Ганжъ, ея деверья. Первый умѣлъ всякіе принимать на себя виды: казался добродѣтельнымъ и порочнымъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Онъ управлялъ умомъ Кавалера и Маркиза, которымъ оказалъ нѣкоторыя услуги. Послѣдній хотя имѣлъ не столь ненавистный характеръ; однако страсти вводили его въ заблужденіе, и побуждали слѣдовать всему тому, что почиталъ онъ возможнымъ для удовлетворенія онымъ. Оба они объяснились въ своей любви Маркизѣ, которая извѣстила свое негодованіе Аббату; Кавалера приняла она не съ такою жестокостію. Аббатъ думалъ, что въ снизхожденіи Маркизы къ его брату какъ нибудь замѣшивается нѣжное признаніе ея въ любви; хотя Кавалеръ симъ и не занимался. Но когда они

выведены были изъ заблужденія: то сильная любовь ихъ превратилась въ явную ненависть — и они стали вымышлять средства къ отмщенію. Съ сего времени, Аббатъ старался поселить въ душѣ Маркиза подозрѣніе къ его супругѣ, употребляя къ тому всѣ возможныя клеветы; но видя, что оныя не имѣли никакого успѣха, рѣшился отравить Маркизу, положивъ мышьяку въ сливки, для нее приготовленныя. Пріемъ былъ не такъ силенъ, или молоко уменшило силу яда; Маркиза де Ганжъ почувствовала отъ того только слабую боль, и никого въ томъ не подозрѣвала. Спустя нѣсколько времени, Маркиза получила богатое наслѣдство, которое на малое время возвратило ей прежнія ласки ея супруга.

По прошествіи зимы, Г. де Ганжъ сдѣлалъ ей предложеніе, ѣхать на лѣто въ загородный его домъ. Къ своему нещастію, она согласилась на то, и какъ будто бы имѣя нѣкоторое предчувствіе будущей напасти, предъ

отъѣздомъ своимъ, написала духовное завѣщаніе, дѣлая мать своею наслѣдницею, съ такимъ условіемъ, чтобы сія, послѣ смерти своей, признала наслѣдниками ея сына и дочь, которые еще были въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ. Въ тоже самое время объявила она въ присутствіи Авиньонскаго Магистрата, что если бы послѣ сего завѣщанія воспослѣдовало какое либо другое: то она не признаетъ такого дѣйствительнымъ. Г. де Ганжъ сначала за ничто почиталъ два сіи акта; но какъ скоро узналъ, что они дѣйствительны: то поклялся отмстить своей супругѣ, и употребилъ Аббата орудіемъ къ исполненію безчеловѣчныхъ своихъ умысловъ. Между тѣмъ скрывалъ онъ свой гнѣвъ, дабы не помѣшать отъѣзду Маркизы въ замокъ. — Она пріѣхала въ сіе роковое мѣсто, и тамъ, для внушенія ей большаго довѣрія, даны были для пріѣзда ея весьма блистательныя празднества. Маркизъ расположивъ все скрытно, что-

бы жертва его не могла избѣжать его мщенія, возвратился въ Авиньіонъ. Спустя нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, Аббатъ, изъявляя Маркизѣ живѣйшее участіе свое въ ея положеніи, совѣтовалъ ей уничтожить свое завѣщаніе и сдѣлать другое въ пользу своего мужа. Маркиза послѣдовала его совѣту; однако не уничтожала объявленія, сдѣланнаго ею въ Магистратѣ.

Вѣроломный Аббатъ увидѣвъ, что наступило время поразить свою жертву, выжидалъ только удобнаго случая для произведенія сего въ дѣйство. Мая 17го дня, 1667 года, представился ему одинъ удобный случай. Маркиза хотѣла принять чистительное лѣкарство — самъ Аббатъ составилъ ей оное. Однако Маркиза замѣтивъ, что оно было черно и густо, отвергнула оное, и приняла вмѣсто сего, бывшія у ней пилюли. Неистовый Аббатъ озлобившись такою неудачею, прибѣгнулъ къ другому средству. Онъ тотчасъ раз-

велѣ мышьякъ и сулему въ крѣпкой водкѣ, и пришелъ къ Маркизѣ, держа въ одной рукѣ сей составъ, а въ другой, пистолетъ. Въ самую сію минуту вошелъ Кавалеръ, вооруженный шпагою. Аббатъ брося на Маркизу взоръ, сверкающій мщеніемъ, сказалъ ей: Вамъ должно умереть — выбирайте шпагу, пулю, или ядъ. Тщетно старалась нещастная тронуть ихъ своими слезами! Какъ! и вы требуете моей смерти! сказала она плачевнымъ голосомъ кавалеру: злодѣй отвѣчалъ ей: Рѣшайтесь, или мы сами рѣшимся." Видя, что нѣтъ никакой надежды, смягчить сердца сихъ извер говъ, Маркиза беретъ чашу, и возведя очи къ небу, выпиваетъ ядъ: но кавалеръ примѣтя, что ядъ отсѣлъ на дно сосуда, велѣлъ Маркизѣ выпить все до дна. Она повиновалась; но взяла такую предосторожность, что положивъ оной въ ротъ, держала за щекою, выжидая благопріятной минуты его выплюнуть; что и сдѣлала, ложась на постель- —

Тогда она начала умолять сихъ злодѣевъ, чтобы не погубили души ея и позволили въ послѣднія минуты жизни ея принести покаяніе. Они вышли, заперевъ за собою двери. Какъ скоро увидѣла она себя внѣ опасности: то встала, поспѣшно одѣлась и не страшась новой опасности, выскочила изъ окошка, бывшее на заднiй дворъ, вышиною въ 22 фута отъ земли. Отъ сего паденія лишилась она чувствъ; но пришедши въ себя, первое ея стараніе было, положить пальцы въ ротъ, и тѣмъ понудить себя къ рвотѣ. Въ ето время видитъ она конюха, бросается къ ногамъ его, умоляя спасти жизнь ея. Онъ взявъ ее на руки, отдалъ подъ присмотръ женщинамъ.

Между тѣмъ Аббатъ и Кавалеръ вездѣ ее искали. Маркиза узнавши объ етомъ, тотчасъ пустилась въ бѣгство. Но злодѣи догнали ее и силою принудили остаться въ домѣ у одного человѣка, по имени Дюпра — и какъ народъ собрался къ дверямъ сего

дома: то Аббатъ, стоя предъ онѣми, и держа пистолетъ въ рукѣ, грозилъ размозжить голову первому, кто отважится къ нему подойти. Дюпра былъ въ отсутствіи, но жена его, хотя имѣла похвальное намѣреніе помочь Графинѣ; однако не осмѣлилась оказать сей помощи; потому что Кавалеръ съ страшнымъ видомъ смотрѣлъ за нею. Между тѣмъ сія нашла средство обмануть стражу, и дала Графинѣ нѣсколько кусковъ прошивоядного лѣкарства, которое она тотчасъ и проглотила. Не смотря на сію предосторожность, ядъ жегъ ей внутренность, и грудь ея начинала чернѣть. Она попросила воды; но Кавалеръ поднеся стаканъ ко рту ея, разбилъ его объ ея зубы, сказавъ предстоящимъ, что не льзя лучшей подать помощи сестрѣ его. Всѣ удалились. Тогда Кавалеръ озлобленный тѣмъ, что жертва его столь долго борется съ смертію, дважды шпагой ударилъ ее въ грудь. Умирающая Графиня едва допацилась до две-

рей, и слабымъ голосомъ усиливалась призвать къ себѣ на помощь. Бѣшенство Кавалера увеличивается; онъ наноситъ ей еще пять ударовъ, и отломокъ его шпаги остается въ плечѣ ея. Собравшіеся въ ближней комнатѣ прибѣгаютъ на крикъ умирающей Маркизы. Какое страшное зрѣлище! Ее находятъ съ разтрепанными волосами, плавающую въ крови своей; блѣдная смерть показывалась на лицѣ ея. Кавалеръ предается бѣгству; но Аббатъ, ревностно участвовавшій въ злодѣяніи своего брата, вбѣгаетъ въ комнату, и выстрѣливаетъ въ Маркизу изъ пистолета; но пуля пролетѣла мимо.

Между тѣмъ какъ ето чудовище спѣшитъ догнать Кавалера, о Маркизѣ прилагаютъ всевозможныя стараніа: останавливаютъ ліющуюся кровь изъ ранъ ея, и узнаютъ, что раны ея не были смертельны. Надобно вынащить изъ плеча обломокъ шпаги: „Не бойтесь, говорила Маркиза, наступите только колѣномъ на мое

плечо: я еще въ силахъ выдержать ему операцію!

Сіе происшествіе тотчасъ разнеслось по городу. Правительство и все окружное дворянство приняло сторону Маркизы; опредѣлено было преслѣдовать убійцъ; однако они сѣли на корабль близъ Ажды.

Маркизъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ, что его братья причинили такую тревогу, желая освободить его отъ жены. Онъ возвратился въ замокъ свой, какъ будто бы ничего не зналъ, и не принималъ никакого участія въ такомъ злодѣйствѣ. Маркиза изъявила ему всѣ знаки любви, и всѣ свои несчастія приписывала его отсутствію. Онъ притворился огорченнымъ; однако обнаружилъ злой характеръ свой, прося Маркизу отмѣнить протестъ ея въ Авиньонѣ, и объявить его недѣйствительнымъ. Тогда она увидѣвъ ясно неисповѣдство своего мужа, просила перевести ее въ Монпелье къ матери своей. По излѣченіи ея ранъ, совсѣмъ и не ожи-

дали какихъ либо послѣдствій яда. Полнота и цвѣтъ ея лица въ томъ обманулъ медиковъ. Послѣ того почувствовавъ столь сильную боль, увидѣла она приближеніе послѣдняго часа своего. Она съ усердіемъ выполнила всѣ обряды религіи, и заклинала сына своего, представить за нее мщеніе Богу и правосудію Его. 5го Мая, 1667го года, въ 4 часа вечера, несчастная сія скончалась послѣ 39 ти дней страданія.

Маркизъ былъ взятъ подъ судъ; но какъ доказательства къ его обвиненію найдены не столь сильными: то и былъ освобожденъ. А братья его, по причинѣ неявки ихъ въ судъ, осуждены были на колесованіе. —

ДѢВИЦА ЕССЕ.

Дѣвица Ессе родилась въ землѣ Черкассовъ; по словамъ того купца, который продалъ ее, она была дочь Черкасскаго Князя. Вотъ что, по крайней мѣрѣ, точно извѣстно объ ея происхожденіи и дѣтствѣ!

Г. де Ферріоль былъ Французскимъ посломъ въ Константинополѣ. Въ 1698 году, купилъ онъ у торговавшаго невольниками купца, дѣвочку около четырехъ лѣтъ. Она похищена была вмѣстѣ со многими дѣтьми изъ одного Черкесскаго городка, Турками разграбленнаго. Дѣтскія ея прелести обратили на нее вниманіе Посла и онъ выбралъ ее изъ большаго числа нещастныхъ ея подругъ. Купецъ, безъ сомнѣнія для выгоды, чтобы болѣе получить денегъ отъ Гна. Ферріоль, увѣрилъ, что она найдена во Дворцѣ, и что она дочь Черкесскаго Князя; но кто бы она ни была — купецъ продалъ ее Гну. Ферріоль за 1500 ливровъ. Гнъ. Ферріоль былъ не женатъ, а посему

и не могъ дать сей бѣдной сироткѣ воспитанія, соразмѣрнаго той любви, которую онъ питалъ къ ней. И такъ, онъ ввѣрилъ ее своей невѣсткѣ Гжѣ. Ферріоль, сестрѣ Гжи. де Тансень; дама сія прилагала болѣшее попеченіе о маленькой Ессѣ — и взяла на себя трудъ воспитать и образовать ея. Можно сказать къ чести воспитанницы, что среди блестящей славы, сопровождавшей послѣдніе годы царствованія Людовика XIV и Людовика XV, она сохранила непорочность сердца и чувствительность души. Сіи существенные достоинства — по нещастію, не принесли ей никакой пользы въ зависимомъ и подчиненномъ состояніи, въ которомъ жребій судилъ ей жить.

Гнъ. Ферріоль сдѣлался боленъ. Не смотря на хладнокровіе, которое оказывалъ онъ своей воспитанницѣ — сія послѣдняя ходила за нимъ, какъ самая нѣжная и почтительная дочь. Онъ оставилъ ей къ наслѣдство 4000 ливровъ ежегод-

наго доходу — и довольно значительную сумму денегъ, которую обязаны были заплатить ей наслѣдники.

По смерти посла, дѣвица Ессе перешла въ домъ къ Гжѣ. Ферріоль — Но тутъ она была нещастлива. Благодѣтельница ея, вмѣсто того, чтобы съ нею поступить съ тою сострадательностію, которая показываетъ истинно велякую душу — напротивъ того, упрекала ее заполученіе награжденія отъ деверя ея — и безстыдство ея даже простиралось до того, что она называла ихъ не кстати уже большими. Дѣвица Ессе не могши перенести подобныхъ непріятностей, при глазахъ Гжи. Ферріоль, бросила въ огонь данный ей Посломъ билетъ. Гжа. Ферріоль воспользовалась сею жертвою, не принявъ ни малѣйшаго участія въ столь рѣдкомъ поступкѣ безкорыстія. Безъ ошибки можно предположить, что любезная и прекрасная дѣвица Ессе имѣла большое въ свѣтѣ щастіе, и если бы она захотѣла: то могла бы имѣть цѣлую толпу

обожателей. Но сердце ея не было занято ни корыстію, ни тщеславіемъ и ничто не въ состояніи было привести у нее въ забвеніе то, что долгъ ей повелѣвалъ дѣлать. Герцогъ Орлеанскій, Правитель Королевства, предлагалъ ей свои услуги; однако она не приняла ихъ, Когда ее просили, чтобъ она соотвѣтствовала сдѣланнымъ ей предложеніямъ, и не презирала бы предстоящаго ей благополучія: то она отвѣчала, что если долѣе станутъ ее преслѣдовать: то она за нужное почтетъ удалиться въ монастырь.

Между тѣмъ дѣвица Ессе, которая умѣла прошибиться блеску богатства и щастія, не имѣла довольно силъ, чтобы защитить свое сердце отъ любви. Кавалеръ д'Еди страстно въ нее влюбился, и былъ столько щастливъ, что равно и самъ былъ любимъ. Единственное его желаніе состояло въ заключеніи союза брачнаго съ любимымъ предметомъ — а какъ онъ находился въ Малыпійскомъ

орденѣ: то уже хотѣлъ нарушить свои обязанности; но дѣвица Ессе не одобрила сего предпріятія, коего слѣдствія могли сдѣлать его безчестнымъ въ глазахъ людей, и за честь Кавалера д'Еди пожертвовала собственною своею.

Непроницаемая тайна прикрыла слабость дѣвицы Ессе. Дочь ея сначала воспитывались въ Англіи, потомъ привезена была во Францію, и помѣщена въ Санскомъ монастырѣ, подъ именемъ Миссъ Блакъ, вдовы Лорда Болинброка. Горестная мысль, что она не можетъ безъ стыда предаться полной силѣ материнской нѣжности, мало по малу ослабила здоровье дѣвицы Ессе. Она искала утѣшенія — и нашла его въ нѣдрахъ вѣры, которая подаетъ оное всѣмъ въ ней прибѣгающимъ. Наконецъ въ 1733 году она скончалась.

Дѣвица Ессе писала письма, въ которыхъ совершенно примѣтна прогательная меланхолія. Она посылала ихъ на имя пріятельницы своей

Гжи Саладень. Мы здѣсь представимъ только два изъ нихъ.

Парижъ — Іюня, 1727.

„Я только что получила письмо ваше, посланное отъ 22 числа сего мѣсяца. Тотъ день я щитаю щастливымъ, въ которой отъ васъ получаю извѣстія. Для меня весьма лестны увѣренія ваши на щетъ вашего ко мнѣ разположенія. Я скажу объ вашихъ письмахъ тоже, что Гнъ. Фонтенель сказалъ объ одной любезной ему дамѣ. Та минута, въ которую онъ видѣлъ ее, была для него блаженная — сей образъ выраженія, есть нѣсколько критической; но невѣжды не постигаютъ блаженства міра сего. — Я жалѣю объ нихъ. — Можетъ ли быть что восхитительнѣе той минуты, въ которую мы получаемъ увѣреніе въ дружбѣ отъ тѣхъ особъ, которыхъ мы любимъ и почитаемъ? — Есть много людей, совершенно неумѣющихъ нѣжно любить — и незнающихъ,

можно ли пожертвовать своимъ щастіемъ для любимой нами особы. Возблагодаримъ Бога за то, что Онъ далъ намъ доброе сердце, а васъ за твердость духа въ претерпѣнныхъ вами нещастіяхъ — чтобы сдѣлалось съ вами? Ваша любовь — человѣколюбіе — справедливость — превратились бы въ отчаяніе — жестокосердіе и несправедливость. Какъ бы ни были велики случайныя нещастія, однакожъ нещастія, нами заслуженныя, во сто разъ несноснѣе. Не думаете ли вы, что набожная расприга и молодой Кардиналъ, будучи богаты — щастливы? Нѣтъ! — Они бы охотно промѣняли мнимое щастіе свое на ваши нещастія.

Вы меня спрашиваете о дѣлахъ Гна. Понъ де Веля? — Вы объ этомъ узнаете прежде всѣхъ Журналистовъ Ему были сдѣланы лестныя препорученія, отъ которыхъ ему лучше было бы отказаться — сверхъ сего, такъ какъ онъ слабаго здоровья: то я боюсь, чтобъ мы его не лишились. Я говорю объ немъ съ большимъ огорче-

віемъ ; ибо потеря его будетъ для меня самая важная. Епоптъ человѣкъ одаренъ былъ всѣми лучшими качествами. — Онъ преисполненъ ума и доброты; его поступки со мною Ангельскіе. — Подивишесь! Съ тѣхъ поръ какъ Гнѣ. Арженталь живетъ съ нами — мы ещё въ первой съ нимъ размолвились ; но такъ размолвились, что вотъ уже четвертый день, ни слова не говоримъ другъ съ другомъ. Причина размолвки нашей была та, что онъ не хотѣлъ ишти ужинать съ своею мамерью, которая пріѣхала изъ деревни, пробывъ въ оной 8 дней. Она при всемъ собраніи, приказала ему сказать, что она ѣдетъ сего жъ вечера въ Парижъ, и тамъ пожалуется на него за то, что онъ такъ мало имѣетъ къ ней почтенія — Я его объ этомъ увѣдомила — и мы снова поцапались. Я говорила ему, что онъ долженъ былъ оставить свои удовольствія — и исполнить долгъ свой. — Коротко сказать, я сердилась на него, не забывая однако всей нѣжности и дружбы, кото-

рую къ нему питаю. — И сія-то дружба была причиною чистосердечнаго моего съ нимъ разговора. — Онъ мнѣ отвѣчалъ очень сухо — что меня такъ поразило, какъ будто громовой ударъ палъ на главу мою. — Горничная его матери тому была сидѣтельницею. — Онъ ушелъ изъ комнаты. — Четверть часа я не могла выговорить ни слова и утопала въ слезахъ. — Г. дє'Понъ де Вель, братъ Г. Аржепаля вошелъ въ комнату, и спрашивалъ меня о причинѣ слезъ; но я не въ силахъ была говорить съ нимъ. Горничная ему всё объяснила — и онъ очень удивился. — Мать его не знаетъ еще нашей ссоры; узнавши о томъ, она будетъ очень рада; ибо за нѣсколько дней предъ симъ, я играла странную роль, защищая его отъ жалобъ, которыя она на него произносила. — Какъ скоро она пріѣхала: то первое мое стараніе было, испросить извиненіе сыну ея, что его не было дома, и что я тому причиною, сказавъ, что она пріѣдетъ очень поздно,

и что если онъ восемь предъ симъ дней не пошелъ ужинать: по потому, что онъ почти совсѣмъ не зналъ особъ, составлявшихъ вашу кампанію. — Горничная тогда находилась позади меня; я этаго и не знала. — Она плакала отъ удивленія и радости. — Какъ! говорила она, вмѣсто того, чтобы жаловаться на Г. Арженталя, вы защищаете его? Я сказала Гну. Понъ де Вель, что съ сихъ поръ начинаю любить Г. Арженталя собственно для себя, а не для него. Можете ли вы, Сударыня, чувствовать въ полной мѣрѣ печаль мою? Какъ больно, послѣ 27 лѣтней дружбы — наконецъ разсориться. — Мнѣ кажется, онъ стыдится того, что произошло между нами! И вотъ почему я трогаюсь. Сердцу моему столь тяжело, что я не въ силахъ продолжать письма моего. Нѣсколько успокоившись, я примусь за него вторично.

Отъ 28 Августа 1728.

Ссора продолжалась восемь дней, и какъ требуетъ справедливость, пра-

вая сторона взяла верхъ. За силомъ я пила за его здоровье — и безъ дальнихъ изъясненій, обняла его. — Съ сего времени, мы опять всегда вмѣстѣ — вы спанете, можетъ быть, упрекать меня, что я долго къ вамъ не писала: этому причиною то, что у меня много было дѣла; однако отнюдь не то, чтобъ мало я вами занималась. — Дѣвица Бидо не совсѣмъ исполнила свое обѣщаніе; но я ещимъ нимало не огорчаюсь; спрашусь слишкомъ большихъ обязанностей. Кабаль надѣется съ вами повидаться. — Дай Богъ, чтобъ я была, также какъ и она, свободною; но я васъ непремѣнно увижу — чтобъ ни случилось, я буду у васъ — и буду непремѣнно. Я соглашусь даже просить милостыню, чтобы видѣть только любезнѣйшую сердцу моему.

Другое.

Я получила отъ васъ письмо, въ отвѣтъ мнѣ на тотъ огром-

ный пакетъ, о которомъ я очень безпокоилась, чтобъ онъ не затерялся. Новый знакъ дружбы восхищаетъ меня, и вирмы ваши я приму съ восторгомъ, потому что они произведеніе моей любезной: жалко только, что они слишкомъ часто будутъ мнѣ объ васъ напоминать. Я вамъ ето говорю истинно. Для меня столь же больно не видать васъ, сколь лестно имѣть васъ своимъ другомъ. И, если бъ я не имѣла надежды нѣкогда васъ видѣть: то не знаю право, захотѣли ли бы васъ когда либо знать Вы меня тѣмъ разстроили такъ, что я всегда сержусь. Для чего не сотворены всѣ сердца, такими какъ ваше? или по крайней мѣрѣ, для чего они не имѣютъ даже ни одного изъ вашихъ хорошихъ качествъ: — въ нихъ есть всё: непоколебимая доброта, мудрость, милость, правосудіе; но въ людяхъ всё сіе одинъ только призракъ. И маска спадаетъ при самомъ обыкновенномъ случаѣ: доброта у нихъ — одно пустое имя. Они кажутся справедливыми —

и кажутся только для того, чтобъ пересужать поступки другихъ. Ласки ихъ ничто иное, какъ холодность; великодушіе — расточительность; нѣжность — слабость; всё сіе принуждаетъ меня ежеминутно повторять, что одна ваша душа можетъ почесться совершенно доброю. Я предчувствую, что скромность ваша оскорбляется; но вы знаете мое сердце — знаете, что я говорю то, что чувствую, и я не умѣю шутить на щетъ добродѣтели. Изъ уваженія моей къ вамъ привязанности простите меня, что я своею хвалою заставила васъ стыдиться. Вы сдѣлали меня подобною Герцогу Орлеанскому, съ тою только разницею, что мысли мои еще не такъ измѣнены, и что я нахожу въ свѣтѣ хотя одну истинно разумную особу. Онъ думаетъ, что всѣ люди безчестны. Я готова слѣдовать мнѣнію его — и его часто заставляетъ меня прихотничать. Наконецъ я хочу сдѣлаться философкою — смотрѣть на всё холодно — ни чѣмъ не огорчаться

и заниматься только собственнымъ своимъ и вашимъ удовольствіемъ. — Я очень прилежно стараюсь о своемъ щастіи, чтобъ меня ничто не огорчало, и чувствую, что я теперь болѣе нежели когда-либо нуждаюсь въ бодрости. — Несносное своенравіе царствуетъ здѣсь — я взбѣшена: ибо вижу, что ето до меня касается. Публика очень строга; она судитъ не одной только наружности; нещастія мои кажутся для нее маловажными; она щитаетъ ихъ за бездѣлку; но частыя напасти не бездѣлка. Мнѣ стыдно, что я жалуюсь, видѣвши особъ гораздо меня знатнѣе и гораздо нещастнѣе. Но время позабавитъ васъ не много. Здѣсь случились два маленькія происшествія, кои я буду имѣть удовольствіе вамъ описать: вы ихъ прочитаете.

Одинъ благородный, очень богатый человѣкъ, задолго предъ симъ женился на молодой дѣвушкѣ, которая умерла, не оставивъ послѣ себя дѣ-

тей. — Родители сей дѣвушки, вздумавъ отнять у ней приданое, завели по сему случаю постыдную тяжбу, которою онъ очень опечалился — и сдѣлался болѣнъ. Человѣкъ сей хотя любилъ родство; но претерпѣнное имъ заставило его рѣшиться взять за себя безродную дѣвицу. Онъ написалъ письмо въ богадѣльню, прося Директора оной постараться сыскать дѣвушку найденыша отъ 17 до 22 лѣтъ, которая была бы высокаго росту, недурна собою, черноволосая, черноглазая, бѣлозубая; поелику съ таковою онъ хотѣлъ соединить судьбу свою. — Директоръ показалъ сіе письмо Начальнику Полиціи, который и препоручилъ ему исполненіе сей коммисіи. Онъ ее выполнилъ. — Свадебный договоръ былъ заключенъ; дворянинъ женился на ней, и прижилъ съ нею троихъ дѣтей. Наконецъ, третьяго года, послѣ своей свадьбы, она скончалась. — Когда трауръ его кончился: то онъ писалъ, подобно прежнему, письмо къ другому Директору, ибо прежняго ужъ не было на свѣтѣ —

прося его сыскать ему дѣвицу отъ 35 до 40 лѣтъ, бѣлорусую, толстую, здоровую и хорошаго сложенія, и какъ онъ проводилъ щастливѣйшія минуты въ жизни съ особою выбранною: то и теперь льститъ себя надеждою, что онъ выберетъ ему такую жъ дѣвицу, какую выбралъ тотъ Директоръ, къ которому онъ въ первой разъ относился письмомъ. Директоръ показалъ полученное имъ письмо Гну. Геро. Сей препоручилъ сію коммисію, которая была труднѣе прежней, потому что всѣ дѣвицы такихъ лѣтъ уже выпущены. Онъ нашелъ ему одну дѣвушку, не знатнаго происхожденія, которая была точно такая, какой ему хотѣлось. Назадъ тому мѣсяцъ одна изъ Принцессъ де Конти засвидѣтельствовала свадебный договоръ. — Вотъ вамъ другая исторія:

Близъ набережной живетъ одинъ человѣкъ, который около семи или осьми лѣтъ прогуливается по ней

ежедневно съ перваго до шестаго часу, во всякую погоду. Г. Геро, будучи о семъ увѣдомленъ, послалъ ему сказать, что онъ хочетъ съ нимъ поговорить. — Человѣкъ сей отвѣчалъ ему, что онъ къ нему не пойдетъ; поелику никакого не имѣетъ съ Полиціею дѣла. Г. Геро весьма на ето разсердился — пріѣзжаетъ самъ къ нему въ домъ — проходитъ четыре комнаты — и находитъ сего человѣка сидящаго предъ столомъ и читающаго; комната его была наполнена книгами. — Геро спросилъ его: почему онъ не явился къ нему, когда онъ его о томъ просилъ? Милостивый Государь, отвѣчалъ сей человѣкъ — я не имѣю щастія быть въ числѣ вашихъ друзей, и, благодаря Бога, не имѣю нужды въ Полиціи. — Ето правда, сказалъ Г. Геро, я не помню, чтобъ вы когда сдѣлали что-либо дурное; но для чего вы всегда въ одно время прогуливаетесь по набережной? Для того, отвѣчалъ сей человѣкъ, что прогулка для меня полезна и пріятна.

Чтобы вывести васъ изъ заблужденія на щетъ поведенія моего, прибавилъ онъ — я скажу вамъ, что я знатный человѣкъ, — онъ сказалъ ему свое имя. Я имѣлъ 25,000 ливровъ годоваго доходу; но время перемѣнилось — и я пользуюсь теперь только 500 ливрами. Я сталъ жить сообразно моему доходу. — сберегъ мои книги. — Рѣчной воздухъ для меня годенъ; почему я и поселился въ сей комнатѣ. — Честолюбіе побудило меня перемѣнить мое имя. — Я ѣмъ ежедневно говядину, которую прекрасно здѣсь готовятъ — встаю рано — утро употребляю на чтеніе — послѣ обѣда гуляя по набережной, питаюсь чистымъ воздухомъ. — Я очень щастливъ — ни отъ кого не зависимъ — и единообразною жизнію своею не разстроиваю своего здоровья. Г. Геро нашелъ образъ мыслей человѣка сего весьма хорошимъ. — Онъ разсказывалъ однажды объ немъ Кардиналу, который отвѣчалъ ему: что если человѣка сего по-

стигнетъ болѣзнь: то ему не чѣмъ будетъ лѣчиться. И такъ, увѣдомьте его, что Король жалуетъ ему 300 ливровъ пансіону. Г. Геро послалъ его просить къ себѣ, почитая за удовольствіе объявить ему о такой милости; но человѣкъ сей велѣлъ ему сказать, что, живя отъ него очень далеко, онъ не можетъ притти къ нему. Г. Геро пришелъ къ нему самъ и объявилъ, что Король жалуетъ ему 300 ливровъ пансіону. Онъ не принялъ ихъ, говоря, что хорошо живетъ и 500ми ливровъ — и что болѣе ему не надобно. Не смотря на сей родъ жизни, который кажется скучнымъ, онъ имѣетъ двухъ друзей, людей умныхъ, которые приходятъ на набережную разговаривать съ нимъ. Онъ знаетъ свѣтъ очень хорошо — чудакъ — имѣетъ добрую душу и чудесную способность узнавать приходящихъ людей по физіогноміи, кто изъ нихъ исправляетъ какую должность. На примѣръ онъ скажетъ: Вотъ! вотъ Государственный Казначей! ето

Гасконецъ! ето Бретонецъ! и такъ далѣе. — Прощайте, любезная! На сей день довольно. — Тысячекратно цѣлую руки ваши.

ДѢВИЦА ЛЕРИТЬЕ.

Марія-Жанна Леритье де Вилландонъ родилась въ Парижѣ, 1664 года. Мать ея называлась Жанна Клеркъ; отецъ ея былъ Казначеемъ гвардейскаго полка и Королевскимъ Исторіографомъ; онъ отличился въ Словесности. Послѣ сего не должно удивляться тому, что дѣвица Леритье получила воспитаніе, соотвѣтствующее желанію ея родителей, и что оное столь скоро открыло въ ней способности.

Прежде нежели приступимъ къ показанію ея сочиненій и къ разбору лучшихъ изъ нихъ, мы нѣчто скажемъ объ ея характерѣ. Она, если можно вѣрить словамъ современныхъ ей писателей, имѣла нихій и вѣжли-

вый нравъ, была постояннымъ и великодушнымъ другомъ. Связи, которыя съ кѣмъ-либо она имѣла, окончились вмѣстѣ съ ея жизнію, и день ея смерти былъ днемъ печали для всѣхъ знавшихъ ее. Всякую недѣлю по Воскресеньямъ и середамъ бывали у ней собранія ученыхъ людей, изъ коихъ всякій ревностно старался занять первое мѣсто въ ея сердцѣ. Не смотря на посредственность своего состоянія, во всѣ дни сіи дѣлала она нѣкоторое угощеніе, коего пріятность была главнымъ достоинствомъ онаго; однако сей маловначущій расходъ сдѣлалъ разстройку въ ея хозяйствѣ, и если бы Г. де Шовелень, Министръ и Государственный Казначей, не исходатайствовалъ ей въ 1728 году пенсіи, состоявшей изъ четырехъ сотъ ливровъ: то подъ конецъ жизни своей она была бы очень нещастна.

Творенія дѣвицы Леритье суть: обожаніе (Apotheose) дѣвицы Скудери, стихами и прозою; Пышность

Дофины (la Pompe Dauphine); гробъ Дофина, Дюка Бургонскаго; переводъ Героидовъ Овидія; гоненіе судьбы (les Caprices du destin) и черная башня. Сіе послѣднее твореніе подало случай Гну. Седенъ сочинить прекрасную оперу: Рихардъ львиное сердце, которую безсмертный Гретри положилъ на музыку. Вотъ разборъ черной башни:

Рихардъ, львиное сердце, пойманный людьми Императора Леопольда на обратномъ пути изъ Палестины, былъ посаженъ въ башню, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Тщетно приверженные къ нему военачальники и вѣрные подданные дѣлали строжайшія розысканія, стараясь открыть мѣсто его пребыванія, и не получа никакого объ немъ извѣстія, по шестнадцати-мѣсячномъ безполезномъ развѣдываніи, потеряли всю надежду и перестали искать его. Одинъ только Блондель де Нель продолжалъ развѣдывать объ немъ. Сей Французскій дворянинъ, одолженный своимъ щастіемъ Королю Ри-

харду, долгое время странствовалъ по Германіи. Однажды находясь въ Линцѣ, по обыкновенію своему, разспрашивая хозяина, узналъ, что не далеко отъ города, при входѣ въ лѣсъ, есть древняя, чрезвычайно крѣпкая башня, въ которой подъ бдительнымъ надзоромъ содержится плѣнникъ. Онъ немедленно отправился къ сей башнѣ, сталъ ее со вниманіемъ осматривать и услышалъ изъ маленькаго окошка голосъ, который походилъ на голосъ его Государя. Послѣ сего помышлялъ о томъ, какъ бы пробраться въ темницу. Развѣдывая о смотрителѣ темницы и его семействѣ, узналъ онъ, что человѣкъ сей имѣлъ дочь, которую очень любилъ, и которую желалъ выучить пѣть, и что слуга его сдѣлался опасно боленъ, и онъ, на мѣсто его, ищетъ другаго; потчасъ Блондель пошелъ къ сему тюремному смотрителю, объявивъ желаніе свое быть у него въ услуженіи, не позабылъ къ сему прибавить, что онъ знаетъ музыку; почему и удалось ему понра-

виться всему семейству и быть принятu въ услуженіе. Симъ средствомъ Блонделю легко было взойти въ башню. Онъ видитъ Ричарда — и сей Государь сказываетъ ему, что онъ, для услажденія скуки своей въ заточеніи, сочинилъ басни и повѣствованія, изъ коихъ вотъ одно, подъ названіемъ Рикдень-Рикдонъ. Предполагается, что здѣсь говоритъ самъ Ричардъ:

„Въ одномъ изъ лучшихъ Королевствъ Европы, объ имени коего не упоминаютъ Историки — царствовалъ Государь, который мудростію, правотою души и отеческою любовію къ своимъ подданнымъ приобрѣлъ себѣ славное наименованіе Короля *великодушнаго человѣка*. Наименованіе сіе въ тѣ времена означало человѣка, преисполненнаго добродѣтелью и честностію. Тихая и дѣятельная супруга его называлась *Трудолюбою*. Они имѣли единственнаго сына, который, не будучи еще ни чѣмъ занятъ, искалъ себѣ занятій въ удоволь-

свѣзяхъ — и сіе-то самое заставило назвать его *любителемъ забавъ*. — Веселые праздники и охота составляли единственный предметъ его желаній. Однажды, будучи на охотѣ, отсталъ онъ отъ своей свиты, и проѣзжая мимо одной хижины, которая показалась ему необитаемою, увидѣлъ онъ дѣвицу ослѣпительной красоты, выходящую изъ саду; вдругъ одна весьма непріятнаго виду женщина насильно потащила ее къ ближайшей хижинѣ. У сей дѣвицы замѣтилъ онъ на боку прялицу со льномъ, а въ полѣ платья своего держала она пучекъ свѣжихъ цвѣтовъ. Старуха вырвала у нее цвѣты — бросила на землю — и ударивъ ее нѣсколько разъ довольно больно, схватила за руки и съ сердцемъ сказала ей: „Пойдемъ, непрастная, пойдемъ — пришедши домой я тебя научу, какъ повиноваться мнѣ.“ Князь остановился посмотрѣть на сіе зрѣлище, потомъ подошелъ къ старухѣ, стоявшей уже въ дверяхъ

своего жилища. Принцъ ласково сказалъ ей: Для чего, сударыня, такъ худо поступаете вы съ сею дѣвицею? Чѣмъ провинилась она и заслужила такой вашъ гнѣвъ? Крестьянка, которая была очень разсержена, и которой непріятно было, что вмѣшиваются въ ея дѣла, готова уже была сдѣлать ему грубой отвѣтъ; но взглянувъ на его платье и судя по чрезвычайному великолѣпію онаго, заключила, что человѣкъ, носящій такую одежду, долженъ быть знаменитой породы. Удержавъ свой гнѣвъ, она отвѣчала ему очень холодно: Государь мой! я наказываю дочь мою, которая всегда дѣлаетъ противное моимъ приказаніямъ. Я не хочу совсѣмъ, чтобъ она пряла — а она прядетъ съ утра до вечера. Вотъ за то-то я ее и наказываю теперь. — Какъ, сказалъ ей Принцъ, за это-то вы съ нею поступаете такъ дурно? Ахъ, добрая женщина! если вы ненавидите дѣвицу, которая лю-

бить прясть: то отдайте дочь вашу Королевѣ, моей матери. Ей очень нравится сіе занятіе — и она чрезвычайно любитъ прядильницъ. Ахъ, доброй Царевичь! отвѣчала старуха, если дура сія, по искусству своему, кажется вамъ годною для доброй нашей Королевы, вы сей часъ можете ее взять, когда вамъ угодно; — она уже давно на моихъ плечахъ — и мнѣ весьма желательно освободиться отъ нее.

„Какъ скоро она кончила сіи слова: то нѣкоторая часть изъ Принцевой свиты присоединилась къ нему, и онъ приказалъ одному изъ приближенныхъ своихъ посадить красавицу позади себя. У сей дѣвицы щеки еще были орошены слезами отъ угрозъ старухи — но слезы ея ни мало не скрывали ея прелестей. Принцъ старался ее утѣшить, увѣряя, что она своимъ искусствомъ приобрѣтетъ благосклонность Королевы. Однако бѣдная дѣвушка была столь смущена, видя себя окруженною толикимъ мно-

жествомъ мущинъ, что не слыхала и половины того, что ей говорили. Принцъ на дорогѣ узналъ, что красавица сія называлась Розаніею; лишь только онъ прибылъ во Дворецъ, то отрекомендовалъ ее Королевѣ, матери своей, какъ самую искусную и прилежную прядильницу изъ всего Государства. Королева приняла ее благосклонно — очень хвалила ея скромность и прелести, коими она была одарена, приказавъ помѣстить ее въ томъ домѣ, гдѣ находился цѣлый рядъ лучшихъ во всемъ свѣтѣ прядильныхъ становъ, и объявила ей, въ знакъ своего расположенія, чтобы она только выбрала тотъ станокъ, съ коего хочетъ начать, и къ тому прибавила ей, чтобы она ни объ чемъ не заботилась; ибо, по молодости и искусству ея, она хочетъ ее удержать у себя на долгое время и ей благодѣтельствовать. И такъ Королева опредѣлила ей прясть на всѣхъ станкахъ. Когдажъ бѣдная сія дѣвушка осталась одна: то преда-

лась чрезвычайному отчаянію; потому что она имѣла непреодолимое отвращеніе къ пряденью, и для нея было великимъ нещастіемъ заниматься нѣсколько часовъ сею работою. Правда, что когда она имѣла довольно силъ принудить себя къ оной на нѣсколько времени: то пряла весьма искусно, но съ такою медлительностію, что хотя бы она имѣла терпѣніе сидѣть съ утра до вечера: то не могла бы болѣе напрясть полвертена.

„По сему можно судить, какую печаль причиняли ей мысли Королевы на щетъ прядильнаго ея искусства. Она не могла постигнуть, какимъ образомъ выпутаться ей изъ того замѣшательства, въ которое повергнула ее злоба матери. Между прочимъ, однако она очень радовалась, что вырвалась изъ рукъ злой матери своей отъ которой она ничего не видала, кромѣ жестокости. Дворъ, къ которому она только что прибыла, и которой для нея казался блестящимъ, почитала уже для себя за пріятное мѣстопре-

бываніе.
лось в
нее оча
также
только
живо
не быв
мыслях
но без
спалъ.
прелес
на гла
сильно
что он
сею д
объ не
да онъ
ня сія
По ея
ла ос
одѣвши
колась
молоды
былъ
Одна
бы не

бываніе. — Всё, что ни представлялось въ ономъ глазамъ ея, было для нее очаровательнымъ. Она примѣчала также, что почиталась въ ономъ только искусною прядильщицею, и живо чувствовала, что никогда оною не бывала. Въ самыхъ безпокойныхъ мысляхъ проводила она ночи совершенно безъ сна. — Принцъ также не спалъ. — Трогательныя и природныя прелести Розаніи живо подѣйствовали на глаза Принца, и сдѣлали столь сильное впечатлѣніе на его сердце, что онъ, совершенно занявшись одною сею дѣвицею, проводилъ въ мысляхъ объ ней цѣлыя ночи. — Однажды, когда онъ былъ у Королевы, Государыня сія приказала позвать Розанію. — По ея повелѣнію, Розанія должна была оставить крестьянское платье; одѣвшись въ придворное, показалась она прелестною даже самымъ молодымъ дѣвицамъ Двора. — Принцъ былъ отъ того въ восхищеніи. — Одна Розанія огорчалась, боясь, чтобы неловкость ея не подала повода

удалить ее изъ столь любезнаго ей мѣста. — Въ продолженіи нѣкотораго времени она сказывалась больною, — наконецъ всѣ выдуманныя ею извиненія были пищетны и сдѣлались предметомъ, посмѣяній — стали насмѣхаться надъ мнимыми ея дарованіями. Розанія не могла выдержать такихъ обидъ — оставила Дворъ — ушла въ сады — и прогуливаясь тамъ, остановилась въ густой рощѣ на концѣ парка. Въ семъ мѣстѣ предалась она печальнымъ размышленіямъ и сказала сама себѣ, что ей осталось одно средство — умертвить себя. Въ сихъ мысляхъ она скорыми шагами приближалась къ высокому павильіону, въ намѣреніи войти въ него — и кинуться изъ окошка. Проходя ведущую къ павильіону тропинку, вдругъ увидѣла предъ собою человѣка, высокаго росту, чернаго, хорошо одѣтаго, съ мрачною физіогноміею, который принялъ смѣющійся и пріятный видъ съ сими словами: любезное дитя, сказалъ онъ, куда ты идешь?

Мнѣ кажется, слёзы текутъ изъ глазъ твоихъ. Открой мнѣ печаль свою. Не уже ли она такъ важна и велика, что я не найду довольно силъ подать тебѣ руку помощи? — Увы! отвѣчала Розанія, нѣтъ средствъ противъ печали, снѣдающей сердце мое. И такъ, нѣтъ нужды объявлять вамъ причину оной. — Можетъ быть, прервалъ незнакомецъ, помочь не такъ трудно, какъ ты думаешь, — притомъ же, повѣряя другимъ печаль, мы получаемъ нѣкоторое облегченіе. — Открой мнѣ нещастія свои — кому бы ты ихъ ни повѣствовала, никто не приметъ въ нихъ такого участія, какъ я! — „Поелику вы такъ усильно меня просите, возразила Розанія: то я хочу вамъ разсказать всё, до меня касающееся.“ — Послѣ сихъ словъ прибавила она: „Вы видите, что нѣтъ средствъ для облегченія моихъ нещастій.“ Между тѣмъ со вздохомъ продолжала она: я надѣюсь избавиться отъ мученій; я нашла уже и средство. — Но если вмѣсто пагубнаго средства,

возразилъ незнакомецъ, кто-нибудь предоставилъ бы тебѣ безопасное и неепріятное средство для избѣжанія твоихъ золъ: то не была ли бъ ты обязана любить того и сдѣлать также нѣчто въ его пользу? Всё, что только въ состояніи буду сдѣлать, отвѣчала скоро Розанія, я всѣмъ готова для тѣхъ жертвовать, исключая честность и то, что мнѣ повелѣваетъ долгъ мой. — Если ты такъ думаешь, возразилъ незнакомецъ, то я съ удовольствіемъ готовъ служить тебѣ. — Но сдѣлаемъ прежде уговоръ. Видишь ли сей маленькой прутъ: онъ имѣетъ чудесныя свойства. Какъ скоро ты коснешься имъ до какой бы то ни было пряжи или льну: то онъ напрядетъ въ день столько, сколько угодно, и такъ тонко, какъ ты пожелаешь. Онъ еще имѣетъ и ту силу, что какъ скоро имъ дотронуться до шерсти, шелку, или какой бы то ни было матеріи: то онъ сотчетъ изъ нее самую лучшую въ свѣтѣ шкань и столь славныя

произведенія, которыя въ превосходствѣ своемъ поспорятъ съ самыми лучшими издѣліями. Я осужаю васъ симъ чудеснымъ прутомъ съ такимъ условіемъ: если съ сего дня, три мѣсяца, когда я ни приду искать моего прутика, возвращая мнѣ его, окажете: Рикдень-Рикдонъ! вонъ прутикъ вашъ! Я возьму его опять съ тѣмъ, чтобъ вы не имѣли никакихъ разсужденіи меня обязанностей; но если въ назначенный день не вспомните моего имени, и скажете мнѣ просто: вотъ прутикъ вашъ: тогда я сдѣлаюсь властелиномъ вашей участи — поведу васъ куда мнѣ заблагоразсудится — и вы обязаны будете за мною слѣдовать. —

„Розанія нѣсколько времени задумалась и не знала, что отвѣчать. — Но названіе Рикдень-Рикдонъ она не почла трудным; почему и рѣшилась принять благодѣтельное вспомоществованіе прутика. Она уже тайно восхищалась удовольствіемъ, что унизитъ гордость своихъ

подругѣ тонкими нитями, которыя спрядетъ ей пушикъ. — Господинъ Рикдень-Рикдонъ! сказала она: Я принимаю ваше условіе, если вы къ нему прибавите еще и то, чтобы пушикъ вашъ имѣлъ также даръ давать матеріямъ и платьямъ хорошій видъ и пріятность, посредствомъ бы коихъ онѣ каждому нравились. Если вы можете обогатить сей пушикъ, столь уже полезный, сею весьма нужною въ работѣ способностью: то я на все согласна. — Ахъ! вскричалъ Рикдень-Рикдонъ, нѣтъ ничего легче исполнить вашу прозьбу. — Я и товарищи мои никогда не отказываемъ особамъ вашего пола въ дарѣ хорошо прясть, если онѣ хотя мало съ нами живутъ въ согласіи, — по сему-то и можно видѣть въ свѣтѣ двенадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, которыя, ничего не понимая, ткутъ съ удивительнымъ искуствомъ, и такъ прекрасне ставятъ мушки, какъ бы пятидесятилѣтняя женщина. И такъ, я васъ увѣряю, что какъ скоро вы коснетесь пруши-

комъ моимъ вашихъ шканей и платья, то немедленно увидите на нихъ блестящія прелести моды. Я согласна, отвѣчала Розанія .... Однако надобно въ томъ покляешься, прервалъ рѣчь ея незнакомецъ. Чтожъ такое? отвѣчала Розанія. — Я клянусь — клянусь самыми ненарушимыми клятвами. Дѣло сдѣлано, сказалъ Рикдень-Рикдонъ: и такъ какъ обѣщанія ваши, прекрасная, не сомнительны: — то слуга вашъ — до свиданія. — При сихъ словахъ онъ вручилъ ей прутикъ — и самъ скрылся.

„Лишь только Розанія получила въ полное свое распоряженіе прутикъ: то не медля дотронулась имъ до своего убора и платья, поглядѣлась въ ближайшемъ ручейкѣ и сама себѣ столько удивилась, видя себя столь прекрасною и прелестною, что его условіе почла весьма выгоднымъ. — Она пошла съ радостію прямо во Дворецъ — и ушла въ свои покои, быкъ столь восхищена обладаніемъ прута, что въ восторгѣ забы-

ла и того, который ее ссудилъ онымъ. Радость также помѣшала ей заснуть, какъ и тѣ безпокойства, въ коихъ она провела первую ночь во Дворцѣ; всѣ часы, опредѣленные для сна, провождала она въ приятныхъ размышленіяхъ, кои доставляли ей болѣе удовольствія, нежели самый сладкій сонъ. Когда уже совершенно разсвѣло, она встала, и прутикъ ей теперь служилъ вмѣсто лучшей горничной дѣвушки. Она не замедлила также испытать силу его надъ пукомъ Королевина льна, который могуществомъ очаровательнаго сего прутика мгновенно превратился въ лучшія Фландрскія нитки. — Розанія, восхищенная успѣхомъ прутика, взяла нѣсколько напряденныхъ нитокъ и не удержалась, чтобы не показать ихъ Королевѣ и дать замѣтить, что самая искусная и прилежнѣйшая въ мірѣ прядильница не много развѣ чѣмъ болѣе можетъ напрясть въ продолженіи дня. — Подъ вечеръ она ожидала того времени, въ которое Королева должна была

итти прогуливаться, — Какъ скоро Государыня сія показалась: то она донесла ей, что освободившись отъ спазмовъ и насморка, провела она день въ трудахъ, и что беретъ смѣлость представить ей плоды дневныхъ занятій своихъ. — Королева, осмотрѣвши ихъ, была въ восхищеніи; но еще болѣе удивилась, когда Розанія сказала ей, что она также мастерица ткать обои. Она исполнила ея прозьбу, и между прочимъ Розанія получила позволеніе употреблять нѣсколько времени на пріятное отдохновеніе и работашь одной въ своихъ покояхъ.

„Слѣдующій день Розанія провела въ весельи, а ночь во снѣ. Хотя она и забыла имя владѣтеля прутика; однако мало помышляла о семъ забвеніи, и когда о томъ вспомнила: то была въ великомъ безпокойствѣ; ибо она точно знала, что ей сего имени не вспомнить, и что ей будетъ стоить большаго труда опять его къ себѣ призвать. И такъ слѣдующіе три мѣсяца, въ теченіи коихъ она могла спокойно пользоваться чудесны-

ми силами прутика, казались ей столь же продолжительными, какъ для другаго цѣлые полвѣка. Между тѣмъ Принцъ единственно занятъ былъ своею любовію; увеселенія, которыя онъ прежде столько любилъ, не доставляли ему болѣе никакого удовольствія. — Охота и зрѣлища были для него совершенно уже неприятны — и онъ тамъ скучалъ, гдѣ не было Розаніи. Видѣть ее — говорить ей о любви своей — доказывать оную важными услугами, было единымъ предметомъ желаній Принца. Принужденіе, какое онъ долженъ былъ терпѣть, перемѣнило характеръ его. — Между его придворными былъ одинъ весьма старательной молодой Кавалеръ, великаго ума, по имени *Добросовѣтовъ*, которому повѣрилъ онъ свою тайну, и *Добросовѣтовъ*, имѣя быстрый умъ, нашелъ средство услужить ему. Какъ онъ всюду слѣдовалъ за Принцемъ своимъ: то когда сей встрѣтился въ одномъ мѣстѣ съ Розаніею, онъ такъ умѣлъ занять Ви-

гиляншину, Гувернершу прекрасной прядильщицы, что Принцъ имѣлъ довольно времени говорить съ Розаніею о любви своей. Онъ сдѣлалъ ей столь сильныя и живыя представленія, что она была ими тронута; но какое чувство овладѣло прекрасною, когда она говорила ему, что пламя сіе должно быть потушено! Имѣя благородную душу, она не могла согласишься быть его наложницею; не бывъ столь знатнаго происхожденія, она не могла сдѣлашься его супругою. Принцъ отвѣчалъ ей, что брачный союзъ Царей съ пастушками совсѣмъ не новое дѣло. Наконецъ онъ говорилъ съ нею такъ страстно и такъ откровенно, что красавица совершенно увѣрилась, что любовь его истинна и непорочна — и позволила ему говорить объ оной, съ обѣщаніемъ однако свято хранить данную ей въ вѣрности клятву. — Съ сего времени сердца сихъ двухъ любовниковъ начали понимать другъ друга — глаза ихъ слѣдовали влеченію сердца —

и изъясняли тайныя чувствія души своей. — *Добрсовѣтовъ* хотя умѣлъ скрывать ихъ сношенія, однако не всегда былъ такъ щастливъ — привязанность Принца сдѣлалась подозрительною. — Объ ней въ тожъ время донесено было Королю и Королевѣ. — Король не много безпокоился о сей наклонности своего сына, которую почиталъ онъ за кратковременную; что же касается до Королевы: то она столь твердо надѣялась на добродѣтель Розаніи, что въ привязанности сей ничего не находила дурнаго.

„Между тѣмъ прекрасная дѣвица сія превожима была безпокойствами, которыя едва могла скрыть, и которыя причиняло ей забвеніе имени Рикдень-Рикдона. Она чувствовала, что срокъ, предписанный владѣтелемъ драгоцѣннаго прутика, для обращаго полученія, со дня на день приближался. Странное имя сего человѣка никакъ не приходило ей на память. Тщетно объ нѣкотораго времени употребляла она тысячу средствъ, чтобы вспо-

мнить его; но все было тщетно. Она знала также и то, что ежели роковое имя сіе не придетъ на память: то ненарушимая клятва обязывала ее слѣдовать за владѣтелемъ пруссика туда, куда будетъ ему угодно. Хотя она худо писала, однако ей хотѣлось попытать щастія, не удастся ли ей найти столь сильно желаемое ею имя. Она была въ сильномъ движеніи, когда написала Рикденъ — потомъ Рикордонъ — и наконецъ Рикдонъ; но если въ нѣкоторыя минуты увлекалась она радостію, думая, что желаемое ею имя воспоминается: то въ ето же время приходила въ отчаяніе, будучи предубѣждена, что представляющіяся ей имена несправедливо почитаетъ она сходными съ тѣмъ, которое ей нужно; поелику они не доставляли ей надлежащаго средства къ приведенію на память подлиннаго имени. —

„Принцъ, тревожимый безпокойствіями, которыя замѣчалъ въ Розаніи — поѣхалъ на охоту съ тѣмъ, чтобы тамъ

разсѣять печаль свою, которую причиняла ему прекрасная Розанія. Однажды онъ отсталъ отъ своихъ людей, и въ глубокой задумчивости такъ отъ нихъ удалился, что ночь застигла его прежде, нежели они могли найти его. Проѣзжая чрезъ одно пустое мѣсто, близь стараго развалившагося замка, который казался необитаемымъ, онъ примѣтилъ въ немъ большой свѣтъ — приближился къ окнамъ залы, кои были совершенно открыты и испорчены — онъ смотрѣлъ сквозь окружающія ихъ дерева. При синеватомъ свѣтѣ, онъ увидѣлъ множество людей отвратительнаго вида и въ странной одеждѣ. Посреди ихъ находился сухой и черной человѣкъ, съ страшнымъ видомъ и ужаснымъ взоромъ. Онъ, казалось, весьма былъ веселъ, скакалъ и прыгалъ съ неизъяснимою радостью. — При семъ страшномъ зрѣлищѣ Принцъ почувствовалъ содроганіе, не сомнѣваясь, что сіи особы должны быть жители адскіе. — Въ сей шайкѣ примѣ-

тилъ онъ женщину, которая о чемъ-то усильно просила сіе чудовище. — Нѣтъ! вскричалъ онъ — власть моя не распространяется на нее. Сказавъ сіе, онъ принялся опять плясать. Между тѣмъ, какъ Принцъ былъ безпокойнымъ свидѣтелемъ сего шуму колдуновъ, Король, отецъ его, наслаждался пріятнѣйшими минутами. Онъ узналъ тайны и происшествія, которыя его чрезвычайно обрадовали. Одна дама, которая красотою своей и благороднымъ видомъ отличалась отъ прочихъ, просила у Короля аудіенціи. — Она явилась въ сопровожденіи старика, коего лице обѣщало много хорошаго. Государь! сказала Королю дама сія — вы видите предъ собою Принцессу, которая приноситъ вамъ благодарность свою за одолженія, коими обязана она вамъ и Королевѣ, супругѣ вашей. — Не думаю, сударыня! отвѣчалъ Король, чтобъ я и Королева были столь щастливы, что могли оказать вамъ услугу. — Правда, Государь, возразила дама, что я не

собственно для себя получила отъ васъ ихъ милости, за которыя хочу я благодарить васъ; но онѣ излиты на особу, которая для меня драгоцѣннѣе меня самой — именно на Принцессу Розанію. При сихъ словахъ Король и весь Дворъ пришли въ чрезвычайное удивленіе. Даму сію выслушали съ новымъ вниманіемъ — и узнали отъ нее, что она, будучи принуждена бѣжать изъ царства своего супруга, въ то время, когда онымъ завладѣли непріятели, повѣрила воспитаніе дочери своей одной крестьянкѣ во владѣніяхъ Короля *добраго человѣка*; но вскорѣ потомъ призвана будучи подданными своими на прежній престолъ, пришла она искать ее, для возведенія ея на тронъ.

„Открытіе сіе обрадовало весь Дворъ — выключая Розаніи. Принцъ не зналъ что подумать о печали ея; нашедши время поговорить съ нею наединѣ, онъ сказалъ: Прекрасная Розанія! отъ чего проистекаетъ печаль, въ кото-

рую вы погружены? — Но тщетно старался онъ похитить изъ сердца ея тайну. Для разсѣянія скуки ея, онъ разсказалъ ей приключеніе свое въ старомъ замкѣ и всѣ разговоры дьяволовъ, имъ тамъ слышанные. Когда онъ повторялъ пѣсню чудовища: то Розанія такой произнеславонь, что онъ сначала устрашился было; но радость, показавшаяся на лицѣ ея, тотчасъ его ободрила. Она ему разсказала о своемъ приключеніи касательно прутика. Принцъ не могъ удержаться, чтобъ не сдѣлать ей выговора за то, что она столь скоро дала обязательство совсѣмъ незнакомому человѣку; но какъ мы всегда готовы прощать ошибки тѣмъ, коихъ любимъ: то онъ неблагоразуміе сіе приписалъ болѣе нѣжности возраста ея. Онъ тотчасъ написалъ имя Рикдень-Рикдона на дощечкахъ, которыя и отдалъ Розаніи. И когда сей человѣкъ, встрѣтившійся съ нею, пришелъ обратно требовать своего прутика у прекрасной Принцессы,

то она возвратила ему оной, съ сими словами: Рикдень-Рикдонъ, вотъ вашъ прутикъ! Возмите. — Розанія симъ обязана была своему любезному. Почему она съ удовольствіемъ приняла извѣстіе, что ее назначаютъ ему въ супруги. Спустя нѣсколько времени, бракъ ея великолѣпно былъ празднованъ."

Дѣвица Леритье умерла въ Парижѣ 25 Февраля, 1734 года.

МАРКИЗА ДЕ САМІАНЪ.

Полина де Гриньянъ, Маркиза де Саміанъ, родилась въ 1674 году. Она была дочь Гна. де Гриньяна, начальника надъ Провансомъ и Кавалера Королевскихъ орденовъ. Гжа. Севинье была ей съ материнской стороны бабушка. Она часто упоминаетъ объ ней въ своихъ письмахъ, подъ именемъ Полины, и говоритъ, что ей очень лестно видѣть, что она снова возра-

ждается и начинаетъ жить въ столь прекрасномъ маленькомъ твореньицѣ.

Дѣвица де Гриньянъ 1695 года вышла за мужъ за Маркиза де Саміанъ, который происходилъ изъ лучшей въ Провансѣ фамиліи.

При всей своей способности играть значительную роль въ свѣтѣ, она никогда не искала славы — но всегда довольствовалась исполненіемъ общественныхъ и семейственныхъ обязанностей. Аббатъ Вокселль слѣдующее дѣлаетъ ей описаніе: Великая, благородная и сострадательная душа — прямое чувствительное сердце — другъ истины. Вотъ отличительныя свойства въ ея характерѣ! Высокія правила вѣры, коими она была преисполнена, сохранились въ ней даже и при общемъ развратѣ. Но оныя никогда не были въ ней столь блестящи, какъ въ послѣдніе годы ея жизни, которые она проводила въ Хрістіанскихъ добродѣтеляхъ. —

Гжа. Саміанъ писала письма, которыя могутъ служить образцами. — Онѣ конечно не таковы, какъ письма Гжи. Севинье; однако и въ нихъ видѣнъ умъ, тонкость, а наиболѣе живость. Періоды — обороты, дающіе рѣчи движеніе и очищающіе ее отъ скучной монотоніи, какъ отъ предосудительнаго въ писателѣ порока. Она писала также стихи; но стихи простые, и то для своего круга знакомства, а не для славы. — На примѣръ она написала стихи въ продолженіи тяжбы, которую она имѣла съ должниками о наслѣдствѣ своего отца. —

Выигравъ свое дѣло, и получивъ послѣ отца наслѣдство, она возвратилась въ Парижъ, и довольствовалась избраннымъ ею обществомъ, коего она была душею. Она весьма слабые и притомъ очень рѣдко заслуживала упреки на щетъ своего характера. Впрочемъ недостатокъ сей былъ весьма нечувствителенъ; ибо его не искали въ ней — и онъ

не оскорблялъ никого изъ друзей ея.

Гжа. Саміанъ умерла въ Парижѣ, 2 Іюля, 1737 года.

Письма ея собраны и напечатаны; мы представимъ два изъ нихъ читателямъ — изъ нихъ можно узнать слогъ ея.

25 Іюня 1732.

„Вчерашній день вечеромъ сказали мнѣ, что вы получили мѣсто почетнаго Совѣтника въ Парламентѣ. Поздравляю васъ! Вы тотъ человѣкъ, который можетъ дать ему надлежащую силу и направленіе; мнѣ кажется, что мѣсто сіе принадлежитъ вамъ по праву, а не по случаю. Но я хочу показать вамъ, что всё отъ мала до велика, касающееся до васъ, меня трогаетъ и очень занимаетъ. Великія происшествія Парижскія отнимаютъ языкъ — и по тому видно вы такъ долго и не пишете. Государь мой! У васъ истинно доброе сердце. — Знаете ли стариннаго слугу,

котораго батюшка и матушка очень любили; сего бѣднаго, огорченнаго старика — я вамъ, Государь мой, представляю. Онъ былъ не слуга, но превосходный Скульпторъ. Во всю свою жизнь работалъ онъ въ замкахъ Гриньяно и де ла Гарда. Работа его удивительна и равняется работѣ славнѣйшихъ мастеровъ. Ему 80 лѣтъ; однако онъ всё еще работаетъ — при томъ же добрый и честный человѣкъ. — Сей сожалѣнія достойный старикъ имѣетъ единственнаго сына, подпору и утѣху въ его старости. По дерзости своей, ударилъ онъ своего сержанта, и за сей поступокъ сосланъ вѣчно на галеру. — Старикъ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ; я говорила ему о невозможности избавить сына его — онъ мнѣ показалъ письмо, посылаемое при семъ отъ Аббата Сюзе, Королевскаго духовника. Я васъ заклинаю принять сего бѣднаго человѣка какъ можно лучше — ето утѣшитъ его. — Скажите ему, что вы принимаете его подъ свое покровитель-

ство. А тамъ, со временемъ, мы посмотримъ: не льзя ли дѣйствительно помочь ему; онъ будетъ тѣмъ доволенъ; а для меня вы сдѣлаете чувствительное удовольствіе. Когда я вижу старика слѣпаго, котораго всегда видала въ замкѣ отца своего, вижу его проливающаго слезы предъ портретомъ; тогда, если бы онъ попросилъ у меня всего имѣнія: я бы, кажется, отдала ему. Напередъ увѣдомляю, что я много стану на этотъ щетъ васъ безпокоить — бодрствуйте и вооружайтесь терпѣніемъ.

Я васъ не могу видѣть ближе 7 числа; имѣю нѣчто важное сказать вамъ, о чемъ въ письмѣ не могу писать — оно и то ужь длинно. Я не кончу письма, не увѣдомивъ васъ, что Кавалеръ де Кастелланъ, согласясь съ плутомъ моимъ слугою, препятствуетъ мнѣ осьмой день войти въ новой домъ мой, подъ предлогомъ, будто все еще расписывается полполокъ. Назадъ тому два дни, показали мнѣ оной —

что̀жъ? Домъ совершенно былъ умебли-рованъ отъ доски до гвозди — всѣ окна и камины — однимъ словомъ — все волшебно въ немъ! Это совершенное очарованіе! —

Прощайте! Я имѣю непреодоли-мое желаніе обнять васъ. —

Отвѣтъ Гжи. Маркизы де Самїанъ на лисьмо Кавалера де л' Обепенъ. Государь мой! признаюсь, мнѣ очень трудно заслужить по лестное для меня мнѣніе, какое вы имѣете о моей прозорливости; я постараюсь, какъ можно пространнѣе, изъяснить догадки мои о сильныхъ ударахъ при подошвѣ вашей горы.

Сперва должно, Государь мой, по-ложить за начало, что Творецъ въ распоряженіи хаоса. . . . Позвольте! мнѣ приходитъ нѣчто въ голову та-кое, что гораздо лучше будетъ начала сей системы. Разверните по-скорѣе Донъ Кишота, посовѣтуй-тесь съ конюшимъ его Пансою; онъ слышалъ, если я не ошибаюсь, не безъ ужаса, хотя былъ въ компаніи

съ Амадисомъ, шумъ подобной тому, надъ которымъ вы ломаете свою голову, и въ тотъ же почти часъ ночи. Онъ скажетъ вамъ, что ето не что иное какъ безпорядочной стукъ суконныхъ валяльщиковъ; положитесь на его слова, я право вамъ совѣтую. — Государь мой! не вѣрьте разсказамъ селянъ. Я думаю, что вы не такъ легковѣрны; еслижъ вы не можете преодолѣть своего легковѣрія, такъ велите срыть гору, и посмотрите, что подъ нею находится. Я думаю — впрочемъ можетъ быть и ошибаюсь, что внутри горы есть нѣчто похожее на геенну, т. е. что въ ней есть жилы, въ коихъ находится изрядное количество сѣры и нефти, и которыя къ ночи, при довольной теплотѣ, вскипаютъ и отрываютъ большія глыбы земли. Ихъто, вѣроятно, крестьяне ваши называютъ демонами. Не могу изъяснить удовольствія, которое я ощущала отъ того, что вы почти неоспоримо до-

казали родство вашего источника съ нарциссомъ.

Мнѣ очень хотѣлось увѣдомить васъ о различныхъ весьма любопытныхъ вещахъ, о коихъ вы меня увѣдомили — но горы нашихъ странъ не такъ ужасны, а источники, содержащія у васъ Наядъ и множество другихъ божествъ, наполнены у насъ одною чистою водою.

Между прочимъ увѣдомляю васъ о томъ, что сельское убѣжище ваше просто, прелестно — и о томъ, что я остаюсь.

И проч., и проч.

ДѢВИЦА ДЕ ЛЮССАНЪ.

Маргарита де Люссанъ родилась въ Парижѣ 1683 года. Одни утверждаютъ, что она была законная дочь Принца Томаса Савойскаго, Графа Соассонскаго, старшаго брата славнаго Принца Евгенія; а другіе увѣряютъ, что она была дочь кучера и ворожейки Флери. Не изслѣдывая сей тайны, мы скажемъ только то, что Принцъ воспиталъ ее. Будучи десяти лѣтъ, она подавала о себѣ самую лестную надежду, какъ прилежаніемъ ея къ ученію, такъ и способностями. Можно было предвидѣть, чего со временемъ отъ нее ожидать должно. Воспитатель, видя съ восхищеніемъ, что она соотвѣтствуетъ его попеченіямъ, не щадилъ ничего для образованія ея щастливыхъ способностей. —

Однако дѣвица де Люссанъ, столь ощастливленная отъ природы умомъ, весьма обижена была ею со стороны красоты. Она была коса и чрезвычайно черна. Видя ее или слышавъ

ея рѣчь, всякой почиталъ ее мущиною. Голосъ и видъ ея отнюдь не были приличны женскому полу, хотя она имѣла душу, свойственную женщинѣ. Она была чувствительна, сострадательна, человѣколюбива, великодушна, способна къ дружбѣ, вспыльчива, добра; главноюжъ ея страстью было славолюбіе.

Когда дѣвица де Люссанъ достигла 25-лѣтняго возраста: то познакомилась съ ученымъ Гюэтомъ, Епископомъ Авраншскимъ, который склонилъ ее вступить на поприще Словесности. Она выдала въ свѣтъ: *Исторію Графини Гонде*, *Оессальскіе вечера*, *Анекдоты Двора Филиппа Августа*, *тайныя записки Французскаго Двора*, *любовныя лѣтописи Генриха II*, *Исторію Карла VIII*, *Исторію Лудовика XI*, *Марію Англинскую*, *Королеву-Дюшессу*, *жизнь храбраго Крильона*, *Исторію Неаполской революціи*, *Мурата и Тускію*, *Африканскую повѣсть*.

Между сими многочисленными твореніями Анекдоты Двора Филиппа

Августа лучше всѣхъ. Сія исторія украшена прелестными воображенія, и содержитъ въ себѣ многія истинныя и трогательныя описанія.

По множеству твореній дѣвицы Люссанъ, мы не можемъ сдѣлать разбора онымъ; но для показанія слога ея, предложимъ здѣсь нѣкоторыя мысли ея, заключающія въ себѣ превосходную нравственность:

„Нещастія самаго врага возбуждаютъ въ благородной душѣ однѣ только нѣжныя чувства сострадания.

„Можно иногда на лонѣ щастія завидовать бѣдности своего сосѣда.“ —

„Обыкновенно мы не любимъ тѣхъ людей, которые могутъ изобличить насъ; присутствіе ихъ причиняетъ намъ стыдъ, и часто мы невинно обвиняемъ ихъ.“

„Лестно заслужить всеобщее одобреніе любезной намъ особы; получаемая ею похвала оправдываетъ насъ

въ нашей слабости. Все, что ни думаютъ, что ни говорятъ хорошаго объ ней, есть всегдашняя похвала нашему выбору."

„Присвоеніе или отверженіе чужихъ достоинствъ имѣетъ часто побудительною причиною собственное наше самолюбіе."

„Величайшее наказаніе для добродѣтельнаго человѣка есть то, когда онъ перестаетъ быть добродѣтельнымъ."

„Великая душа не знаетъ ни гнѣва, ни мщенія; она забываетъ обиды и помнитъ одно только раскаяніе." —

„Стыдъ обращается въ добродѣтель, если онъ происходитъ отъ раскаянія."

Дѣвица де Люссанъ пользовалась всегдашнимъ уваженіемъ. Она была въ почтеніи и любви у Принцевъ Конде, Конти, у Графа Клермона, у Гжи Помпадуръ; скончалась въ Парижѣ 31 Мая, 1758, на 76 году жизни своей. —

ГРАФИНЯ СЮЗЪ.

Генріетта Колиньи. Графиня Сюзъ, родилась въ Парижѣ 1618 года. Она была дочь Маршала Колиньи и внука славнаго Адмирала сего же имени, коего смертію начались ужасныя убійства въ Варѳоломеевскую ночь. — Вотъ портретъ Графини; который дѣвица Скюдери начертала въ романѣ своемъ Клелія. Калліопа показываетъ спящему на Парнассѣ Гесіоду Поетовъ, коимъ должно родиться въ продолженіи временъ:

„Посмотри, говоритъ она, на ету женщину, которая представляется глазамъ твоимъ; у ней станъ Минервинъ; въ красотѣ ея находится что-то приятное, нѣжное, страстное и очень сходное съ тѣмъ прелестнымъ видомъ, въ коемъ обыкновенно изображаютъ намъ Венеру.

„Жена сія будетъ столь знаменитой породы, что одна только Царская фамилія превзойдетъ ее въ знатности. Но чтобы яснѣй тебѣ изо-

бразить ее: то знай, что она родится болѣе разумною, нежели прекрасною, хотя она, какъ ты видишь, и должна блистать тысячью прелестей.

„Великодушіе въ ней будетъ превыше всякой похвалы. Не упоминая о многихъ другихъ качествахъ, самимъ Небомъ на нее истощенныхъ, скажу, что она напишетъ столь прекрасныя Елегіи, исполненныя страсти и совершенства, что превзойдетъ всѣхъ предшественниковъ своихъ и потомковъ."

Вотъ что еще пишетъ Шарлевиль, одинъ изъ умнѣйшихъ людей XVI вѣка, котораго весьма уважала Гжа. Сюзъ:

„Графиня, самою любовью одаренная искусствомъ писать нѣжно, соединяетъ въ себѣ умъ всѣхъ девяти Музъ и красоту трехъ Грацій; во дни ощдохновенія занимаетъ насъ своими стихами; Лувръ ими восхищается, а Парнассъ славится; Сафо своимъ плѣнительнымъ умомъ приобрѣла себѣ

безсмертную славу — все съ нею сближаетъ, только единое время отъ нея отдѣлило."

Дѣвица де Колинъи въ первый разъ вышла за Шотландскаго дворянина, Ѳому Гамильтона, Графа Годингтонскаго, которой, спустя нѣсколько времени, умеръ. — Графъ Сюзъ былъ вторымъ ея супругомъ; разность характеровъ въ обоихъ супругахъ нарушила спокойствіе ихъ. Графъ, будучи отъ природы человѣкъ угрюмый, любилъ вести спокойную и одинокую жизнь. Графиня же напротивъ тогда только и дышала свободно, когда наслаждалась свѣтскими удовольствіями. Графъ сдѣлался ревнивымъ, и для истребленія своихъ подозрѣній, вознамѣрился онъ увезти жену свою въ одно свое помѣстье. — Боясь исполненія сего намѣренія, совсѣмъ несогласнаго съ ея чувствами, она употребляла всѣ средства къ отвращенію отъ онаго мужа своего и кончила тѣмъ, что отреклась отъ Протестантской рели-

гіи, а приняла Католическую. — Сіе заставило Шведскую Королеву Христину сказать объ ней, „что Графиня „перемѣнила законъ для того, чтобъ „не видать своего мужа ни въ здѣш„немъ, ни въ будущемъ свѣтѣ.“

Графъ былъ очень тронутъ поступкомъ жены своей, и съ того самаго времени всѣ священныя связи, соединявшія его съ нею, были прерваны. Оба они желали, чтобы бракъ ихъ навсегда былъ уничтоженъ, и не щадили ничего для достиженія сей цѣли. — Никому не сказавъ объ этомъ дѣлѣ, Графиня торжественно предложила своему мужу 25,000 ефимковъ, ежели онъ согласится дать ей совершенную свободу. Графъ принялъ деньги — и согласился; сіе подало поводъ сказать тѣмъ, коимъ сіе болѣе было извѣстно, что Графиня въ семъ дѣлѣ потеряла 50,000 ефимковъ; потому что ежели бы она еще не много потерпѣла; то вмѣсто 25,000

ефимковъ, которые вручила своему мужу, она бы сама отъ него получила ихъ на томъ же условіи.

Домашнія обстоятелъства Графини Сюзъ были очень разстроены. Одинъ полицейскій служитель пришелъ въ 8 часовъ утра съ нѣсколькими солдатами забрать всѣ мебели ея. Горничная дѣвка увѣдомила ее о семъ посѣщеніи; — она приказала ей впустить полицейскаго, у которато испросила позволеніе отдохнуть въ домѣ еще два часа. — Полицейскій, будучи гораздо учтивѣе, нежели какъ обыкновенно бываютъ такого рода люди, согласился на ея прозьбу. Проспавши означенное время, она встала, одѣлась и поѣхала обѣдать въ городъ, наконецъ проходя переднюю комнату, поблагодарила полицейскаго за учтивость, и вышла, предоставя ему исполнять препорученное ему дѣло.

Графиня имѣла тяжбу въ Парижскомъ Парламентѣ съ Гжею. де Ша-

тильіонъ. Двѣ сіи дамы встрѣтились однажды въ дворцовой залѣ. Г. Февилладъ, ведя подъ руку Гжу. Шатильіонъ, сказалъ Графинѣ Сюзъ, идущей въ сопровожденіи Гна. Бенсерада и другихъ славныхъ Поетовъ: „Сударыня, на вашей сторонѣ риемы, а „на нашей сторонѣ — справедли„вость. — Въ вашемъ дѣлѣ нѣтъ „ни риемъ, ни справедливости," отвѣчала Гжа. Сюзъ.

Графиня Сюзъ отличилась въ *Елегіяхъ*. Вотъ одинъ изъ отрывковъ, по которому можно судить объ ея сочиненіяхъ: „Не ужели печаль, скука, горесть, унынie и меланхолія — всегда будетъ нарушать спокойствіе моей жизни; не уже ли всегда и вездѣ вы будете обращать на меня свои удары? Оставьте меня хотя на одну минуту! — Пойду ли я въ пустыню искать уединенія — горесть со мной вездѣ слѣдуетъ; хочу ли призвать уединеніе къ моему

утѣшенію, но тоска меня пожираетъ, — и душа моя будучи угнѣтена, безъ силъ, безъ помощи, уступаетъ ударамъ рока. — Я страдаю, не зная отъ кого, и тщетно изыскиваю средства къ своему излѣченію. — Все противъ меня, все клонится къ моему несчастію; все, что мнѣ нравится нынѣ, завтра меня печалитъ; мой разумъ, подавляемый различными мнѣніями, разсматриваетъ всѣ трудности и не понимаетъ ихъ; — томные глаза мои, противъ воли моей, даютъ мнѣ чувствовать, что я совершенно лишена покоя."

Увѣряютъ, что Гжа де ла Сюзъ имѣла великое затрудненіе прибирать риемы, для изъясненія мыслей своихъ стихами, и для сего часто прибѣгала къ своимъ пріятелямъ. — Какъ бы то ни было; но не льзя безъ удивленія читать ея сочиненій и не чувствовать того сильнаго жару, коимъ онѣ преисполнены.

Гжа. де ла Сюзъ скончалась въ Парижѣ въ 1673 году, 55 лѣтъ отъ рожденія, и погребена въ церкви Св. Павла.

Г-ЖА ДЕ САЛІЕ.

Антуанета де Сальванъ родилась въ Алби, и вышла за Антона де Фонтвилль, помѣщика Саліезскаго. Она осталась вдовою въ молодыхъ лѣтахъ; но какъ вмѣстѣ съ умомъ соединяла она въ себѣ большую склонность къ наукамъ: то и не хотѣла вступить въ новый бракъ, дабы съ большею удобностію заняться оными.

Въ 1689 году получила она дипломъ отъ Падуйской Академіи. Отвѣтъ ея достоинъ быть здѣсь помѣщенъ.

„Дипломъ, которымъ вы мнѣ сдѣ-
„лали честь, и по которому я удосто-
„иваюсь быть участницею вашей зна-

„менитой Академіи, — сей дипломъ,
„знакъ вашего ко мнѣ благорасполо-
„женія, писанный на Италіянскомъ
„языкѣ, кажется, требуетъ, чтобы и
„чувствительнѣйшая моя вамъ благо-
„дарность была изъявлена на ономъ же
„языкѣ; но, кромѣ того что я не
„довольно знаю всѣ красоты онаго,
„и что все равно, на какомъ бы язы-
„кѣ ни отвѣчать тѣмъ мужамъ, ко-
„торые знаютъ всѣ языки, могу ли я,
„имѣя щастіе быть подданною Людо-
„вика Великаго, предпочесть другой
„языкъ господствующему въ его Госу-
„дарствѣ, и на которомъ онъ начер-
„талъ для насъ столь мудрые и столь
„кротkіе законы? Между тѣмъ какъ всѣ
„націи, уважающія его добродѣтели,
„и страшащіяся могущества его, гово-
„рятъ нашимъ языкомъ, я чрезмѣрно
„привязана къ тому, который сдѣлал-
„ся всеобщимъ, и который наша уче-
„ная Академія довела до такой степе-
„ни совершенства, что онъ почитаетъ
„ся почти столь же изобильнымъ, какъ
„и Латинской. Признаюсь, М. Г., что

„письмо мое не докажетъ вамъ сей „истины; родившись въ Провинціи, „и не исправивши въ Парижѣ недостат„ковъ слога своего, такъ какъ было нѣ„когда въ Аѳинахъ, куда пріѣзжали „исправлять недостатки Азіятскаго „языка, я не могу писать съ такою „точностію, какъ дѣвица Скюдери и „Г-жи Дезульеръ, Дасіе и Вилледіё, „которыя достойны оказанныхъ вами „почестей. Пребываніе ихъ въ Па„рижѣ и обращеніе въ большихъ и „блестящихъ обществахъ — способ„ствовали къ возвышенію разума ихъ, „и чрезъ то сіи жены содѣлались удив„леніемъ своего вѣка; ихъ сочиненія „болѣе удивятъ потомство, нежели „сочиненія ученыхъ женщинъ прошед„шихъ вѣковъ. Я думаю, М. Г., мнѣ „позволено будетъ вамъ сказать отк„кровенно, дабы вы не сожалѣли о „чести, мнѣ сдѣланной, что со„чиненія мои, будучи гораздо ниже „ихъ, имѣли однакожъ щастливые „успѣхи: въ нихъ видна природа въ „простотѣ своей и непринужден-

„ность въ выраженіи. Наконецъ, такъ
„какъ творенія мои приобрѣли ваше
„вниманіе, то никто не въ правѣ мнѣ
„отказать въ ономъ. Вы подобны тѣмъ
„славнымъ Грекамъ, которые рѣша-
„ли достоинства Авторовъ и Геро-
„евъ; вы еще превосходите ихъ пра-
„вотою сердца своего, которое от-
„даетъ справедливость полу моему,
„принимая меня въ вашу знаменитую
„Академію, и ни мало не уважая раз-
„личія, какого и Небо и самая при-
„рода никогда не полагали между
„нами и мущинами; ихъ ревность
„производитъ оное, а наша скром-
„ность заставляетъ насъ молчать объ
„немъ; и когда мы въ свѣтѣ не жа-
„луемся на сію несправедливость: то
„мущины начинаютъ раскаиваться въ
„ихъ злоупотребленіи — и самовластіе
„ихъ разрушается само собою. Наша
„Королевская Академія въ Арнѣ послѣ-
„довала вашему примѣру, и уже многіе
„изъ нашихъ лучшихъ писателей об-
„стоятельно разсуждали о равенствѣ

„половъ; о чемъ уже во Франціи бо„лѣе не спорятъ, съ того времени, „какъ нашъ правосудный Монархъ по„читаетъ и уважаетъ достоинства „того и другаго пола.“ —

Гжа де Саліе составила общество, которому дала названіе: Societé des chevaliers et chevalieres de bonne-foi. Сіе общество собиралось одинъ разъ въ недѣлю. Она воздвигла въ честь оному статую, въ 1704 году. Она сдѣлала также планъ новой секты философокъ въ пользу дамъ. Вотъ ея мнѣнія вразсужденіи положенія, какое должно было дать оной сектѣ. Она предложила оныя своей пріятельницѣ, которая по видимому должна быть началѣницею секты. „Вы знаете, сударыня, что находится два рода остроумныхъ людей — первые дѣйствительно остроумные, а вторые мнимые остряки. И по сему должно тщательно распознавать умы принимаемыхъ въ наше общество. Дабы не обмануться въ нихъ, торжественно исключить должно изъ сего рода такихъ

людей, которые, чтобы сдѣлаться остроумными, никогда не приближаются ни къ какой женщинѣ, не сказавъ ей множества ласкательствъ; также еще тѣхъ, которые всегда говорятъ или о своемъ происхожденіи или о храбрости, почитая неучтивымъ посѣщеніе, если оно не бываетъ въ 4 и въ 5 часовъ, и которые увѣрены, что благороднымъ людямъ надобно быть совершенными невѣждами. Мы никогда не должны принимать въ наше общество такого рода остряковъ, которыхъ Богъ послалъ на свѣтъ, подобно какъ войну и голодъ, для наказанія человѣческаго рода; сіи столь ограниченные умы всегда говорятъ одинакимъ образомъ, и разсказываютъ выученные ими наизусть два или три анекдота и нѣсколько натянутыхъ остротъ.

„Безъ сомнѣнія, должно исключить и женщинъ, имѣющихъ такіе же недостатки; не должно также принимать и такихъ лицемѣровъ, которыя думаютъ, что нѣжная и

усладительная дружба есть самый постыдный порокъ, ниже тѣхъ, которыя, принимая на себя смѣшную важность, осуждаютъ благопріятную веселость, которая бываетъ душею бесѣды. Не должно имѣть никакого сношенія съ такими женщинами, кои позволяютъ себѣ всѣхъ ругать, давать всегда уроки о скромности и воздержаніи, и которыя, не терпя смѣха, порицаютъ все то, что называется увеселеніемъ и забавою. Я увѣрена также, что мы не примемъ въ наше общество тѣхъ женщинъ, у коихъ всегда бываютъ предметомъ разговора наряды и головные уборы; тѣхъ, которыя не могутъ сносить, чтобы другія читали пріятныя книги, и которыя воображаютъ, чтобы быть честною женщиною, должно только ходить въ церковь и читать набожныя книги. Я думаю, сударыня, что въ особенности надобно изгнать изъ нашего общества любовь, дабы она не нарушила спокойствія, коего мы ищемъ, и вмѣсто оной ввести пріятное и веселое дружество.

„Показавъ вамъ, кого не должно принимать, кажется мнѣ, что первымъ закономъ нашего общества будетъ согласіе другъ съ другомъ, величайшая дружба и почтеніе; я не говорю о такомъ почтеніи, какое бываетъ между такими людьми, коихъ хотимъ мы изгнать, и которые всегда основаны на тягостныхъ и несносныхъ церемоніяхъ; ибо въ нашемъ обществѣ неотмѣнно должно отказаться отъ сего; — но о почтеніи, которое состоитъ въ томъ, чтобы уважать самихъ себя, не говорить никогда о томъ, что можетъ неправиться, и не слишкомъ вольно обходиться.

„Кто хочетъ быть принятъ въ наше общество, тотъ долженъ быть уменъ и послушливъ. Послушаніе требуетъ двухъ вещей: первая, чтобы принимать съ покорностію и удовольствіемъ все опредѣленное, а вторая, чтобы оставлять безъ упрямства и безъ отговорокъ худыя правила, терпимыя въ другихъ обществахъ.

„Надобно, чтобы умъ тѣхъ, которыхъ хотимъ мы принять, былъ способенъ къ сей столь любезной вольности, которая заставляетъ говорить пріятно и свободно то, что думаешь, чтобы былъ искусенъ въ сей столь прекрасной и невинной шуткѣ, скучные предметы обращающей въ забавные; въ сихъ небольшихъ чистосердечныхъ проказахъ, которые людей умнѣйшихъ часто въ разговорахъ ихъ приводятъ въ замѣшательство, изъ котораго они выходятъ, доставивши много удовольствія. —

„Наконецъ, сударыня, надобно, чтобы ваши ученики наблюдали въ разговорѣ вѣжливость и все то, что можетъ одѣлать общество пріятнымъ и веселымъ; безъ чего, для какой бы то ни было причины, вы не принимайте никого, котораго лице и разговоръ показываетъ смѣшную важность. —

„Въ нашемъ обществѣ должно наблюдать совершенную вѣрность, то есть, чтобы говорить откровенно и чистосердечно, по просту и безъ чи-

новъ, чтобы чаще видѣться съ тѣми, которыхъ любимъ, трудиться вмѣстѣ и безпрестанно, дабы искоренить дурныя правила, разсѣянныя въ свѣтѣ, и вести безпрестанную войну съ глупцами, на щетъ коихъ позволяется забавляться, если, по нещастію, встрѣтишься съ ними." —

Г-жа де Саліе сочиняла также исторические романы, а именно: Графиня Иссембургская, Принцесса Гогенцоллернская и Принцессы Баварскія — Изабелла и Маргарита. Она еще выдала въ свѣтъ многія сочиненія въ стихахъ и прозѣ.

Г-жа де Саліе умерла въ Алби, въ 1750 году, дожившн до глубокой старости. —

Конецъ третіей Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

третіей Части.

	Стран.
I. Хрістина. -	3
II. Діана, дочь Генриха II.	17
III. Магдалина Терезія. -	24
IV. Дѣвица Буриньонъ. -	28
V. Анна Маврикія Австрійская.	37
VI. Дѣвица Монпансье. -	49
VII. Г-жа Ментенонъ. -	64
VIII. Нинона Ланкло. -	83
IX. Г-жа Севинье. - -	96
X. Маркиза де Ламбертъ. -	114
XI. Г-жа Дезульеръ. - -	140
XII. Г-жа де ла Моттъ Гюонъ.	156
XIII. Елисавета Вудвиль. - -	163
XIV. Герцогиня Мазарень. -	168
XV. Г-жа де Келюсъ. - -	184
XVI. Маркиза де Ганжъ. - -	191
XVII. Дѣвица Ессе. - - -	204
XVIII. Дѣвица Леритье. - -	223
XIX. Маркиза де Саміанъ. -	250
XX. Дѣвица де Люссанъ. - -	259
XXI. Графиня Сюзъ. - -	263
XXII. Г-жа де Саліе. - -	270